

Владимир Переверзин
Заложник. История менеджера ЮКОСа

Владимир Переверзин

ЗАЛОЖНИК

ИСТОРИЯ МЕНЕДЖЕРА ЮКОСа

Кто не зарекается от тюрьмы и сумы – прочтите эту книгу.
Она про то, как стать истинно свободным, потеряв свободу.

Борис Акунин

HOWARD
ROARK

Предисловие

То, что никто не читает

Предисловия писать почетно, а читать их глупо. Скорей, скорей к книге — и это правильно. Послесловие — да, почитать можно, если возникнут вопросы. Но здесь вопрос после прочтения один, и я не буду тут его воспроизводить ввиду его очевидности.

Про автора, Владимира Переверзина, сказать все-таки надо. Мы познакомились с ним меньше чем через месяц после его выхода из тюрьмы. Просто однажды на заседание «Руси сидящей» пришел очень красивый и стильный парень. С розами. Мне вообще-то не до него было, у меня как раз в это время родного мужа второй раз сажали, но парня я сильно заприметила, глаз хороший у него был, умный и веселый. Таким-то он и оказался, Володя Переверзин, только лучше. Снюхались мы с ним мгновенно. Кто ходит на митинги с флагом ЮКОСа? Володя Переверзин. Кто переписывается с сошедшими с ума от горя матерями погибших в тюрьмах ребят и тащит меня на край света за утешением? Володя Переверзин. Кто травит страшные тюремные байки так, что волосы стынют в жилах, и ноги сжимаются в кулаки, и плачешь, и смеешься, и вот тут тень любимого Чехова А.П. с нами в уголку уже скоро будет осязаема? Это Володя Переверзин. Кому можно позвонить в три часа ночи с оригинальным сообщением, что тут всех повязали и срочно нужна помощь? Это Володя Переверзин.

Я вам так скажу, дорогие читатели. Много чего я в тюрьмах повидала такого, во что нормальный человек поверить не сможет никогда, но вот в одну сцену я бы лично не поверила, несмотря на весь свой опыт, если бы не свидетели и если бы не фоточки в телефоне. Полетели мы как-то с Володей в Берлин, по делу срочно, на семинар насчет свободы. Хороший был семинар, душевный и полезный, а после семинара лично у меня был митинг запланирован напротив российского посольства. Ну и без Переверзина не обошлось. В общем, после митинга в хорошей берлинской компании временно отъехавших соотечественников ездили мы по разным делам и встречаем целый день, плотно заполненный. И вот в конце этого дня едем мы в метро, и одна девочка, берлинская студентка, вдруг возьми да и скажи: я в теплое время года вот в такой майке на митинги хожу, а сегодня у меня сверху курточка. И на этом месте курточку расстегивает. И мы видим майку, на которой написано: «Свободу политзаключенным!» и фамилии. И первое, что мы видим, — Vladimir Pereverzin. Пауза. Володя смотрит на девочку, девочка — на него. И они медленно понимают. Они оба медленно узнают. Мы все узнаем, что происходит — что произошло, что еще будет происходить. За несколько секунд перед глазами, перед сердцем и мозгами пронеслась длинная и очень важная история. Сразу много важных историй, которые встретились в одной точке.

Политзаключенных в России все больше. Я хочу видеть такие сцены все чаще. И мне очень хочется, чтобы это видел наш дорогой читатель.

А про книгу я не буду. Это невозможно. Ибо это лучшее, что я когда-либо читала про тюрьму. То есть про волю.

Глава 1

Освобождение

Спальный район на юго-западе Москвы. Панельный дом серии П-44. Раннее утро. «Бззззззз...» Резкий звонок неожиданно врывается в мой сон. Я пытаюсь понять, откуда идет звук. Мобильник выключен, будильник я не заводил. Последние семь лет я ежедневно просыпался под вой сирены и истошные крики дневальных: «Барак, подъем!» Я не сразу понимаю, где нахожусь. Звонит домашний телефон, которым я практически не пользуюсь — я даже не знаю его номер. «Вы что, не слышите, как меня заливают?» — доносится до меня раздраженный женский голос. «Там же булькает!» — продолжает она. Я в панике бегу проверять батареи, которые мне меняли вчера. На полу лужа, из батареи тоненькой струйкой бежит вода. Я беру тазик и тряпки, пытаюсь бороться со стихией. Звоню сантехнику. Он утром включил стояки, и у меня обнаружилась течь. Неисправность устраняется быстро — вчерашние мастера забыли затянуть гайку. Мы спускаемся вниз к соседям, чтобы оценить нанесенный ущерб. Долго звоним в дверь. Нам никто не открывает. «Да пошла она... — бросает сантехник. — Раз не открывает, значит, не сильно ее и залили». Сантехник уходит по своим делам, а я возвращаюсь в квартиру. Опять звонит телефон. Опять соседка снизу. Она возмущенно что-то кричит в трубку. Пытаясь сгладить ситуацию, вежливо говорю ей:

«Я только что с сантехником спускался к вам, и вы не открыли».

«Я принимала душ», — отвечает она.

«Я могу сейчас спуститься к вам», — предлагаю я.

«Зачем?» — интересуется она.

«Чтобы оценить и возместить ущерб, который я вам нанес», — сообщаю я цель своего визита.

«Нет, я вас не пущу. Я боюсь с вами рядом жить и не знаю, чего от вас ожидать», — выдает она.

* * *

Меня не было дома семь лет и два месяца. Все это время я жил за границей. За границей реальности, в другом, в параллельном мире, отделенном от этого колючей проволокой.

Сейчас я ни о чем не жалею. Я не жалею о том, что сделал, и о том, чего не сделал. Если бы можно было повернуть время вспять, то я сделал бы ровно то же самое. Мои поступки были мотивированы жизненной позицией и предопределены полученным воспитанием. Мне не стыдно смотреть в глаза сыну, мне не стыдно было бы взглянуть в глаза отцу, который умер во время суда, так и не дождавшись меня. Я считаю, что ничто не

проходит бесследно, ничто не сойдет с рук. За грехи рано или поздно придется отвечать. Не ответишь ты — расплачиваться будут твои дети или внуки...

За эти годы прошла целая жизнь. Как можно оценить отнятые семь лет и два месяца? Да и можно ли это сделать вообще? Умер мой отец, без меня вырос сын. Как оценить сломанную жизнь, подорванное здоровье, разрушенную карьеру?

Я счастливый человек. Мне повезло. Я провел там семь лет и два месяца. Повезло, что я освободился. Были моменты, когда я не без оснований думал, что меня никогда не освободят.

Я часто слышал вопрос: «Как вы стали поделником Ходорковского?» Не без иронии я всегда отвечал на него: «Просто повезло!»

После семилетнего заключения я оказался дома.

Свобода! Лишенный более чем на семь лет простых человеческих радостей, на которые в обычной жизни и внимания не обращаешь, я начал по-новому воспринимать многие вещи. Принять душ или ванну было несбыточной, неосуществимой мечтой все эти годы. Радует каждая мелочь, каждый пустяк. Радуюсь возможности надеть нормальную одежду, поваляться на кровати на человеческом белье. В местах лишения свободы по непонятным причинам строжайше запрещены пододеяльники. Я катаюсь на метро, захожу в кафе, где пью кофе и ем мороженое, получаю массу приятных впечатлений от похода в магазин...

К моему удивлению, не разверзлось небо, не поразило оно молниями моих гонителей, не произошло солнечного затмения. Все было как-то обыденно, и я бы сказал — как-то серенько. Так же безучастно снуют автомобили, спешат куда-то люди, не обращая на меня никакого внимания...

А мне хотелось закричать на всю вселенную: «Люди, ау, я освободился, слышите?!» Сердце мое разрывалось, мне хотелось и плакать, и смеяться. Я сам не верил и не осознавал, что свободен. **Я до последнего момента не верил, что меня освободят.** После всего того, что со мной происходило во время заключения, я ожидал любых пакостей и провокаций. И сотрудники колонии не упустили возможности напоследок хоть немного, да напакостить...

Обычно освобождение происходит следующим образом. Около десяти часов утра всех освобождающихся вызывают в дежурную часть с вещами, провожают на КПП, где проверяют их личности, а удостоверившись в том, что это именно те люди, выводят на свободу. К этому времени приезжают родственники и друзья, которые тебя и встречают. Ты ждешь этого момента долгие годы. Момент встречи радостный, волнительный и долгожданный.

Со мной все было несколько иначе. В момент подъема в шесть утра меня лично разбудил начальник отряда — капитан внутренней службы. «Иди в дежурку с вещами! — произнес он. — Собирайся на освобождение». Я, честно говоря, напрягся. Попросив одного заключенного проводить меня, направился со своим скарбом, уместающимся в небольшой баул, в дежурную часть. Дежурный офицер повел меня в сторону КПП. Открыв тяжеленную дверь, разделяющую два мира, я предстал перед другим милиционером. «Имя? Фамилия? Год, дата и место рождения? Место жительства? Дата регистрации брака?» — сыпались на меня вопросы. «Повернитесь так и эдак», — офицер сличал меня с фотографиями.

Убедившись в том, что я — это я, что под моей личиной не освобождается кто-то иной, мне выдали справку об освобождении, паспорт, вещи и деньги, находившиеся у меня на счете. Я выхожу на улицу. Темно. Время — 06:15 утра. Меня встречает оперативник, замначальника колонии по оперативной работе и один неизвестный в гражданском. Мне вежливо предлагают сесть в автомобиль. Я в панике! Куда везут?! Может, какое новое обвинение предъявят? А может, и вообще убьют, а труп закопают?! Но деваться некуда и некуда идти. Я покорно сажусь в автомобиль.

«Куда подвезти? На вокзал или автостанцию?» — спрашивает меня оперативник.

Я выбираю автовокзал. Мне дали позвонить, чтобы предупредить родственников. И вот я, в чудовищного вида телогрейке с биркой на груди, в не менее чудовищной шапке, в эковских ботинках, в таких же штанах, с сумкой в руке оказываюсь на автовокзале города Покрова. Чтобы не пугать прохожих, я отдираю бирку с телогрейки и, сняв и спрятав шапку, захожу в пустое в этот ранний час придорожное кафе. Благо есть деньги. Не могу не отметить, что государство трогательно заботится о зэках, выдавая выходное пособие в размере восьмисот рублей. Я покупаю себе кофе, кекс и мороженое. Сажу и думаю, что делать дальше. Решаю взять такси. Спустя двадцать минут серебристый «рено меган» с надписью на борту «Такси г. Покрова» несет меня на долгожданную встречу с моими близкими. Мы встречаемся на трассе между Владимиром и Москвой, в населенном пункте Обухово. Слезы радости, объятия. Мне не стыдно об этом говорить, но я плакал. Люди, которые были рядом со мной все эти годы. Друг Леонид Беленький, сын Денис и жена Ирина. Я переодеваюсь в нормальную одежду. Арестантскую форму мы складываем в сумку и сжигаем на обочине. Пьем шампанское — первое шампанское за семь лет и два месяца! Ура! Ура! Я на свободе, и это не сон. Начинается новая жизнь...

* * *

15 октября 2012 года. С Владимиром Малаховским я сижу в небольшом кафе у метро «Парк культуры». Он освободился неделю назад. Это первая наша встреча на свободе. До этого мы виделись только в судах, где и познакомились. Мы сидим и пьем кофе. Эмоции переполняют меня, мне хочется встать и закричать: «Люди! Посмотрите на нас! Мы отсидели за хищение тринадцати миллиардов долларов и отмыwanie восьми миллиардов! Вы нам верите?!» Очевидно, нас приняли бы за сумасшедших. Выпив кофе, мы заходим в метро и расстаемся. Каждый едет по своим делам. Владимир идет на радиальную линию, а я на кольцевую. «Что за бред?» — скажете вы и будете правы. Не было никаких миллиардов, как не было и хищений. Но были годы, проведенные в тюрьмах и лагерях. Годы, проведенные в угоду чьих-то личных интересов и амбиций. Годы, которые у нас украли, которые никто уже не вернет.

Я хорошо помню день, когда моя жизнь перевернулась. 16 декабря 2004 года. День моего ареста. День, который поделил мою жизнь на две части. На жизнь «до» и жизнь «после». Тогда я не мог поверить в то, что это происходит со мной. Сейчас я не могу поверить в то, что это все уже случилось, и когда я пишу эти строки, меня не покидает ощущение, что я пишу не о себе, а о каком-то другом человеке, с которым все это и

произошло. Словно я смотрел о нем фильм или читал книгу. Об этой «книге» и пойдет речь...

Глава 2

Начало пути

Родился я в Москве, в обычной семье. Детство и юность прошли на окраине города в районе Чертаново. Моя жизнь не отличалась от жизни многих сверстников. Обычная районная школа, занятия спортом в школе «Самбо-70». Мысли о спортивной карьере. После окончания школы я стоял на распутье, раздумывая над поступлением в Институт физкультуры. Но сделал выбор в пользу профессии экономиста. Окончив институт, я недолго проработал в Мособлисполкоме, после чего попал на работу в Госкомспорт СССР, в Управление внешнеэкономической деятельностью.

Шел 1991 год. Работа наша заключалась в учете доходов и расходов различных спортивных федераций. Например, выиграли наши фигуристы чемпионат мира — получили премию. Премия идет в общий котел, перераспределяется на содержание ничего не зарабатывающих спортивных федераций. Я работал в отделе сводного валютного планирования — сводил воедино все финансовые потоки. Председатели спортивных федераций, знаменитые спортсмены были частыми гостями в нашем отделе. Работа считалась престижной и неплохо оплачивалась. Меня же мучили угрызения совести, и я чувствовал себя лишней надстройкой, паразитирующей на спортсменах.

И когда в одной газете я увидел рекламное объявление «Коммерческому банку требуются специалисты по внешнеэкономической деятельности», то, недолго думая, откликнулся на него. Это был Коммерческий инновационный банк научно-технического прогресса, позже переименованный в банк «Менатеп». Моя банковская карьера началась с должности эксперта отдела международных расчетов — иными словами, я работал рядовым операционистом. Стремительно рос и развивался банк, а вместе с ним двигалась и моя карьера. Старший операционист, заместитель начальника отдела международных расчетов, начальник отдела — это не полный перечень моих должностей. Постепенно, преодолевая ступеньку за ступенькой, я взбирался по карьерной лестнице.

В 1994 году я сделал остановку, по линии Британского совета уехав на стажировку в Великобританию в University of Leeds. Спустя год я вернулся в Россию и пошел работать в ставший родным банк «Менатеп», где возглавил главное валютное управление. А через год банк открыл филиал на Кипре, куда я и уехал. Оставался я там недолго, около года. Наступил 1998 год, грянул финансовый кризис, и банк прекратил свое существование.

Без работы я долго не сидел — устроился в ОАО «НК ЮКОС». Когда в ЮКОСе решили открыть филиал на Кипре, моя кандидатура всплыла сама собой. Финансовый директор компании Мишель Сублен озвучил мне задачи и условия работы, и вот я уже пакую чемоданы и вылетаю на Кипр. Для ЮКОСа я был находкой, и буквально сойдя с трапа самолета, я принялся за работу. Через полгода компания имела на острове полноценно функционирующий офис со штатом сотрудников, где продолжал работать и я. Мой начальник Мишель Сублен ушел из ЮКОСа, не попрощавшись со мной, не выполнив своих обязательств и договоренностей. Когда я пришел на прием к занявшему его место

американскому гражданину Брюсу Мизамору со своими претензиями, он удивленно посмотрел на меня и по-хозяйски заявил, что если меня что-то в ЮКОСе не устраивает, то я могу катиться на все четыре стороны.

Подельников своих, с которыми, как позже выяснится, я все это время воровал нефть, я еще не знал, как, впрочем, и самого Ходорковского, с которым, с учетом выполняемой мной работы в компании, я даже в теории не мог встретиться — уровень решаемых задач не тот, а Лебедев, как мне помнится, в ЮКОСе не работал вообще. Я не нашел ничего лучшего, как последовать совету американца — уволился без выходного пособия. Находиться без работы я долго не мог. Через несколько месяцев я стал заместителем председателя правления одного из банков и, как мне тогда казалось, вычеркнул из своей памяти ЮКОС навсегда. Но судьба распорядилась иначе, прочно связав меня с этой компанией...

* * *

Декабрь 2004 года. Платон Лебедев и Михаил Ходорковский уже арестованы. Их арест тогда казался мне какой-то ошибкой, событием настолько далеким, что представить, что это коснется и меня, я не мог. В то время, уволившись из ЮКОСа в 2002 году, я работал заместителем председателя правления одного из банков. У меня все было более чем хорошо. Ничто не предвещало беды. Я часто спрашиваю себя: как бы я поступил, если бы заранее знал обо всем, что случится? Пришел бы я на допрос? Тогда у меня не было оснований опасаться, так как я был чист перед законом. Не знаю. Все случилось так, как случилось. Сейчас я ни о чем не жалею.

По-разному сложились и судьбы людей, которые «не пришли на допрос». Далеко не у всех все хорошо. Хотя многие и выиграли в этой ситуации...

После ареста мой адвокат обратится к моему преемнику на Кипре Артему Бутовскому с просьбой дать некоторые документы о работе компании. Тот, недолго думая, в обмен на документы затребует кругленькую сумму. Такой суммы у меня не было, и, посоветовавшись с адвокатом, я решил отказаться от этой идеи и обойтись без документов. Артем был странным человеком. Такой же наемный сотрудник, как и я, он приедет на Кипр, чтобы заменить меня после увольнения (за два года до моего ареста). Уезжая с Кипра, я передам ему все — офис, документы, машину, квартиру и даже мобильный телефон. Когда на этот телефон придет предназначенная мне эсмэска («Вас ждет прекрасная блондинка в баре»), Артем прилетит в этот бар на своем любимом мотоцикле. Он с таким же успехом мог подменить меня и на скамье подсудимых. Следователям Генеральной прокуратуры было абсолютно все равно, кого сажать...

У меня оставались друзья и знакомые, по-прежнему работающие в ЮКОСе, к которым я иногда заходил в офис на Дубининской улице. Обычно мы встречались в кафе для сотрудников. Так однажды встретился с приятелем. У меня в руках газета «Коммерсантъ», я читаю, как тогда казалось, ничего не значащую для меня статью (а на самом деле — судьбоносную), где говорится о хищениях нефти в ЮКОСе и аресте некоего В. Малаховского. Я с недоумением спрашиваю Бориса: «Как же в ЮКОСе можно было что-то украсть? Там же царит тотальный учет и контроль. Все забюрократизировано и

зарегламентировано. Бесконечные согласования, аудит внутренний, аудит внешний, служба безопасности...»

«Я не знаю», — пожимает плечами Борис.

«А кто такой Малаховский?» — продолжаю я.

«Понятия не имею», — отвечает Борис.

Позже этот Малаховский окажется «моим подельником», с которым, по странному стечению обстоятельств, я познакомлюсь лишь во время суда. Хочу отдать должное Борису, который выступит в суде в качестве свидетеля защиты и расскажет эту историю. А даже если бы мы и были знакомы? Ну и что? Мы работали в одной организации, были наемными сотрудниками, выполняющими свои должностные обязанности. Ни больше и ни меньше. Но в нашем случае мы не были знакомы, никогда не виделись. Этот факт не помешает признать нас виновными в хищении нефти, добытой ЮКОСом за все время его существования, и приговорить к чудовищным срокам. Суд фактически решит, что в ЮКОСе только и делали, что воровали нефть, а вся деятельность компании была незаконной. Незаконно платили миллиарды долларов налогов в бюджет России. Что можно говорить, если в качестве доказательств «преступной деятельности» фигурировала моя трудовая книжка, официальная финансовая и налоговая отчетность компании?! Меня осудят лишь за факт работы в компании ЮКОС. Звучит чудовищно, но на моем месте мог оказаться любой сотрудник компании. А выбор пал на меня...

Глава 3

Арест

Ноябрь 2004 года. Мне звонит отец, в квартире которого я прописан.

«Володя, тебе пришла повестка на допрос в Генеральную прокуратуру», — сообщает он мне. Он умрет, пока я буду сидеть, не дожив даже до вынесения приговора, когда мне дадут одиннадцать лет строгого режима...

Я встречаюсь с ним, беру эту повестку и, наивный, иду в Генеральную прокуратуру. Иду с адвокатом. Первый допрос в мрачном здании в Техническом переулке. Обычные вопросы. По совету адвоката, предоставленного мне ЮКОСом, я отказался от дачи показаний, сославшись на 51-ю статью Конституции¹. Сейчас, задним числом, анализируя произошедшее, я понимаю, что это было моей роковой ошибкой. Но тогда, в конце ноября 2004 года, выйдя из здания, я беззаботно вернулся в обычную колею. Этот допрос стоил мне должности заместителя председателя правления банка, акционеры которого вежливо попросили меня написать заявление об уходе. В здание прокуратуры я вошел безработным, полным планов и надежд на светлое будущее. В таком же беззаботном настроении я вышел из этого здания. Мне было чем заняться. Где-то я даже порадовался, что освободился от оков наемного менеджера и наконец-то смогу сосредоточиться на собственных проектах.

Преддверие Нового года. Предпраздничная суета, всюю идет покупка подарков и подготовка к Новому году. Уже куплены билеты и оплачен отель. Всей семьей мы решили отпраздновать Новый год в Праге. Я весь в хлопотах и заботах. 16 декабря 2004 года.

Ресторан «Ноев ковчег». У меня деловой обед с председателем правления одного из банков. Это приятная женщина, с которой я мило беседую. Неожиданно звонит телефон. В трубке раздаётся незнакомый голос:

«Владимир Иванович?»

«Да», — отвечаю я.

«Вас беспокоит следователь Асадулин. Не могли бы вы приехать по адресу Большая Пионерская, дом 20?»

«Сегодня не могу, — говорю я. — Подъеду завтра».

Следователь настаивает:

«Нет, надо подъехать сегодня, минут на двадцать!»

Не екнуло у меня сердце, не сказал мне внутренний голос: «Беги, Володя, беги!». Уже арестованы Лебедев и Ходорковский. Арестован тогда ещё не известный мне Малаховский, о котором я читал в «Коммерсанте». Не чувствуя за собой никаких грехов, с чистой перед законом совестью, решаю: «Ладно, поеду сегодня, иначе не отвяжутся». Тогда я не знал, что эти двадцать минут растянутся на семь лет и два месяца...

Я заканчиваю обед и еду по указанному адресу. Там находится ДРО — Департамент режимных объектов — МВД России. Своего рода государство в государстве. Свое оперативно-розыскное бюро. Своя прослушка, своя наружка и прочие секретные службы. Сколько таких секретных подразделений с надуманными функциями в нашем царстве-государстве существует? Им же не сидится просто так, им же надо что-то делать, вопросы важные решать. Вот и придумывают они эти вопросы, и сами же их решают. И все вроде как при деле. Лучше бы вообще ничего не делали. А так получается, что за наши денежки нас же и сажают, а вдобавок и обирают. Все в России с ног на голову поставлено, забыли, кто для чего и для кого создан. Если бы каждый делал то, что должен делать, жить стало бы гораздо лучше. Но мы живем в России...

Приехал я в этот самый ДРО, спрашиваю на проходной следователя, а там засада! Ждали меня. Время 14:15. Окружили, накинулись, вручили мне повестку на допрос в Генеральную прокуратуру на 15:00 по адресу Технический переулок, дом 2. Приглашают пройти в милицейский автомобиль — «газель» с надписью «ГАИ». Я искренне недоумеваю от происходящего и спрашиваю: «А зачем весь этот маскарад, почему нельзя было мне просто дать повестку в Генпрокуратуру?» Вопрос повисает в воздухе. Позже выяснится, что после первого допроса в Генеральной прокуратуре за мной было установлено наружное наблюдение. В этот день они меня потеряли и таким «хитроумным» способом решили заманить в ловушку. Так меня и поймали. Я не удивлюсь, если кто-то за эту «специальную операцию» получил орден, медаль или продвижение по службе.

Благодаря доблести и отваге сотрудников ДРО я под конвоем был доставлен на допрос в Технический переулок точно к назначенному времени. Иными словами, я был банально похищен сотрудниками милиции. Меня привозят в здание Генпрокуратуры, мы поднимаемся на четвертый этаж. Заходим в кабинет, мелькают незнакомые лица. Позже я узнаю их

фамилии — Каримов, Хатыпов, Альшев, Русанова, Ганиев... Я отказываюсь от услуг адвоката, мне вручают постановление на обыск квартиры, куда мы едем всей толпой. Дома никого нет. Приглашаем понятых. Я звоню близкому другу Леониду и прошу срочно приехать. Искали везде. Перевернули все, вскрыли потолки в ванной комнате, облазили все шкафы, залезали под ванну, рылись в вещах. Что искали — не знаю. Думаю, они сами не знали, что ищут. У меня ничего не пропало. После обыска мы возвращаемся в Генеральную прокуратуру. Опять допрос — беседа без адвоката, от услуг которого я отказываюсь. Мне вручают постановление о задержании. Следователь Хатыпов любезно разрешает позвонить жене и сообщить об аресте. Время около двенадцати ночи.

Я выдавливаю из себя слова:

«Ира, меня арестовали».

«Хорош прикалываться!» — не верит она мне.

«Да точно арестовали», — продолжаю настаивать я, понимая, что и сам не верю собственным словам.

Даю трубку следователю.

«Следователь Генеральной прокуратуры по особо важным делам Хатыпов», — представляется он.

Жена не верит, и я слышу на другом конце:

«Леня, хорош меня разыгрывать».

Она приняла следователя за моего близкого друга, но уловив холодные нотки в голосе, поняла, что это серьезно. Ощущение розыгрыша, чьей-то злой шутки долго не покидало меня. Мне казалось, что вот-вот откроются двери, все закончится и я вернусь к привычной жизни. Но все растянулось на долгие годы...

Начало первого ночи. Из Генеральной прокуратуры меня везут на Большую Пионерскую улицу в ДРО. Любопытная деталь, резанувшая слух: сотрудники этого загадочного департамента представлялись вымышленными именами и фамилиями. Мне предлагают выбор. Ехать в ИВС (изолятор временного содержания) или остаться в здании ДРО и ждать какого-то генерала, который будет меня допрашивать и решать вопрос о целесообразности моего задержания. Хватаясь за спасительную соломинку, я выбираю последний вариант. Если посмотреть документы, то с момента моего задержания в 23:50 16 декабря до 15:00 17 декабря, когда меня «оприходовали» в ИВС, меня нигде нет...

Я сижу в коридоре, устроившись в выдавшем виды кресле, и пытаюсь осмыслить происходящее. Рядом сидят трое моих охранников — молодые милиционеры. Из кабинета выходит пьяный высокий человек в штатском. «А почему у нас арестованные без наручников сидят?» — заплетающимся языком говорит он и вплотную подходит ко мне. Я спокойно встаю, смотрю ему в глаза. Он выше меня сантиметров на пятнадцать, где-то под метр девяносто. Меня накрывает запах перегара. Взявшись за воротник моей куртки, он резко стягивает ее мне за спину — так, что мои руки становятся будто скованы. «Если он меня ударит, заеду ему в ответ с ноги», — думаю я и продолжаю спокойно стоять. Я встаю

пудобнее, полубоком, шире расставляю ноги. Он чувствует мой настрой и мешкает. Понимая, что запахло жареным, один из охранников бежит за каким-то старшим товарищем, и они уводят этого подонка. Наутро один из сотрудников этого заведения, представлявшийся мне Василием (хотя коллеги почему-то называют его Александром), будет извиняться за этот инцидент...

Видимо, во избежание подобных ситуаций (кто знает, много ли у них там пьяных отморозков по кабинетам сидит?) меня проводят в кабинет местного руководства. Кабинет № 3. Небольшая приемная на два кабинета. Начальник и заместитель начальника восьмого управления. Полковник Флоринский и подполковник Зелепущенков, в кабинете которого я и проведу остаток ночи. Здесь же сидят мои сторожа, не спускающие с меня глаз. Ночью заходит еще один товарищ в штатском, интересуясь моей жизнью. Сообщает, что скоро приедет генерал и все решит. Генерал явно не торопится. Слышу какой-то шум, суету, топот, хлопанье дверьми. Явно приехал этот товарищ. В кабинет заходит обычного вида человек среднего роста, здороваается. Сторожа уходят, и мы остаемся одни. Вошедший представляется руководителем бригады, осуществляющей оперативное сопровождение процесса. Он торжественно сообщает свое звание и показывает мне удостоверение. Делает он это очень странно: не выпускает документ из рук, закрывая фамилию мизинцем. На фотографии я действительно вижу человека в форме генерал-майора. Это не официальный допрос, а беседа. Мне он настоятельно советует признаться во всем. Не понимая, в чем я должен признаваться, я смотрю на него как на сумасшедшего.

«Да ты не знаешь, что у нас на тебя есть!» — произносит он, извлекая из портфеля какой-то лист. Лист оказывается резюме, ранее разосланным мной в кадровые агентства.

«Точно сумасшедший», — думаю я.

«Ты нас не интересуешь, — продолжает этот тип. — Дай показания на Брудно, Лебедева, Ходорковского и иди домой, живи спокойно. Надо только признаться».

Я действительно не понимаю, в чем я должен признаться.

Неизвестный генерал настаивает:

«Да тебе дадут двенадцать лет, по УДО ты не выйдешь, а когда освободишься, сын вырастет и пошлет тебя на три буквы, жена бросит...»

Мне страшно хочется спать, а я слушаю этот бред и не понимаю, что происходит. Какие двенадцать лет, за что? Что этот идиот несет? Когда же это закончится? Чего от меня хотят эти странные люди?

Этот генерал по фамилии Юрчеко был далеко не сумасшедшим и нес отнюдь не бред. Фактически он оказался ясновидящим и знал, что говорил. Через два года и восемь месяцев, которые я проведу по тюрьмам, мне дадут одиннадцать лет строгого режима. По УДО я не выйду. Я отсижу свой срок до конца. Но все это еще впереди...

Беседа продолжается несколько часов. Меня уговаривают, угрожают, убеждают. Мне же не в чем признаваться, я не обладаю тайными знаниями и не могу сообщить ничего интересного.

Мы не понимаем друг друга и разговариваем на разных языках, мы оба устали. Наконец «дружеская» беседа завершается. Мы разъезжаемся каждый по своим делам. Генерал едет совершать другие подвиги, а меня везут в ИВС, который находится совсем рядом, на улице Щипок, скрываясь за воротами с надписью «Пожарная часть, МЧС». Меня обыскивают, отнимают ремень, шнуры, часы, деньги, документы и проводят в полутемную камеру размером два на три метра. К стене примыкают широкие деревянные нары, предназначенные для нескольких человек, постамент с дырой для справления естественных надобностей и умывальник без кранов (вода открывается снаружи надсмотрщиком, для чего надо стучать в дверь.) На стенах так называемая шуба — это рельефное бетонное покрытие, в углублениях которого скапливается грязь.

Я сажусь на эти нары и глубоко задумываюсь. Впервые за сутки я остаюсь наедине с собой. Все это время я не спал и не ел, мне кажется, что это какой-то сон. Я пытаюсь себя ущипнуть, закрываю и открываю глаза, трясую головой в надежде, что я проснусь и окажусь в другом месте. Но, увы, ничего не меняется.

Гремят засовы, открывается дверь, и ко мне входит интеллигентного вида человек. Товарищ по несчастью. Его якобы задержали за экономические махинации, о чем он охотно рассказывает, вызывая меня на откровенность. Я без утайки рассказываю свою историю. Услышав слово «ЮКОС», он мне тут же сообщает: «Я учился с братом Брудно, не знаешь такого?» С одним из акционеров компании, Михаилом Брудно, я встречался несколько раз по работе, но не знал его настолько хорошо, чтобы быть осведомленным о членах его семьи, тем более о существовании брата. Мне становится очевидно, что «товарища по несчастью», имеющего как минимум звание майора, посадили ко мне намеренно, с определенной целью.

Опять лязг и скрежет металла, открывается дверь, и меня просят выйти. За мной приехали. Надевают наручники, сажают на заднее сиденье седьмой модели «жигулей» без опознавательных знаков и везут на допрос в Генеральную прокуратуру. Опять это мрачное здание. Поднимаемся в уже знакомый кабинет, где меня ждут следователи. Их много. Мне предлагают адвоката, от услуг которого я упорно отказываюсь. Я прошу дать мне возможность позвонить, в чем мне тоже отказывают. Начинается беседа. Кто-то входит и выходит, кто-то играет роль злого следователя, а кто-то доброго. Мне рекомендуют признаться и дать показания, пока не поздно. Дружеской беседы явно не получается. Один следователь, человек маленького роста, щупленький такой, одетый в серый костюм, при галстукке и белых носках, срывается. Он визжит и брызжет слюной: «Иваныч! Ты же русский! Что тебе эти евреи, эти Борисовичи?!» Он явно психически не здоров и опасен для общества.

Я не чувствую угрозы, не осознаю реальности происходящего. Мне кажется, что я попал в дурдом. Даю согласие ответить на вопросы под запись на диктофон без присутствия адвоката. Рассказываю всю правду: свою биографию, как попал на работу в ЮКОС, с кем знаком, чем занимался в компании. Правда их явно не устраивает. Меня проводят в другой кабинет, к уже знакомому «доброму» следователю по особо важным делам господину Хатыпову. Он мне делает официальное предложение сказать то, чего не было. Мне это кажется дурным сном или сценой из дешевого кинофильма...

Команду следователей для нашего дела собирали со всех уголков нашей необъятной родины. Призваны были лучшие кадры. Но возможно, что на местах решили избавиться от

худших. Костяк группы — представители Башкирии. Руководитель следственной группы Каримов, его заместитель Хатыпов и Ганиев. Были здесь и представители Волгограда, Белгорода, Курска и даже Мичуринска... Они приехали покорять Москву и сделали головокружительную карьеру.

Я действительно не понимаю, в чем меня обвиняют. «Добрый» следователь Хатыпов вежливо предлагает мне чай, башкирский мед, конскую колбасу и рисует перспективы освобождения. Есть совсем не хочется. Спать тоже. Придумывать то, чего не было, мне не хочется, как, впрочем, не хочется и конской колбасы. Разговор явно не клеится...

Так и не отведав башкирского меда, возвращаюсь в ИВС. Мой сокамерник, к счастью, куда-то испарился. Я остаюсь в камере наедине со своими мыслями. Ложусь на нары, пытаюсь уснуть. Не сплю вторые сутки, а сна ни в одном глазу. Казалось, вот только закрыл глаза на мгновение, а уже опять громыхает железная дверь, и меня везут на допрос. В тот день я не вернусь в изолятор временного содержания. Закончатся те самые сорок восемь часов, в течение которых меня имеют право здесь держать. У них было всего два варианта. Либо отпустить меня домой, либо предъявить обвинение и решить вопрос с судом о мере пресечения. Именно решить. Находясь в прокуратуре, я случайно услышал разговор двух следователей.

«Надо только Фею предупредить», — говорит один другому.

«Да я уже ей отзвонился, все в порядке», — непринужденно отвечает другой.

Позже я узнаю, что так они между собой ласково называли председателя Басманного суда. В тот день состоится мое первое знакомство с судом, чье название породило фразу «басманное правосудие». Здесь же я впервые увижу господина Лахтина, нагло и цинично вравшего, что я могу скрыться и меня надо держать в тюрьме. Мои слова о том, что я пришел на допрос добровольно и ни от кого скрываться не собирался, остаются неслышанными. Судья быстро, как бы между делом, решает вопрос о моем аресте. Легко и непринужденно, словно выпивает стакан холодной воды, она выносит решение: «В связи с особой опасностью и возможностью скрыться избрать меру пресечения арест». Точка. Я воспринимаю арест как чью-то злую или неудачную шутку.

«Какая тюрьма? — мое сознание отказывается воспринимать происходящее. — У меня же билеты на самолет на руках, отель оплачен, а сын так долго ждал этой поездки!» Мне кажется, что все вот-вот образуется и закончится, но «шутка» затягивается.

Мне предъявляют предварительное обвинение, которое позднее, подредактировав, перепредъявят. Понять, в чем меня обвиняют, невозможно. Недаром на тюремном сленге этот документ называют «объебон». В этом вся суть. Лучше не скажешь. У меня появился адвокат Яртых, которого я искренне просил разъяснить смысл предъявленных обвинений. На «объебоне» (извините за ненормативную лексику, но иным словом ту бумагу назвать не могу) я написал: «Обвинение мне непонятно». Позже я отказываюсь от услуг этого адвоката, который, по странному стечению обстоятельств, через несколько лет будет защищать интересы моего «ночного гостя» — генерала, к тому времени уволенного из МВД.

* * *

Каждый человек имеет собственную картину мира, порой отличающуюся от реальной. Когда две картины не совпадают, возникает серьезный конфликт. В моей — наверное, наивной — картине мира Генеральная прокуратура и суд были вершиной закона и правосудия, и я надеялся на справедливость, на то, что они разберутся и меня вот-вот отпустят. Эта наивность помогла пережить все эти события. Я всегда чего-то ждал. Ждал суда, когда в очередной раз будут рассматривать вопрос о продлении срока ареста, надеясь уйти домой из зала суда. Ждал окончания суда и вынесения приговора, надеясь быть оправданным. Ждал кассационного рассмотрения жалобы на приговор в Мосгорсуде, затем рассмотрения надзорных жалоб в Мосгорсуде и Верховном суде... Уж и срок прошел, а я все жду. Я не признал свою вину, не согласился с приговором. Моя жалоба на приговор ждет своего часа в Европейском суде по правам человека уже шесть лет...

Глава 4

Здравствуй, Бутырка!

Из суда в автозаке меня везут в Бутырку. Я выпрыгиваю из машины. Здание, построенное еще во времена Екатерины Второй и подходящее больше для музея, производит сильное, хотя и гнетущее впечатление. Огромные ворота, высоченные потолки. Лязг открывающихся запоров, звуки хлопающих дверей гулким эхом разносятся по всему огромному коридору. Подсознательно ты чувствуешь, как вся эта махина нависает над тобой, придавливает, готовая обрушиться на тебя всей своей мощью, от чего становится не по себе...

Меня заводят на сборку — помещение, где людей могут держать сколь угодно долго, пока не распределят по камерам. Нас человек шесть. По очереди выводят на некое подобие медицинского осмотра, фотографируют «на память», снимают отпечатки пальцев — после чего ты долго не можешь отмыть руки от густой черной краски. Мы все только что с воли, разное стечение обстоятельств привело нас сюда. Завязывается обычная беседа, все делится впечатлениями и своими бедами. Молодой парень лет двадцати не без гордости рассказывает свою историю и даже хвастается тем, что следователь ему польстил, сказав, что у него хороший вкус. Он украл бутылку вина из магазина, стоимость которой превысила порог административного наказания, и ему светит уже не штраф, а срок... Мне же и сказать нечего, а тем более похвастаться...

Не понимаю, в чем меня обвиняют, долго ломаю над этим голову. Речь идет о хищениях нефти. Работая в дочерней компании ЮКОСа на Кипре, я не подписал ни одного платежного документа.

В структуру ЮКОСа входило несколько нефтедобывающих компаний, каждая из которых теоретически могла самостоятельно заниматься реализацией нефти. Но поскольку у всех этих компаний был один собственник, в холдинге была создана единая централизованная структура, занимающейся реализацией нефти всех добывающих компаний, входящих в ЮКОС. Для этого были созданы специальные торговые компании, в одной из которых я и трудился. Торговые компании покупали нефть у нефтедобывающих компаний, например у «Юганскнефтегаза», и перепродавали ее конечному потребителю. В результате

акционеры получали существенную экономию за счет сокращения издержек (не надо держать штат специалистов по продажам в каждой нефтедобывающей компании), а прибыль, получаемая трейдерами, оставалась у тех же акционеров, так как все эти компании входили в один и тот же холдинг — ЮКОС. Ничего нового в этой схеме не было: так работали и продолжают работать все крупные компании.

Компания, где я работал, **покупала** нефть у ЮКОСа. Поскольку платежами я не занимался и даже не имел права распоряжаться счетами, с которых производились все платежи, у меня возникает мысль, которую я мгновенно отбрасываю: «А что, если не заплатили за нефть?» Для всех расчетов и управления счетами была создана специализированная финансовая компания в Швейцарии, которая и осуществляла все платежи. «Нет, такого не может быть! — отчаянно рассуждаю я. — Я же сам для наших аудиторов запрашивал у них выписки по счетам, все контракты, они же все проверяли!» Я успокаиваю себя: «Какие хищения?! Это невозможно!» Понимание придет намного позже, поэтому я долго не могу понять, о каких хищениях идет речь. Как оказалось, по версии обвинения была украдена нефть у нефтедобывающих компаний. «Сколько?» — спросите вы. А вся, которую добыли за все время существования ЮКОСа! Что мелочиться?! И даже немного больше. Когда? Где? Оказывается, украли в тот самый момент, когда, например, «Юганскнефтегаз» продавал эту самую нефть торговой компании, в тот момент, когда на счет «Юганскнефтегаза» поступали деньги за проданную, то есть «украденную» нефть.

«Что за бред! Как это возможно?» — спросите вы. Возможно, еще как возможно! Это чудовищно-абсурдное умозаключение чьего-то воспаленного мозга легло в основу нашего приговора и было намертво забетонировано многочисленными решениями судов...

Тогда, в сборке, я еще всего этого не знал и не понимал...

Глава 5

Тюремные университеты

Мне выдают видавший виды матрас, одеяло, убогое казенное белье, алюминиевую посуду и ведут в камеру. Четырехместная камера с разбитым окном. Здесь уже двое, одного из них тоже только что привели. Мы знакомимся. Гена, зэк со стажем, лет тридцати четырех, становится первым преподавателем в моих тюремных университетах. Он не может толком рассказать, за что сидит, но говорит много и увлеченно. Второй наш сокамерник так же, как и я, первоход. Молодой парень, студент юридического факультета МГУ. Приехал из Иваново и поступил на бюджетное отделение. Он лимоновец. Его взяли за захват кабинета в здании администрации президента. Ребята зашли в здание, используя строительный пистолет, забаррикадировались в одной из комнат, вывесив из окна плакат «Долой Путина». Шили им статью «попытка вооруженного захвата власти». Срок до двадцати пяти лет! Что это? Особое рвение следователя, очевидно, страдающего шизофренией, или стремление полного идиота выслужиться? Про свои похищенные тринадцать с половиной миллиардов долларов и отмытые восемь с половиной я тогда еще не знал, и на вопрос, за что меня закрыли, не мог дать вразумительного ответа. А история о вооруженном захвате власти закончилась относительно благополучно. Этих ребят осудили по «хулиганке», дав незначительные сроки.

Вова, как и я, внимательно слушает своего наставника. Мы находимся в котловой хате (камере), где сходятся все дороги. Сплетенные из ниток канатики связывают практически все камеры Бутырской тюрьмы. По этим дорогам идут груза — кофе, чай, сигареты и малявы — переписка заключенных. Бывалый Гена виртуозно управляет этими нитями: получает тюремную почту, сортирует ее, что-то перекладывает, переправляет ее дальше адресатам в другой корпус тюрьмы... Он ни на минуту не останавливается — спать он будет днем, когда дорога закроется. Я замороженно смотрю на это действие и воспринимаю происходящее как маленькое приключение.

Ночь проходит незаметно. О том, что наступило утро, мы узнаем по лязгу открытой кормушки, из которой появляется нехитрый завтрак — кусок хлеба, жидкость, именуемая чаем, и каша... Я пытаюсь поесть тюремной баланды, но не могу этого сделать. Не сплю и не ем уже трое суток. Лязг металла о металл. Продольный, иными словами — надзиратель, стучит ключом от камеры по железной двери. Называет мою фамилию и сообщает: «С вещами по сезону». Меня везут на очередную профилактическую беседу в прокуратуру. Без адвоката. «Лица стерты, краски тусклы...» — так я могу описать свое состояние тогда. Очевидно, я был похож на сомнамбулу или человека, впавшего в измененное состояние сознания. Память запечатлела выпитый стакан чая и съеденный бутерброд.

В это время адвокат и все мои близкие находятся в панике, приближающейся к шоку. Для них я опять пропал. В Генеральной прокуратуре моему адвокату сообщили, что я в Матросской Тишине. Отстояв приличную очередь, он, к своему удивлению, узнает, что меня там нет. Он опять в прокуратуру, где ему сообщают о якобы имевшей место ошибке и... опять обманывают. Адвокат едет в Бутырскую тюрьму. Но в это самое время меня переводят в Матросскую Тишину. Представьте удивление адвоката и ужас моих близких, когда меня и там не обнаруживают...

Пытки в прокуратуре продолжаются недолго. Осознав, что я нахожусь в неменяемом состоянии, следователи меня отпускают... в тюрьму. У меня три охранника-милиционера и персональный автомобиль — шестая модель «жигулей». Я сижу в наручниках на заднем сиденье и тоскливо смотрю на пешеходов, спешащих по своим делам. Я глядываюсь в лица водителей, проезжающие мимо машины, смотрю на готовящуюся к Новому году Москву, на недавно выпавший снег... Мы едем в Матросскую Тишину. Огромные металлические ворота, так называемый отстойник, где мои охранники сдают оружие. Лай собак. Мы въезжаем на территорию.

Тюрьма производит тяжелое, гнетущее впечатление. Тюремщики явно не радуются моему приезду. После недолгих препирательств подписываются какие-то бумаги, и меня сдают на руки. Тюрьма принимает меня. Странное место. Зловещее место горя и скорби, зла, отчаяния и боли, где сплетаются воедино все человеческие пороки. Меня всегда удивляли сомнительные праздники работников ФСИН. Не так давно с помпой отмечали юбилей Владимирского централа, которому исполнилось сто лет. Пригласив многочисленных гостей и журналистов, тюремщики хвастались тем, что у них сидели Даниил Андреев, Русланова и другие незаконно осужденные известные люди. Здесь стыдиться надо, а они этим гордятся. Что тут скажешь?

Матросская Тишина

Меня заводят во внутренний дворик тюрьмы, где я долго чего-то жду. Я уже не знаю, сколько сейчас времени — ему потерян счет. Часы, по каким-то непонятным причинам являющиеся запрещенным предметом, изъяли у меня еще в Бутырке и «забыли» вернуть. Мне кажется, что проходит целая вечность. Меня заводят внутрь тюрьмы и закрывают в стакане — маленьком темном помещении, где можно только стоять. Нет, там есть подобие лавочки — дощечка шириной сантиметров десять, прикрепленная к стене и, очевидно, предназначенная не для сидения, а для издевательств. Уверен, какой-то специалист НИИ ФСИН (такой на самом деле существует!) написал как минимум кандидатскую диссертацию на тему вроде такой: «Влияние нечеловеческих условий содержания на раскрываемость преступлений». Действительно, из тюрьмы многие мечтают поскорее уехать на зону. Не был исключением и я, но об этом позднее...

В стакане я простою очень долго. Меня выводят на медосмотр, где хмурый санитар огромным шприцом с тупой иглой берет из вены кровь для проверки на ВИЧ. Внимательно посмотрев на меня, он почему-то делится со мной своей бедой.

«Не нравится мне здесь работать, аура плохая», — в задумчивости говорит он.

«А где до этого работали?» — интересуюсь я.

«В морге», — отвечает он и тяжело вздыхает.

Мне делают снимок «на память», в личное дело, и опять берут отпечатки пальцев. Выдают матрас, белье, ложку, кружку, миску и ведут в камеру. Малый спец, камера 412. Я хорошо помню этот момент — он намертво врезался в мою память. Это была уже настоящая тюрьма. Открылись тормоза — дверь, — и я вхожу в камеру. Запах, тусклый свет, веревки, натянутые вдоль и поперек, на которых сушатся вещи, которые по определению не могут высохнуть из-за перенаселенности камеры и только пропитываются запахом. Разбитые стены. Люди везде, они заполняют все пространство. Я зашел словно в переполненный автобус. Кто-то стоит, кто-то сидит, кто-то лежит. Разруха полная. Такого я не видел даже в кино.

В камере находится восемь двухъярусных железных кроватей, стоящих вплотную друг к другу, на сорок человек. Мест не хватает, спят по очереди. Я вхожу, здороваюсь, спрашиваю, кто смотрящий. Это человек из арестантов, отвечающий за соблюдение тюремного уклада жизни — не установленного администрацией, то есть не мусорского режима, а людского порядка. Мы знакомимся. Женя — Художник — арестант со стажем, наркоман, у него ВИЧ. На свободе работал реставратором, окончив специализированное училище. Арестован по статье 158 (кража). Узнав, что я впервые попал в тюрьму, он проводит ликбез. Не здороваться за руку с обиженными (есть такая каста неприкасаемых среди арестантов), не брать у них ничего из рук, не пользоваться туалетом (дальняком), когда кто-то ест. Правила, в общем-то, просты и понятны.

Я рассказываю о себе — кто и откуда. Из нашей камеры по тюремной арестантской дороге уходит прогон по всей тюрьме — малява: мол, заехал к нам первоход, ранее не сидевший Володя Переверзин из Чертаново, по статьям 160 и 174.1. Делается это везде и

всегда, для того чтобы спросить и наказать арестантов за прошлые проступки и грехи. Тюремное сообщество живет по своим, подчас более справедливым — людским — правилам жизни. Здесь ничего невозможно скрыть. Находясь двадцать четыре в сутки под пристальным вниманием сокамерников, ты становишься полностью понятен окружающим. Я вливаюсь в тюремную жизнь. Мне выделяют шконку, где можно отдохнуть. Спать не хочу, хотя пошли уже четвертые сутки бодрствования. Мы долго разговариваем с Женей. Мне он симпатичен и интересен. Здесь он рисует открытки для всей тюрьмы. Он уважаем и востребован. Благодарные зэки пересылают ему по канатным дорогам чай и сигареты. Здесь у каждого своя роль. Есть дорожник — человек, стоящий на тюремной дороге и отвечающий за тюремную неофициальную логистику. Постепенно я знакомлюсь с другими обитателями камеры.

Виктор утверждает, что закончил ВГИК, режиссерский факультет. Он эрудит и алкоголик, арестован по статье 319 (неповиновение сотруднику милиции) — здесь это одна из самых уважаемых статей. Иными словами, он дал участковому в морду, за что и был арестован. Виктор — мастер художественного слова и пишет для своих сокамерников витиеватые письма, которые те уже от своего имени отправляют на волю возлюбленным...

В камере не хватает всего. Не хватает воздуха, еды, свободного пространства, чая, сигарет. Нет ни книг, ни газет, ни телевизора, радио запрещено. Зато есть масса свободного времени. Каждый пытается хоть чем-то себя занять, скоротать время. Бесконечные разговоры, порой абсолютно бессмысленные и пустые, а иногда и очень интересные. Я непринужденно разговариваю с одним парнем, который упоминает о своей дружбе с человеком, который сидел в этой камере до меня. Он называет фамилию Малаховский. Эта фамилия мне уже известна, хотя с ним лично я еще не знаком. Я допускаю мысль, что мог видеть его в ЮКОСе, например, за соседним столиком в столовой. Я спрашиваю моего собеседника о возрасте Малаховского. Он озвучивает его примерный возраст и доверительно сообщает, что дружит с ним и знает, в какой камере тот сидит. И вот как раз сейчас, в этот самый момент, он пишет ему маляву, любезно предлагая добавить что-нибудь самому. На мгновение у меня возникает безумная мысль: «А что, забавно вот так написать незнакомому человеку, которого тебе записали в подельники — мол, хороший повод познакомиться...» Разум возобладал над мимолетным желанием, и я не стал этого делать. Позднее я попадал в подобные ситуации не один раз. Сидел в камерах, где до меня находился Пичугин, сталкивался с людьми, которые сидели с Курциным. Только сейчас я осознаю, что ходил буквально по лезвию ножа. Обычное офисное знакомство с ними могло обернуться дополнительными годами тюрьмы для всех нас.

* * *

Мы все встретимся уже свободными людьми в ноябре 2012 года, спустя восемь лет. Света Бахмина, Малаховский, Курцин и я. «Вот и вся банда в сборе», — горько пошутит кто-то из нас. На четверых мы отсидели около тридцати лет...

* * *

Я начинаю обживаться в камере. Наконец-то меня находит адвокат. В этот же день мне приносят передачу со всем необходимым. Мыло, зубная щетка, паста, сменное белье, чай, кофе, сладкое... Перебирая эти сокровища, я ловлю завистливые взгляды сокамерников и ощущаю необыкновенное чувство гордости и радости, чувство уверенности в завтрашнем дне. Я понимаю, что не один, осознаю, что меня поддерживают, обо мне заботятся. Это чувства я пронесу через все эти годы...

Жизнь начинает налаживаться. В тюрьме принято делиться. Получил передачу — отдай на общее. А общее будет перераспределено смотрящим по камере среди нуждающихся, которых большинство. В первый раз я высыпаюсь, проваливаясь в полное забытие. Сплю раз в трое суток. В камере стоит шум и гам, который сливается в постоянный гул, не дающий уснуть. Пока не дойдешь до состояния полного изнеможения, не заснешь. На клопов и тараканов, которыми все кишит, я не обращаю никакого внимания. Зато с изумлением и непониманием наблюдаю, как мои сокамерники борются с неведомой мне напастью — вшами. Самодельным кипятильником они кипятят в тазике белье, спичками прижигают швы на вещах, где скапливаются эти насекомые. Наблюдают я недолго, до того самого момента, пока сам не ощущаю, что по мне кто-то ползает. Снимаю футболку и с ужасом вижу уже не один десяток насекомых, мирно пасущихся в моем белье, а также множество отложенных яиц. Я с энтузиазмом включаюсь в эту борьбу. Победить вшей в тех условиях было невозможно, но нанести серьезный урон противнику в локальном конфликте было вполне осуществимой задачей...

Приближается Новый год — 2005-й. Камера живет своей жизнью. Раз в неделю нас водят в душ, который почему-то всегда упорно называют баней. В душевой невероятная грязь, стены в какой-то слизи, на полу лужи по колено. Некоторые арестованные вообще не выходят из камеры. Неизвестно, что лучше — грязь или какая-нибудь инфекция из душа... Мне чудом удастся избежать и того, и другого. В тюрьме положена ежедневная часовая прогулка. Тюрьма днем спит, поэтому на прогулку выходят два-три человека. Я радуюсь любой возможности выйти из камеры. Хоть на час, но сменить обстановку. Увидеть небо, хотя бы и через решетку, вдохнуть глоток свежего морозного воздуха. Меня уже не смущают надзиратели, ходящие по периметру забора, окружающего прогулочный дворик. В глаза бросается надсмотрщик женского пола, с причудливой конструкцией на голове. Черные волосы наполовину прикрывает сдвинутый на бок огненно-рыжий парик, который, в свою очередь, накрывает форменная шапка... Как правило, здесь работают жители других областей, приезжающие на смену или живущие в ведомственных общежитиях...

Мы гуляем с Денисом О. Он идейный лимоновец и готов сидеть. С его коллегой «по захвату власти» я уже знаком. Денис — молодой, хороший, образованный парень, закончивший Калининградский государственный университет по специальности «учитель истории», и его позиция вызывает у меня уважение. Во время прогулки он отжимается и подтягивается, готовясь к выпавшим на его долю испытаниям. Тогда ему светило до двадцати пяти лет тюрьмы! Общаемся. Мне действительно интересно, чего и как они хотят добиться. Понятно, смены власти. А дальше что? Никакой программы, только лозунги: «Разрушить все до основания», «Кто был ничем, тот станет всем...» Все понятно, мы это уже проходили... Прогулка заканчивается, и мы возвращаемся в камеру. Завтра Новый год! Первый Новый год

в неволе. Несколько человек в камере получают передачи. Мои родственники оплатили доставку из тюремного магазина, и мне приносят сок, конфеты, шоколад, пряники, колбасу. Тюремную баланду есть пока не могу, сижу на хлебе и чае, чувствую, как стремительно снижается вес. «Отлично, похудею», — говорю я сам себе, пытаюсь найти положительные стороны в пребывании здесь.

Камера готовится к празднику. Разделена на части нехитрая снедь, заварен чифирь, поделены конфеты и шоколад. Все находятся в легком нервном возбуждении. Каждый надеется, что этот новый год принесет удачу, будет первым и последним в тюрьме. Мое пребывание здесь я еще считаю недоразумением. Я пока еще уверен, что освобожусь через несколько месяцев. Предположить, что у меня будет целых семь таких праздников, я не могу. Легкомыслие меня спасает, а надежда помогает жить...

Время тянется очень медленно. Через разбитое окно и решку (решетку) мы слышим Новый год! Отдаленные звуки салюта доносятся до нас, а если взглядеться, то за решеткой видны его отблески. Мы радуемся. После Нового года наступают десять дней тишины. Мертвые дни здесь, как я их называл, и выходные дни там, на свободе. В это время тебе не принесут передачу, не придет адвокат с хорошими новостями, которых ты всегда ждешь.

Неожиданно грянул шмон. Открываются тормоза, и в камеру заскакивают надзиратели. Нас всех выводят на проход (в коридор) и сажают в клетку. Я с удивлением наблюдаю, как из двери вылетает нехитрый скарб арестованных, который считается неположенным, летят какие-то вещи, сыплются самодельные карты. Полочки, любовно склеенные ээком для того, чтобы хоть как-то приукрасить убогий быт, безжалостно срываются и вылетают за пределы камеры... Шмон внезапно заканчивается, и мы возвращаемся в камеру. Там царит реальный погром. Все перевернуто. На полу гора вещей — тюремщики вытряхнули содержимое наших сумок в одну большую кучу и все перемешали... «Вот суки», — говорю я и начинаю искренне ненавидеть мусоров. Мы долго разбираемся, молча выискиваем свои вещи... В камере стоит тишина. Проходит немного времени, и все возвращается на круги своя. Жизнь продолжается.

* * *

Я переживу сотни подобных шмонов. Были случаи, когда надзиратели банально воровали мои вещи, не гнушаясь присваивать майки, ручки и сигареты. Бывало, что обыски проходили вполне культурно, в рамках приличий. Но привыкнуть к этому, принять это я так никогда и не смог. Меня всегда, до последнего дня эта процедура коробила и вызывала чувство брезгливости...

* * *

Несмотря на антисанитарию и бытовые неудобства я не был морально подавлен. Мы все были очень разные, пропасть разделяла нас. На свободе я бы никогда не встретился с людьми, находящимися со мной в одной камере. Но здесь, в тюрьме, мы жили дружно, общим интересом, объединенные одной бедой.

Стук железа о железо. Продольный называет мою фамилию. «Без вещей», — говорит он. Я выхожу из камеры, и мы идем по длинным и запутанным коридорам Матросской Тишины. Опять закрывают в стакан. Ждать приходится недолго. Вскоре открывается дверь, и меня опять куда-то ведут. Рядом вижу других арестантов. Я спрашиваю конвоира: «Куда идем?» «На короткое свидание», — отрезает он. Нас заводят в небольшое убогое помещение с длинным столом, на котором расставлены телефоны. Перед каждым телефоном стул. Я сажусь на один из них и вижу перед собой решетку и окно с грязными стеклами. За окном такая же комната, такой же стол, те же телефоны. Открывается дверь, и я вижу, как вбегают в комнату люди и начинают отчаянно метаться, пытаюсь найти своих близких. Время ограничено. Я вижу свою жену, вижу отца, который бросается к телефону, стоящему напротив меня. Почти ничего не слышно. Стоит шум, все стараются перекричать друг друга. Я не слышу, а скорее читаю по губам вопрос: «Как ты?» Изо всех сил я стараюсь улыбаться, но выгляжу потерянным. У меня ком в горле, я не могу говорить... Свидание заканчивается. Мне кажется, что не прошло и пяти минут, хотя оно длилось целых тридцать. Мне очень больно и тяжело, физически плохо. «Главное, что все живы и здоровы», — успокаиваю я себя. Так близко я видел отца в последний раз. Он умер во время суда, не дождавшись меня...

* * *

Издаательства и унижения сопровождают близких весь наш срок — с первого и до последнего дня. Очередь, чтобы сдать передачу, очередь, чтобы зайти на свидание, обыски и огромное количество надуманных неудобств, с которыми они вынуждены мириться...

* * *

Я долго прихожу в себя после первого свидания. Не проходит и нескольких дней, как меня опять куда-то вызывают. На этот раз с вещами. Вечер. Переводят в другую камеру. Дают время собраться. У меня щемит сердце, я не хочу покидать эти стены, этих людей, с которыми уже сблизился. Но иного выхода нет. Сворачиваю матрас и собираю вещи. Прощаюсь с ребятами, с которыми я прожил в буквальном смысле бок о бок больше месяца.

Опять бесконечные коридоры с тусклым освещением. Мы спускаемся в какой-то подземный тоннель, соединяющий корпуса. Мы идем в шестой корпус Матросской Тишины. Камера 601, шестой этаж. Мой сопровождающий не может найти продольного, у которого находится ключ от камеры. Я кладу вещи на пол и сажусь на матрас. Вдруг вижу, что по коридору в сопровождении надзирателя идет Платон Лебедев. Его ведут в соседнюю камеру. Он одет в спортивный костюм, сильно осунулся. Я смотрю на него, силясь что-то сказать. Когда-то, еще до моей работы в ЮКОСе, мы были знакомы. Я его не видел лет пять. Он меня тогда не узнал. Как и я, Лебедев еще не знал, что он — мой «подельник». Об этом я узнаю лишь в августе 2010 года, когда его с Ходорковским будет судить Хамовнический суд...

Находится ключ от камеры. Открывается дверь, и я захожу в просторную полупустую шестиместную камеру. Там два человека. Одного из них я уже знаю — Сережа сидел со мной на малом спецу, когда его перевели сюда. Здесь он уже прислуживает другому зэку лет

пятидесяти пяти — Мише Дашевскому. Моет полы, заваривает чай — одним тюремным словом, он здесь шнырь. Миша меня уже ждал. Он — очевидная сука и знает от оперативников о моем приходе. До меня он сидел в соседней камере с Лебедевым. Он много говорит о нем, наблюдая за моей реакцией. Еще больше он спрашивает. Не скрывает, что общается с оперативниками. Предлагает за деньги принести мобильный телефон, водку, какие душе угодно деликатесы. Хвастается, как хорошо они сидели здесь с каким-то заместителем министра и праздновали Новый год. Он не врет. Но меня все это не очень интересует, и я довольствуюсь ассортиментом тюремного магазина. В камере есть неслыханная роскошь — душ. Я тщательно моюсь сам и перестирываю все вещи, избавляясь от вшей...

Я нахожусь в этой камере несколько дней. Мы коротаем время за игрой в карты. Вечером надзиратель сообщает, что утром я должен быть готов по сезону. Это значит, что меня куда-то повезут. После подъема я одеваюсь, и меня выводят из камеры. Опять сажают в стакан. Время шесть утра. Стою долго, не нахожу себе места. Ни сесть тебе, ни походить. Можно только стоять. Пытаюсь присесть на корточки. Тоже неудобно. Хочу в туалет, стучу в дверь — сначала ладонью, потом кулаком, потом ногой. Дверь уже сотрясается от моих ударов. Бесполезно. Не достучишься ни до них, ни до их совести. Здесь царит абсолютное равнодушие... К одиннадцати утра за мной приезжает конвой и везет меня на допрос в Генеральную прокуратуру. Ура, я вижу белый снег из окна автомобиля, вижу небо и солнце!

Идиллия заканчивается в здании прокуратуры. В коридоре я встречаю Свету Бахмину. Нет, она не идет, а медленно передвигается, держась за стену. Лицо ее бело, как мел, взгляд устремлен в одну точку. Очевидно, она не видит ничего и никого вокруг. За руки, чтобы не упала, ее поддерживают два милиционера... Свету, на тот момент мать двоих малолетних детей, реально пытали. Меня приводят на допрос в уже знакомый кабинет, к уже знакомым следователям. Опять беседа. Опять пустые разговоры. Мне задают странные вопросы: бывал ли я в Самаре или Нефтеюганске?

Не понимая, к чему они ведут, честно рассказываю, что не был. Мне повезло. Иначе это послужило бы «доказательством» предварительного преступного сговора. Меня убеждают дать показания и признать вину. Кажется, такой пустяк, всего-то скажи: «Да, был знаком, получал указания, выполнял приказы, в чем глубоко раскаиваюсь» — и весь этот кошмар закончится, от тебя все отстанут. На повестке моего дня вопрос так не стоял, я не воспринимал их посулы. Я не знаю, как повел бы себя, если был бы в чем-то виноват, был бы знаком и получал указания. Здесь же не было ни первого, ни второго, ни третьего...

* * *

Мои рассказы следователям не нравятся, они явно разочарованы. Заглядывает Салават Каримов, на ломаном русском бросает мне фразу, что нельзя усидеть на двух стульях. Он здесь правит балом, он здесь главный. Протокол моего допроса следователь Русанова относит ему, через некоторое время возвращается и с улыбочкой на лице торжественно сообщает мне: «Салават Кунакбаевич просил привет вам передать и сообщить, что дадут вам двенадцать лет». У меня темнеет в глазах. Я уже не принимаю их за сумасшедших, как того

генерала, явившегося ко мне в первую ночь. Я понимаю, что в этих людях нет ничего человеческого, что они способны на все. Мне было больше не о чем с ними разговаривать, и, увы, помочь я им ничем не мог. Это был мой последний допрос без адвоката.

Глава 7

Тюрьма в тюрьме

Меня везут обратно в Матросскую Тишину. Тот же маршрут, те же охранники, та же машина. Заезжаем в ворота, проходим уже привычным путем. Меня под роспись сдают тюремщикам. Мы идем к стакану, что меня совершенно не радует. Я хочу поскорее попасть в камеру. Конвоир открывает дверь, и я вижу заботливо сложенные вещи, половины из которых не хватает. Мой сокамерник Дашевский обо мне «позаботился»...

Меня переводят в другую тюрьму. За это время я обзавелся имуществом. У меня полная сумка еды — каши в пакетиках, заваривающиеся кипятком, лапша «Доширак», книги, тетради, постельное белье, одеяло, купленное в тюремном магазине, стиральный порошок... Мы выходим на улицу, во дворик. Меня ждет новая «газель» с надписью на борту «ФСИН России». Меня опять передают с рук на руки, и я залезаю со своим багажом в автомобиль. Мы трогаемся. Я не успеваю толком устроиться, как машина останавливается, и меня просят выйти. Дорога занимает менее минуты. Не понимая, в чем дело, я выхожу наружу. Мы на месте. Это «тюрьма в тюрьме». СИЗО 99/1 ФСИН России, расположенное на территории СИЗО 77/1 УФСИН Москвы, или, как его еще называют, лефортовский, девятый корпус. Здесь я проведу два с половиной года, отсюда я уеду на зону...

Об этом месте среди арестантов ходят легенды. Я слышал много фантастических историй о камерах с джакузи, о бассейнах. На самом деле это совсем маленькая тюрьма, рассчитанная не больше чем на сто человек. Такое количество людей можно полностью контролировать двадцать четыре часа в сутки, обеспечивая строжайшую изоляцию от внешнего мира. Между собой мы называли это заведение лабораторией. За тобой постоянно наблюдают. Тотальный контроль. Все просматривается и прослушивается. Глазок камеры — шнифт — открывается каждые пять минут. Тонированное стекло глазка меняет тон, когда надзиратель с внешней стороны поднимает шторку. Правила соблюдаются неукоснительно. Надзиратели вежливы и обращаются только на вы.

Мы поднимаемся на второй этаж в небольшое помещение, предназначенное для обыска. Мои вещи тщательно просматриваются, не остается без внимания ни одна мелочь. Сотрудник досконально делает опись всего имущества. Часть вещей можно сразу взять в камеру, другая часть идет на склад личных вещей, откуда позже по заявлению их можно будет забрать. Уже поздно, время к полуночи. Наконец-то обыск, длившийся около часа, заканчивается, и меня ведут в камеру. В коридоре на полу ковровая дорожка. Ее стелют после отбоя, чтобы не было слышно шагов надзирателей, когда те подходят к глазкам камер. Слышен странный звук, похожий на сигнализацию. Это кукушка. Ее включают, когда кого-то из обитателей этого заведения ведут по коридору или по лестнице. В это время никого другого не выведут из своей камеры, чтобы не было никаких случайных встреч. Ты не знаешь, кто сидит за стенкой. Никаких тебе тюремных дорог, никакой логистики. Когда тебя

куда-то вызывают, надзиратель на проходе не назовет твою фамилию, а произнесет только первую букву: «На Пэ...»

Поднимаемся на третий этаж. Камера 304. Гремят, открываясь, тормоза, и я захожу внутрь. Уже выключен дневной свет, горит ночное освещение, дающее достаточно света, чтобы за тобой можно было подсматривать. Маленькая четырехместная камера, я вижу свободную верхнюю шконку. Все спят. Мой приход прерывает сон арестантов. Один из них встает и встречает меня. Рыжий накачанный мужчина представляется Олегом. Он показывает мне, где что находится, предлагает чай и ложится спать, бросив: «Завтра поговорим». Я ложусь на кровать и пытаюсь уснуть. В шесть утра подъем, зажигается свет. Надо встать и заправить кровать. Не заправил — получишь взыскание за нарушение распорядка дня. Позже это станет предлогом, чтобы не давать УДО. Большинство приезжает в колонию уже с букетом нарушений из СИЗО, о которых зачастую даже не знает! Вообще, как можно назначать какие-то взыскания неосужденным людям, еще находящимся под следствием?

Все встают, одеваются, заправляют кровати. Можно спать дальше, в одежде. Открывается кормушка — окошко в камере — завтрак подан. Берем хлеб, сахар, кашу. По тюремным меркам здесь очень хорошо кормят. Пьем чай, разговариваем и знакомимся. Молодой парень Андрей из Зеленограда собирается на выезд (то есть в суд), о чем ему сообщили накануне вечером и напомнили утром. У него 105-я статья, убийство мэра Зеленограда. Он уедет в суд и не вернется — суд присяжных оправдает его. Такое случается крайне редко — в стране, где отсутствует презумпция невиновности, суды не оправдывают в принципе. Такое возможно только лишь с присяжными заседателями. Это система. Случись преступление — у вас есть десять подозреваемых, среди которых, например, семь невиновных. В России посадят всех. Не важно, что невиновные будут сидеть. Главное, что виновные наказаны.

Открывается дверь, в камеру заходят надзиратели — проверка. Надо встать. Дежурный по камере делает доклад: «В камере четыре человека. Дежурный такой-то». Офицер забирает заявления, назначает дежурного на следующий день и уходит. «Странный ритуал, — думаю я. — Неужели и так не видно, сколько нас в камере?» Но это именно ритуал, который неукоснительно соблюдается. Отказался от доклада — получишь взыскание. Некоторым арестантам по неписаным тюремным правилам нельзя делать подобный доклад — воры в законе и стремящиеся стать таковыми отказываются от этого. Я никуда не стремлюсь и соблюдаю навязанные правила.

Мы продолжаем пить чай. Мои новые сокамерники рассказывают об этой тюрьме, хотя у меня самого уже начало складываться определенное впечатление. В камере есть телевизор и холодильник. Туалет отгорожен от общего пространства стеной и закрыт занавеской. Я вижу книги и газеты. Олег рассказывает мне о том, что здесь есть спортзал, в который можно попасть, отказавшись от прогулки. Он агитирует меня присоединиться к ним. Если я пойду гулять, они не попадут в спортзал. Я соглашаюсь. Спортзал платный, так же как и дополнительный душ. Пишешь заявление: «Прошу списать с моего лицевого счета такую-то сумму». Зал стоит сто тридцать рублей в день с человека. Душ по шестьдесят. Платит кто-то один. Получается не дешево. Но это великое счастье — выйти из камеры, сменить обстановку. Счастье случается не каждый день. В спортзал ходим два-три раза в неделю. С

лицевого счета оплачивается аренда холодильника и телевизора — по тридцать рублей в день. Раз в месяц — тюремный магазин, где есть все необходимое и даже больше...

В камере живут общим — все продукты для всех. В этой камере никто ни в чем не нуждается. Мы знакомимся. Олег из Мурманска. У него статья 105, часть 2, и статья 162, часть 4. Убийства и разбои. Он реальный бандит и знает, за что сидит. Мне он несимпатичен, но мы ладим. Второй сокамерник — Андрей Колегов — фигура посерьезнее. Он из Кургана, организатор и лидер печально известной Курганской преступной группировки. Убийства, бандитизм, организация преступного сообщества. Работали жестко и много. Убивали кого надо и кого не надо. Среди жертв Колегова были воры в законе. В тюрьме это приговор. На тебе ставят так называемый крест. Колегов осужден на двадцать четыре года. Его привезли в Москву из колонии в Коми, где он отбывал свой срок. Привезли для участия в следственных действиях по другим делам. Проверяли его причастность к убийствам Влада Листьева и небезызвестного криминального авторитета Сильвестра. Андрей был последним, кто видел Сильвестра живым. После встречи с ним машина Сильвестра была взорвана на Тверской улице.

Через год я опять попаду к ним в камеру, а еще через год узнаю, что Андрея нашли повешенным в одиночной камере Тульской пересыльной тюрьмы, куда его завезли по пути в Коми. Говорят, это было самоубийство. Зная его лично, я в это не верю. Он уверен в себе и спокоен. Говорит очень тихим голосом. Смотрит прямо в глаза, словно сканирует тебя. Взгляд никогда не отводит. Глаза жесткие, безжалостные. Он закончил военное училище, эрудирован и образован. Мы коротаем время за игрой в шахматы. Баталии занимают почти все наше свободное время. Игра отвлекает от грустных мыслей и спасает от депрессий. Мы говорим об Алексее Пичугине, который до меня сидел именно в этой камере. Мне рассказывают о том, как однажды его вызвали на допрос, после которого принесли в камеру в бессознательном состоянии. Он спал больше суток и не мог вспомнить, что с ним произошло.

* * *

...Я не был знаком с Алексеем Пичугиным. Наверное, к счастью. Иначе мои одиннадцать лет строгого режима за факт работы в ЮКОСе показались бы мне несбыточной мечтой на фоне пожизненного срока, который можно было получить лишь за знакомство с ним. Алексей Пичугин пострадал больше всех. Работали с ним долго и жестко. На нем опробовали весь арсенал средств давления на человека, использовали весь чудовищный опыт, накопленный за годы сталинских репрессий. Он был первым, кого арестовали, и, к сожалению, будет последним, кто освободится по нашему делу. На него следователи возлагали самые большие надежды, но он их не оправдал... Я преклоняюсь перед мужеством и силой духа этого человека, которого не сломали. Я часто думал о нем, размышлял о его деле, о его судьбе...

«Как такое могло произойти, как такое могло случиться?» — не один раз задавал я себе этот вопрос.

Страшно представить, насколько мы отстали от цивилизованных стран, где судебная система является основой основ благополучной жизни общества, в котором любой

гражданин может обжаловать любое действие или бездействие чиновника, что, в свою очередь, гарантирует соблюдение всех прав, свобод и равенство всех членов этого общества. У нас же судебная система представляет собой неприступный редут, выстроенный между интересами власть имущих и остальными, и именно поэтому они, эту власть имеющие в прямом и переносном смысле, так яростно этот редут защищают, очевидно, понимая: «Вот падет эта крепость, и кончится наша власть...»

Как подобное возможно в стране с такой богатой историей, в стране, прошедшей через сталинские лагеря и массовые репрессии? Почему не осмыслен пережитый опыт? В этом и заключается наша трагедия. При этом народ делает свои мудрые выводы: «Лес рубят — щепки летят», «От сумы да тюрьмы не зарекайся»...

Я не хочу быть щепкой, не хочу, чтобы мои сограждане стали такими щепками при очередной рубке леса...

Еще сто тридцать лет назад, в 1878 году, председатель Петербургского окружного суда А. Ф. Кони сказал: «Хочу служить закону, а не прислуживать». Перед слушанием дела Веры Засулич министр юстиции граф Пален пытался дать напутствие Кони, сказав: «Теперь все зависит от вас, от вашего умения и красноречия». На что Кони ответил: «Граф! Умение председателя суда состоит в беспристрастном соблюдении закона. Я вас прошу не ждать от меня большего, кроме точного исполнения моих обязанностей». Его принципиальная позиция обеспечила вынесение оправдательного приговора Вере Засулич... Как это актуально сейчас! Но, увы, во времена нынешние не быть бы уважаемому Кони председателем Мосгорсуда! Такое невозможно в стране, где отсутствует презумпция невиновности, а судебная система носит карательный, иезуитский характер. Свидетельство тому — ничтожно малое количество оправдательных приговоров, даже можно говорить об их фактически полном отсутствии. Это при том, что по количеству полиции на душу населения Россия впереди планеты всей, по уровню преступности мы тоже далеко не в аутсайдерах. В цивилизованных странах оправдательных приговоров около двадцати процентов... Как такое может быть? У нас что, полиция лучше работает, чем, например, в Испании или Германии? Сомнительно. Все дело в той самой презумпции. Там она есть, а у нас ее нет. То есть на бумагах-то она, конечно, у нас в России есть, а на самом деле... С этого все и начинается, и становится страшно... Тебе могут предъявить чудовищные, самые немыслимые обвинения и бездоказательно осудить, как и произошло с Пичугиным...

В этом деле ужасно то, что были реальные преступления, чудовищные убийства, к которым решили присоединить Пичугина и Невзлина. На Пичугина воздействовали так называемой сывороткой правды, после чего следователям достоверно стало известно, что никакого криминала за службой безопасности ЮКОСа нет. Поэтому им не оставалось ничего иного, как остановиться на первоначальной версии, основанной на оговорах и измышлениях.

* * *

Мне доведется сидеть с самими разными людьми. Страшно представить, с каким количеством людей мне придется общаться. Некоторых из них и людьми назвать нельзя... Порой мне казалось, что я еду в поезде дальнего следования... Шло время, менялись

попутчики, а я продолжал ехать... В колонии строгого режима, расположенной в поселке Мелехово Владимирской области, меня распределяют в тяжелый, режимный третий отряд, где находились осужденные, приговоренные к большим срокам заключения, склонные к побегу, да и вообще — со всей зоны сюда переводили из других отрядов в наказание. Однажды я спрошу своего знакомого по этому отряду, приставленного приглядывать за мной. Он даже не скрывал того, что работал на оперативный отдел колонии. «Рома, — сказал я, — представь, что к тебе приезжают двое в штатском и предлагают сделку. Сидишь ты за двойное убийство, разбой, срок у тебя двадцать три года. Можешь ли ты сказать, что неожиданно вспомнил заказчика? Что тебе стоит сказать: мол, да, убивал, но был заказчик? Сначала скрывал, потому что боялся, а теперь вспомнил! А про “заказчика” они тебе сами скажут, что говорить, расскажут и покажут, кто это...» Рома не колебался ни секунды, мгновенно дал утвердительный ответ и даже как-то ожил, видимо, представляя себе таких вот волшебников...

* * *

К господину Коровникову, осужденному за пять изнасилований, восемь убийств, грабежи и разбой, такие волшебники пожаловали. Этот человек, которого и человеком-то назвать нельзя, не упустил свой шанс. Первое дело Пичугина основано исключительно на сомнительных показаниях этого сомнительного не-человека. Пропал человек в городе Тамбове, некий Горин, знакомый Пичугина. И на Пичугина вешают сомнительное дело. Ни мотива, ни **одного** доказательства, одни предположения и сомнительные показания Коровникова! И все. Приехали... **Виновен!** Далее вообще идет явный бред: нападение на сотрудника «Роспрома» Колесова и покушение на Ольгу Костину. А покушение это было или его имитация? Если покушение, что помешало его завершить? Мотивов нет. Зачем Невзлину надо было вообще мстить этим людям? Зачем ему надо было мстить той же Костиной? При ближайшем рассмотрении этого дела возникает бесконечное множество вопросов с однозначным выводом: концы с концами не сходятся, все шито белыми нитками.

Следующим идет эпизод убийства владелицы помещения на улице Покровка в Москве — Валентины Корнеевой. Здесь вообще вышла странная история. Было у нее помещение, которое приглянулось банку «Менатеп». Приходят к Корнеевой люди из банка и предлагают ей продать эту недвижимость за триста пятьдесят тысяч. Она ни в какую не соглашается, просит пятьсот тысяч. По версии обвинения, Пичугин идет к Невзлину, и тот якобы дает приказ ее убить. Зачем? Для чего? Чтобы потом вести переговоры о покупке того же помещения с ее наследниками и приобрести его за те же пятьсот тысяч?.. Это что за бред? На основании этого бреда человеку дали пожизненный срок!

Убийство мэра Нефтеюганска Петухова, произошедшее в день рождения Ходорковского, вообще не лезет ни в какие ворота. Нате вам, Михаил Борисович, подарочек вот такой от службы безопасности! Вы верите в такое? Возникает резонный вопрос: а что выиграла компания ЮКОС от этого убийства, кому это было выгодно? Уж точно не Ходорковскому! Что, налогов стал ЮКОС платить меньше? **Мотивов** не было. Но было убийство, в котором признались некие Цигельник и Решетников, на показаниях которых строилось обвинение Пичугина. От их сокамерников мне было известно, как они вели себя

до суда — не стесняясь, делились с окружающими своими планами о близкой свободе. Им, видимо, наобещали манны небесной, и они несли что ни попадя. А когда им дали сроки по восемнадцать-двадцать лет, они опомнились и на заочном процессе над Невзлиным признались, что фамилии Пичугина и Невзлина впервые узнали от сотрудников Генеральной прокуратуры. Но было поздно. Судья взял за основу их первые показания, а эти проигнорировал, как будто и не было их вовсе...

Что тут скажешь, что можно добавить? Для меня все совершенно очевидно. Зная, как фабриковались дела, как проходили суды, я ни секунды не сомневаюсь в невинности Алексея Пичугина...

* * *

Грохот открываемой двери выводит меня из состояния задумчивости, и я «возвращаюсь» в камеру 304 СИЗО 99/1. «На техосмотр», — объявляет надзиратель. Этот небольшой ежедневный шмон длится не более десяти минут. Под пронзительный писк кукушки нас выводят из камеры и закрывают в боксе — небольшом помещении со скамейкой, приделанной к стене, где можно полноценно сидеть. В это время надзиратели осматривают камеру. Слышны удары дерева о железо — деревянной киянкой простукивают стены и кровати. Осматривают вещи. Вскоре мы возвращаемся. В камере полный порядок, никакого погрома, все культурно. Через несколько дней я привыкну к этой процедуре и не стану обращать на нее никакого внимания. Садимся пить чай. Это уже скорее ритуал, чем потребность. Еще один способ убить время. Слышим голос надзирателя: «Собирайтесь в спортзал».

Спортзал находится рядом, за стеной, в большой камере, когда-то используемой по прямому назначению. Сейчас здесь небольшой спортзал. Шведская стенка, несколько пар гантелей, маленькая штанга, стойки для штанги, скамейка с поднимающейся спинкой. Сказать, что я потрясен — значит ничего не сказать. Пока я не могу сосредоточиться и полноценно заниматься. Я слоняюсь из угла в угол и хватаюсь то за гантели, то за штангу. Олег с Андреем делают жим лежа. Мне самому интересно, сколько я выжму. С легкостью жму сто двадцать килограммов на три раза. Сокамерники удивлены. Я не очень. В молодости я профессионально занимался борьбой и всегда поддерживал хорошую физическую форму. Спорт во многом помог мне выжить. Силу здесь уважают и чувствуют.

Проходит час занятий, и нас ведут в душ. В обычный душ, положенный по закону, водят раз в неделю. Поэтому возможность принять дополнительный душ приносит массу приятных эмоций. К сожалению, речь не идет о систематических занятиях спортом. Если попал в спортзал два раза в неделю, считай, повезло. Мы в хорошем настроении возвращаемся в камеру. Новый день в СИЗО приносит новый приятный сюрприз. Тюремная библиотека. Раз в неделю в камеру заглядывает женщина-прапорщик с каталогом книг. Выбор потрясает воображение. Классика, детективы, научная литература, книги на иностранных языках, учебники... Объясняется такое разнообразие очень просто. Родственники по заявлению могут передавать находящимся здесь людям практически любые книги, которые после прочтения остаются в библиотеке. Это правило. Почти за три года, проведенные здесь, я тоже

оставил хорошее наследство из книг. Порой администрации тюрьмы и делать-то ничего не надо. Только не мешай. В СИЗО сидят еще не осужденные люди, имеющие в теории ровно такие же права, как и свободный человек. Но это в теории...

Я с жадностью набрасываюсь на книги. Позже я часто с горькой иронией шутил, описывая время, проведенное в тюрьме: «Жизнь удалась: не работаю, много свободного времени, ем, что хочу, живу в центре Москвы в одном элитном доме с Ходорковским...»

* * *

В этой камере я уже две недели. Не успеваю привыкнуть к сокамерникам, как звучит голос надзирателя: «На Пэ, с вещами». Я не знаю, куда меня поведут или повезут. Это уже третья тюрьма за последние три месяца. Собираю вещи, набиваю баулы. Одеваюсь. Меня выводят из камеры и ведут в другую, 312-ю камеру, расположенную на этом же этаже. Такая же камера, такой же быт, к которому я начал привыкать, но совершенно другие люди. Нет такого изобилия продуктов, как в предыдущей камере. Здесь сидят бедолаги, которых с воли никто не поддерживает.

Знакомлюсь со своими новыми сокамерниками. Александр из Краснодара, молодой парень невысокого роста, качок — в ширину больше, чем в высоту. У него 105-я статья (убийство) и 222-я (распространение оружия). Кажется, он ни капли не переживает. Со смехом рассказывает, как его задержали. Садился на рейсовый междугородний автобус. В майке и шортах, с двумя баулами, набитыми всякой всячиной — гранатами, пистолетами. Милиционерам он показался подозрительным, вот и остановили для проверки. Открыли баулы и ахнули. А тут еще выясняется, что он в розыске по подозрению в убийстве полковника милиции... Второго сокамерника зовут Руслан. Уже привычные 105-я и 162-я статьи (убийства и разбой). На его плече красуется татуировка «Pleasure to kill»². Ранее судим, сидел на малолетке.

Общаясь со многими людьми, которые проходили через это заведение, я сделал вывод, что было бы правильно называть его «Школа малолетних преступников». Школа выживания, где культивируются отнюдь не христианские ценности. Достаточно минуты разговора, и я сразу могу определить, что человек был на малолетке. Сюда же кадры поставляются в основном из детских домов.

Мне не очень нравятся мои сокамерники, но деваться некуда, и мы общаемся. Играем в шахматы, читаем. Мои продуктовые запасы уничтожаются за два дня. В дело идут каши, лапша «Доширак», картофельное пюре в порошке. Все это происходит между приемами баланды, которая также обильно поглощается. Аппетит Александра поражает мое воображение. Руслан гораздо сдержаннее.

Приближается долгожданный день отоваривания в тюремном магазине. В камеру дают список с ценами. Ты делаешь заказ, который через несколько дней приносят в камеру. Случается это раз в месяц. Обо мне уже позаботились мои близкие. На лицевом счете достаточно денег, чтобы ни в чем себе не отказывать. В магазине очень приличный ассортимент. Фрукты, овощи (помидоры, огурцы, капуста), каши (гречка и геркулес). То, что

можно заливать кипятком и запаривать. Варить нельзя и негде. Лапша «Доширак», порошковая картошка: все это так и называется — запарики. Несколько позднее я приноравливаюсь готовить в электрическом чайнике весьма приличные супы. Приближается мой день рождения, и я не скуплюсь. Аппетит приходит во время еды. Заказываю массу сладкого, сигареты, каши, фрукты и кучу прочей ерунды. Наступает приятное ожидание. Мы все в предвкушении. Открывается дверь камеры, заходят надзиратели. Шмон. Серьезный обыск. Мы собираем свои личные вещи в баулы и выходим из камеры. Проходим в специальную комнату для проведения обыска, ставим вещи. Нас закрывают в боксе, где каждый ждет своей очереди. Проверяется и переписывается все содержимое твоего баула, прощупывается и просматривается каждый шовчик. В это время проходит обыск в камере. Смотрят все и везде. Ни один пакетик, ни одна коробочка с кашей не остается без внимания. Такие обыски проводятся регулярно, но с непредсказуемой периодичностью. Случалось это и два раза за неделю, а бывало, и целый месяц жили спокойно. Здесь царит тотальный и всеобъемлющий контроль. Выводят из камеры к адвокату — обыск. Поднимаешься в комнату для свидания с адвокатом — опять обыск. Но обыскивает тебя уже другой надзиратель. На обратном пути в камеру — такая же процедура.

Обыск проходит без потерь и нервов. Мы идем в камеру и разбираем свои вещи. Возвращаемся к привычному укладу жизни. Пьем чай, обсуждаем тюремный порядок, мечтаем о будущем. Мечты у нас совершенно разные. Ребята мечтают побыстрее осудиться, получить сроки поменьше и уехать на зону. Я мечтаю побыстрее освободиться, надеюсь на оправдательный приговор. В таких мечтах и надеждах проходят дни.

Наступает долгожданный день ларька. Через кормушку в камеру передаются заказанные продукты, и мы долго заняты их размещением. А чуть позже — поеданием. Заваривается купленный растворимый кофе, и мы гуляем. В тюрьме все гораздо вкуснее. Вафельный торт из ларька приносит на порядок больше радости и удовольствия, чем знаменитый венский торт, сделанный в ресторане «Захер». В России он известен как обычный торт «Прага», рецепт которого тоже — как обычно — был украден и внедрен для услады горькой жизни советских граждан.

Камера наполняется продуктами. Жить становится лучше и веселее. Я долго не хотел говорить сокамерникам о своем приближающемся дне рождения, но не выдержал. Там это действительно грустный праздник. Мне не хотелось делиться личными переживаниями с посторонними и несимпатичными мне людьми, образ жизни которых я осуждал. Но эти люди устроили мне настоящий праздник, подарив торт, сделанный своими руками. Из перетертого печенья, смешанного со сливочным маслом, делаются коржи, для чего эту массу выкладывают на лист бумаги и отправляют в морозильник. Из сгущенки и сливочного масла обычной алюминиевой ложкой взбивается крем. Александр полдня неистово молотит ложкой в миске, добываясь нужного результата. В крем высыпается кофе и тщательно перемешивается. Между коржами попеременно аппетитно ложится прослойка обычного, а затем кофейного крема. Верхний корж заливается шоколадом, расплавленным в алюминиевой миске, поставленной на кипящий чайник. На шоколаде кремом, выдавленным из целлофанового пакета, делается надпись: «С днем рождения!» Готовили это произведение два дня, процедура требовала огромного терпения, сил и времени. Меня к этому почти

священному действию не допустили... Мне предоставили право первым отведавать это чудо тюремного кулинарного искусства. Было очень вкусно.

Зачем они это делали? Зачем им было это нужно в камере, заполненной продуктами? Я был тронут до глубины души. За все время своего пребывания за решеткой я увидел гораздо больше человеческого отношения от заключенных, пусть даже сидящих за свои преступления, чем от работников правоохранительных органов. **Правоохранительных** — так будет правильнее их называть... Все неприятности, случившиеся со мной, все пакости и провокации **всегда** исходили от мусоров, которых, к сожалению, иным словом я назвать не могу.

Лязг засовов, скрежет металла разрезает тишину, приоткрывается дверь. Для нас, арестантов, она никогда не открывается нараспашку. Только наполовину — так, что может войти и выйти всего один человек. К нам пополнение. В камеру заходит молодой, очень полный парень. «Арчил», — представляется он. Опять убийства, разбой, нападение на инкассаторов. Арчил и товарищи напали на инкассаторскую машину, которая собирала выручку в супермаркете «Копейка». Нападение не удалось, завязалась перестрелка, в которой был убит инкассатор. А инкассаторы ранили одного из нападавших, который в дороге умер. Погоня в стиле боевиков. За рулем девятой модели «жигулей» товарищ Арчила, милиционер. Под Рязанью их останавливает ГАИ. Водитель девятки показывает служебное удостоверение, вроде бы все в порядке. Но в последний момент гаишник замечает руку, торчащую из багажника. Немая сцена. Девятка срывается с места. Опять стрельба, опять погоня. Арчил прятался в стоге сена, покрытого снегом. Нашли его по следам и жестко приняли. В камере он сокрушается и сожалеет. «Почему мы от трупа не избавились по дороге?» — задает он сам себе риторический вопрос...

Арчил жизнерадостен и обаятелен. Анекдоты сыплются из него как из рога изобилия. Шутки, смех и веселье наполняют камеру, хотя мне совсем не до смеха. Телевизор ни на секунду не переключается с канала МТВ. Мне хочется тишины и уединения, хочется побыть одному, наедине с собой. Это было мое второе самое главное желание, которое я пронес через все эти годы. Первое желание — это, естественно, желание свободы...

Несмотря на излишний вес, Арчил постоянно в движении. Он убирает камеру, готовит, делает салат, ловко разрезая овощи ножом из плексигласа. Это ноу-хау местной администрации, гениальное изобретение. В каждую камеру официально дается кусок пластмассы, который остро затачивается ножницами. Получается некое подобие ножа, который хорошо режет хлеб, овощи, колбасу. Могут ведь идти навстречу людям, когда хотят. В других тюрьмах такой роскоши нет. В передачах принимают сало, колбасу и прочие деликатесы. Резать нечем — хоть пальцем это делай. Вот и идут эки на всякие хитрости, делая заточки из подручных средств. Но это уже запрещенный предмет, за хранение которого грозит изолятор. Милиция знает, что в камерах есть заточки, но не знает сколько. Вот и получается — эки прячут, надзиратели ищут. И все при деле. Полный идиотизм!

Арчил живет в нашей камере около недели, потом его куда-то уводят. Через несколько минут мы слышим, как гремит дверь камеры на нашем этаже. Тюрьма находится в постоянном движении. Меняются лица, меняются камеры. Людей постоянно переводят из камеры в камеру. Можно прожить в одной камере неделю, а можно и два месяца. Видимой

системы в этом нет. Я по несколько раз встречался с людьми, с которыми раньше сидел в других камерах. Первое время меня переводили из камеры в камеру гораздо чаще. Видимо, изучали. Позже, когда я стал им понятен, оставили в покое, но при этом тщательно следили, чтобы не было слишком хорошо. Как только ты привыкаешь к людям, сближаешься с ними, как только тебе становится комфортно, тут же следует перевод. Я пересидел во многих камерах этой тюрьмы со многими ее обитателями. Некоторых людей ты никогда не видел лично, но знаешь заочно. Сидел с теми, кто сидел с ними...

В камеру заводят загорелого человека, среднего роста и спортивного телосложения. Очевидно, что незнакомец только что приехал с отдыха. Мы знакомимся. С удивлением узнаем, что Андрей сидит уже два года, которые провел в испанской тюрьме. Оттуда его привезли на обычном пассажирском рейсовом самолете в наручниках и в сопровождении охраны. Его выдала Испания по договору с Россией об экстрадиции. Он рассказывает нам чудесные истории о той самой тюрьме, где он так загорел. Мне хочется в Испанию...

Тюрьма находится на окраине Мадрида. По прибытии выдают спортивный костюм, кроссовки, туалетные принадлежности. За счет заведения дают позвонить родственникам, чтобы те не беспокоились. В тюрьме пятидесятиметровый бассейн для заключенных, два спортзала. Хочешь йогой заниматься — пожалуйста. В тюрьму приходит женщина-тренер и проводит занятия. Есть здесь курсы кулинарного искусства. Андрей рассказывает, что один из его приятелей уходил на эти курсы на целый день, а к вечеру возвращался с полной сумкой того, что они там делали: печенье, пирожные, торты. За некоторое время до освобождения студентов кулинарных курсов на выходные дни отпускают на стажировку в один из ресторанов Мадрида. Некоторые бывшие заключенные устраиваются туда на работу. Кружок садоводов. За двести евро в месяц эски занимаются озеленением. Выращивают цветы, сажают траву, деревья. Обычно сюда устраиваются выходцы из бывших испанских колоний — Колумбии, Эквадора. Беззаботно живя на полном обеспечении, они отсылают эти деньги домой своим родственникам. Они же здесь работают уборщиками, подметая территорию. Хочешь учиться? Пожалуйста — вот тебе курсы английского или испанского. Есть бесплатное дистанционное обучение в вузах. Живут испанские эски в двухместных камерах, скорее напоминающих номера трехзвездочного отеля. В номере душ и кондиционер. Сокамерника ты себе выбираешь сам. Плохо себя чувствуешь? В твоём распоряжении бесплатная тюремная медицина. Томограф позволяет выявить скрытые недуги, а хорошие врачи излечат от многих болезней. Стоматология бесплатно, придется платить только за протезирование. Про питание лучше и не говорить. Фрукты, овощи, йогурты, соки — привычное дело. Рацион очень разнообразен и питателен. Я не думаю, что этот рацион составлен и рассчитан каким-нибудь тюремным НИИ Испании — такого, наверное, и в природе не существует, в отличие от России.

Андрей на секунду задумывается и после паузы выдает: «Я искренне хочу, чтобы мои родители на свободе жили так, как я жил в испанской тюрьме». Действительно, в России процентов восемьдесят населения на свободе живет хуже, чем эски в цивилизованных странах.

* * *

Условия жизни в тюрьмах являются своеобразным индикатором уровня развития общества. Взять, к примеру, Данию. Там сидят в лучших условиях, чем в Испании. А о Швейцарии вообще говорить не хочется. Речь не идет о создании тепличных условий преступникам, речь идет о человеческом отношении. В России около миллиона человек сидит в нечеловеческих условиях, над ними всячески издеваются, унижают. Многие из этих людей не виновны в принципе. Большая часть отсидевших возвращается за решетку вновь и вновь. Ну не работает эта система, не исправляет! Название ИК — исправительная колония — не соответствует своей сути. Слово «исправительная» можно смело заменить на «издевательская». Кем можно назвать тех людей, которые заставляют Ходорковского садиться за швейную машинку и шить варежки? Что, более достойного применения не нашлось, даже в интересах колонии? Что, хотели поиздеваться и унижить его? Не вышло. Унизили господа тюремщики только себя.

Я пронесу эту историю об испанских тюрьмах через весь срок и расскажу ее десятки раз.

Андрей П. очень обаятелен. Он приятный собеседник, знаток истории, а по совместительству — лидер медведковской преступной группировки. Будет осужден на двадцать пять лет — за убийства, бандитизм и организацию преступного сообщества. Когда примерно через год в камере я опять встречу Андрея, лидера курганских, разговор, естественно, пойдет о том, кто с кем пересекался и сидел. Я упомянул медведковских. На что Андрей мимоходом заметил:

«Знаю-знаю, у них свое кладбище есть...»

«В смысле?» — не понимая, о чем идет речь, переспросил я.

«В смысле у них трупов хватит на целое кладбище», — пояснил он. Он знал, о чем говорил. Они знали друг друга, общались на свободе и делили сферы влияния.

Я сидел со многими членами этой группировки. Знаком с родным братом Андрея Олегом П., который будет приговорен к пожизненному сроку заключения. Знал его телохранителя Володю, заключившего сделку со следствием и давшего на них показания. Узнав, что я сидел с его бывшими боссами, его понесло. Володя Г. — громила ростом под метр девяносто пять, мастер спорта по самбо, чемпион России по кикбоксингу. Он чуть ли не плача рассказывает мне о том, какие эти братья негодяи: заставляли его вырядиться в комбинезон и таскать камни у них на вилле в Испании. Он рассказывает мне чудовищную историю о нравах в их группировке, от которой мне становится жутко. В банде царил жесткая дисциплина. Работали серьезно и с размахом. Числясь сотрудниками нескольких ЧОПов (частных охранных предприятий), члены бригады могли спокойно и официально носить оружие, что, впрочем, не мешало им пользоваться незарегистрированным. В штате были бывшие сотрудники КГБ и МВД, своя контрразведка и разведка. Постоянные тренировки, стрельбы и учения. Приглашали даже сотрудника ФСИН с циклом лекций о том, как вести себя в камерах. Был у братьев домик под Москвой — место для разборок и улаживания внутренних конфликтов. Как-то на очередном собрании трудового коллектива, куда был приглашен и Володя, расстреляли его коллегу по цеху. Просто убили выстрелом из

пистолета за какой-то проступок. А Володе «подарили» жизнь, всего-навсего разmozжив голову кувалдой...

Была еще и церковь в Медведково, где вся группа регулярно, каждое воскресенье, собиралась замаливать грехи.

Не могу сказать, что Володя был мне симпатичен, что мы дружили. Но мы общались. Однажды, увидев у меня в руках детектив, он говорит:

«Что, читаешь всякие небылицы? Почитай лучше мое обвинительное заключение. Оно получше любого детектива будет!»

Любопытство берет верх, и я внимательно читаю. Убийства, покушение на владельца компании «Русское золото» Таранцева, организованное по мотивам фильма «Шакал». Из припаркованной напротив офиса шестой модели «жигулей» раздаются выстрелы. В автомобиле никого нет. Автомат управляется дистанционно. Сбился прицел, и покушение не удалось.

Перечень вооружения занимает несколько страниц. Здесь целый арсенал, которым можно было бы вооружить небольшую армию. У них и была, в общем-то, своя армия. Автоматы Калашникова, «Борз» (чеченская копия израильского автомата «Узи»), пистолеты ТТ, Стечкина, снайперские винтовки, гранаты. Ребята были готовы к войне.

Группировка контролировала несколько предприятий и рынков, облагала данью бизнесменов, предоставляла им же защиту от конкурирующих группировок. Это были лихие девяностые годы.

На них — убийство легендарного Александра Солоника, известного как Саша Македонский. Солонику удалось сбежать из СИЗО и скрыться. Но только не от своих: Македонского убили в Греции, а заодно и его подругу — модель Котову. Ее убивать не хотели, но пришлось. Не оставлять же свидетелей...

Бесконечные убийства, трупы с отрезанными кистями рук, с сожженными кислотой лицами, чтобы было невозможно идентифицировать личность. Мое сознание отказывается воспринимать такое повествование, мне становится физически плохо от всех этих сведений, и я прекращаю чтение. Володя, видя мою реакцию, спрашивает: «Что, не понравилось?» Я не отвечаю на вопрос, сажусь на кровать и долго молчу. Володя смеется.

Наверняка он сейчас на свободе. Попав под программу защиты свидетелей, он начал новую жизнь.

* * *

Мы с Андреем вдвоем ходим на прогулки, много разговариваем. Другие наши сокамерники не выходят из камеры. Если составить рейтинг сокамерников, то Андрей занял бы одну из верхних строчек.

Я подписался на периодику, и мне каждый будний день приносят журналы и газеты. Для меня это глоток свежего воздуха и возможность виртуально вернуться на свободу. Я жадно читаю обо всем, что происходит в мире.

Проходит неделя, и меня опять переводят в новую камеру — через шмон. Собираю вещи, беру продукты. Ты не знаешь, куда тебя переводят. Могут увезти куда угодно, в какую-нибудь голодную тюрьму. Ведут в специальное помещение для обыска — такие комнаты находятся на каждом этаже. Надзиратели привычно просматривают все вещи, заглядывают в каждый пакетик с кашей или чаем, составляют опись имущества и ведут в камеру. Камера пуста. Я занимаю нижнюю, самую удобную шконку, раскладываю матрас и разбираю вещи. Гремит дверь, в камеру заходит один человек, через некоторое время другой...

* * *

Меняются камеры, меняются люди. Мне все это напоминает поезд дальнего следования. Остановка. Входят и выходят пассажиры. Только неизвестен мой пункт назначения. Непонятно, куда я следую. То ли в Иваново, то ли во Владивосток. Сколько продлится мое путешествие? Мне предстоял долгий путь.

*День идет за днем, медленно тянется время. Мне вспоминаются эпизоды из разных фильмов — художественный прием, перелистывающий целые годы и позволяющий сразу перейти к дальнейшим событиям: «...Прошло три года». Господи, как мне хотелось перелистнуть нынешнюю страничку своей жизни и закончить этот рассказ! Но, как выяснилось впоследствии, тогда я прочитал лишь несколько страничек из своей книги, на тот момент отсидев лишь шесть месяцев. Оставалось еще **шесть с половиной лет...***

* * *

Между тем моя тюремная жизнь продолжается. Адвокат нарисовал мне далеко не радужные перспективы. Теоретически меня могут отпустить под подписку о невыезде. Но это теория, а на практике... С определенной периодичностью меня вывозят в суд продлевать меру пресечения. Сначала в Басманный суд, позже, после пребывания в СИЗО свыше одного года, в Мосгорсуд. Я не теряю надежды, каждый раз упорно готовлюсь, пишу речи. «Как же так? — недоумеваю я. — Зачем меня в тюрьме-то держать? Я же ни в чем не виноват, не скрывался, у меня жена, ребенок...» Каждый раз я искренне пытаюсь убедить судью отпустить меня домой. «Ваша честь! — говорю я. — Посудите сами. Допустим, я преступник и нахожусь в сговоре со своими подельниками...» Я прошу ее представить такую картину. Арестован незнакомый мне Малаховский, записанный мне в подельники. После чего мне звонит следователь и просит прийти на Большую Пионерскую в отделение. «И что делаю я?» — отчаянно пытаюсь донести до нее свои мысли. Судья, очевидно, понимая комичность этой ситуации, со смехом отвечает на мой вопрос: «Приходите на Большую Пионерскую!» Она все прекрасно понимает. Встает прокурор Лахтин и в сотый раз заводит свою пластинку: «Переверзин опасен для общества, может скрыться, надавить на свидетелей...» Он врет нагло, цинично и бесконечно. Я же узнаю про себя много нового и интересного. Я не могу

смириться с этим, не могу принять и согласиться с этой ложью. Каждый раз на очередном заседании суда, когда рассматривается вопрос о мере пресечения, все повторяется заново: мое пламенное выступление, ложь прокурора, цинизм судьи — и я возвращаюсь в СИЗО сидеть...

Глава 8

Следствие продолжается

Продолжается следствие. Изредка ко мне навещают следователи и проводят следственные действия. Регулярно приходит адвокат. Когда стало понятно, что меня не выпустят на свободу под подписку о невыезде, забрезжила новая иллюзорная надежда — надежда на суд.

Из газет я неожиданно узнаю о новом, незнакомом мне «подельнике». Антонио Вальдес-Гарсиа, потомок испанских коммунистов, которые в годы Второй мировой войны нашли убежище в СССР, имел, на его счастье, двойное гражданство. Он находился в международном розыске по линии Интерпола, о чем узнал, по его словам, из газет. И решил, как его предки в былые времена, приехать в Россию, чтобы защитить свое честное имя. В Испании у него была нелегкая жизнь, ему приходилось работать мойщиком машин, разносчиком пиццы и газет. Не легче ему пришлось и в России, где он был диспетчером в компании «Формула такси». Это человек, которого обвиняли в хищении тринадцати (!) миллиардов долларов. Для меня до сих пор остается загадкой, зачем он вообще приехал в Россию. Понятно, следователи его развели, убрали из международного розыска и заманили в Россию. В прессе — очевидно, с подачи сотрудников Генеральной прокуратуры — был большой резонанс. «Из Испании для дачи показаний добровольно приехал партнер Ходорковского, директор компании “Фаргойл” — А. Вальдес-Гарсиа», — писали газеты. Он действительно дал показания. К великому разочарованию следователей, он рассказал все, как было на самом деле... Оказалось только, что никакой он не партнер Ходорковского, а обыкновенный сотрудник компании, каких в ЮКОСе работали сотни...

Дальше с ним происходят странные вещи. Следователи хоть и убрали его из розыска, но решили за ним приглядывать и на первое время поселили на загородной базе МВД, в охраняемом доме отдыха. Однажды он неожиданно выпадает из окна второго этажа. Охранники везут его в местную больницу, где пытаются списать его травмы на дорожно-транспортное происшествие. Не получается. Нет официальных документов о ДТП. Тогда остается версия о падении из окна. В нашем уголовном деле есть выписка из его истории болезни: «Сломана челюсть, сломаны ребра, сломано бедро, на теле многочисленные ушибы и ссадины, сломан мизинец правой ноги...» Видимо, падал он несколько раз. Поднимался, взбирался на второй этаж, опять падал. И так несколько раз...

Впервые я увижу Вальдес-Гарсию на суде. Выглядел он, скажу сразу, неважно. Синяки под глазами, на костылях... После того как прокуратура затребует для него одиннадцатилетнего срока наказания, он благополучно сбежит в Испанию. Позже станут известны некоторые подробности произошедшего. Уже из Испании, находясь в безопасности, он напишет несколько заявлений о возбуждении уголовного дела в отношении следователей Генеральной прокуратуры и их подручных, которые крепко его били, пытаясь получить нужные

показания. Результат этих заявлений — сами понимаете, какой. То, что человек еле ноги унес из России, став инвалидом, это наши следственные органы не интересовало. Команды «фас» же не было. Такие вот приключения испанца в России — приехал человек справедливости искать... Наивный! Хорошо, хоть жив остался и на свободе!..

* * *

Мне повезло, что я освободился. Повезло, что наше дело вызвало большой общественный резонанс и внимание прессы, повезло, что были адвокаты. Иначе меня просто запытали бы, выбивая нужные показания. Меня не били, не пытали физически, но давили морально и искушали. Сколько людей пишут явки с повинной, оговаривая себя, признаваясь во всех смертных грехах! Взять, к примеру, один вопиющий случай, который, если так можно сказать, закончился благополучно. Человек признается в убийстве и изнасиловании своих собственных малолетних детей. Получает срок и едет в колонию. Дорогой и уважаемый читатель не сможет представить того, что с ним вытворяли, выбивая эти признания. Не сможет он представить, как осужденные сами наказывают людей, осужденных по подобным статьям. Но проходит время, и наша доблестная милиция ловит маньяка, который признается в преступлениях, за которые сидит наш герой. Ему повезло. Его выпускают и даже сажают следователей... А не попадись настоящий маньяк, так и сидел бы этот мученик до окончания своего срока... И сколько вот таких по России сидит — одному Богу известно. Думаю, процентов тридцать от всех заключенных...

Другому человеку дают срок за убийство. Он не признает своей вины, пытается оспорить решение суда. Проходит четыре года. Неожиданно в другом регионе ловят банду киллеров, которые признаются в убийстве, за которое сидит наш герой. Хорошо, что в другом регионе... Попадись банда в его родном городе в руки к тем же следователям, не сомневаюсь, этот эпизод замяли бы, и пришлось бы ему сидеть до конца срока. Ему повезло. Дело раскрутили, и его отпустили. Следователям ничего — ну, может быть, пожурили немножко, объявили выговор. Человеку выплатили компенсацию миллион рублей за четыре года, проведенных в тюрьме. Про него сняли фильм, который несколько лет назад продемонстрировали на НТВ. Он сетует: «Как можно оценить четыре года, проведенных в тюрьме? У меня умер отец, ушла жена, потеряна работа!» Меня потрясли кадры интервью с прокурором и судьей. После всего случившегося, после того, как стало ясно, что они засадили невинного человека, прокурор, существо женского пола, вместо того чтобы ему в ноги кинуться и прощения просить, упорно вещает: «Мы проводили следственный эксперимент! Он, сидя в кафе на дне рождения с друзьями, отлучался в туалет на некоторое время, за которое мог переодеться, добежать до места преступления, совершить его, преступление, и вернуться в кафе». Мог?! И не важно, что время, затраченное на такую вот пробежку, сравнимо с рекордами на чемпионате мира по легкой атлетике!

Находясь по эту сторону колючей проволоки, я увижу еще очень много таких «чудес». Все было бы смешно, если б не было так грустно, если бы за всем происходящим не стояли судьбы конкретных людей...

* * *

6 апреля 2005 года, как раз в мой день рождения, в очередной раз истекал срок моего содержания под стражей. Я надеялся, что судьба сделает мне подарок и меня отпустят домой под подписку о невыезде. Но не тут-то было... Я с нетерпением жду момента, когда меня повезут в суд. Последняя поездка мне показалась приятной экскурсией. За мной приезжали четыре милиционера на шестой модели «жигулей» без опознавательных знаков. Заковав меня в наручники и посадив на заднее сиденье между двумя оперативниками, мы ехали по городским улицам к Басманному суду. Я жадно всматривался в проезжающие автомобили, в лица водителей, с интересом рассматривал здания и дома, смотрел на прохожих. Экскурсия длилась недолго. Подъехав к зданию суда, мы зашли с центрального входа. В коридоре я увидел жену, друзей и родственников. Они были совсем рядом. Если бы не наручники, то можно было бы поздороваться за руку со своими близкими. Тогда я ощутил и прочувствовал тонкую, зыбкую грань между свободой и неволей. В тот раз судья удовлетворила ходатайство прокуратуры о продлении моего содержания под стражей и оставила в тюрьме. Вспоминая полученные тогда от поездки положительные эмоции и впечатления, я жду очередного выезда. На улице весна, конец марта.

В шесть утра в камере гаснет тусклое ночное освещение, зажигается дневной свет.

«На Пэ, собираемся на выезд», — слышится голос надзирателя. Я встаю, заправляю кровать, одеваюсь. Есть совсем не хочется, но я впихиваю в себя геркулесовую кашу и выпиваю стакан крепкого чая. Жду. Тихо работает телевизор. Гремят засовы, открывается дверь, и в камеру заходят надзиратели — проверка. Мой сокамерник делает доклад: «В камере четыре человека, дежурный по камере Загрядский».

«На Пэ готов?» — обращается ко мне надзиратель.

«Готов», — отвечаю я.

Они уходят. В коридоре гулко громыхают двери других камер. Проверка продолжается. Снова режет слух скрежет замков, и дверь нашей камеры опять с грохотом открывается. «Это за мной», — понимаю я. Дежурный офицер ведет меня на личный досмотр. Раздеваюсь. Надзиратель тщательно прощупывает и осматривает каждый шовчик, старательно переписывает мой нехитрый гардероб. «Брюки черные, ботинки черные, майка черная, куртка пуховая черная, шапка спортивная черная» — я подписываю квитанцию. Я еще не успеваю одеться, как к нам подходит незнакомый мне человек. Вижу бирку на его камуфляже — «Спецназ ФСИН России». Он на голову выше меня и шире в плечах. Мы выходим из здания во дворик. Вместо «жигулей» меня поджидают две «газели» — с надписями «ФСИН России» и «Спецназ ФСИН России». Рядом толкуются человек пять, здоровенных, в малиновых беретах — охранники. Меня сажают в «газель», и мы мчимся в Басманный суд...

От увиденного я впадаю панику. Надо сказать, что появление этих охранников меня напрягло. Они действительно производили сильное впечатление. «Что-то случилось? Меня хотят убить?» — растерянно перебираю я в голове различные версии происходящего. «Господи, да кому я нужен! — успокаиваю я себя. — От моих показаний никакого толку! Ни тем, ни этим».

«А тогда для чего все это нужно?» — у меня продолжают всплывать вопросы, на которые я пока не нахожу ответов.

Мы приехали. Внутренний дворик Басманного суда. Выходим из машины и поднимаемся в зал судебных заседаний. Шествие возглавляет двухметровый спецназовец с автоматом неизвестного мне образца с глушителем... Я прикован наручниками к конвоиру. Позади идут вооруженные автоматчики. Мы заходим в зал, и меня сажают в клетку. Один автоматчик остается снаружи, остальные занимают места в зале в последнем ряду. В зал заходят растерянные родственники и адвокат. Последний подходит ко мне и, заметив мое состояние, спрашивает: «Вас не били?» У меня пересохло во рту, и я лишь отрицательно мотаю головой и прошу воды.

Спектакль продолжается недолго. Бездарный актер Лахтин выдает ставшую уже привычной ложь: «Хотел скрыться, убежать...» Адвокат ходатайствует об изменении меры пресечения на подписку о невыезде. Я поддерживаю это ходатайство, но прокуратура категорически против.

Все решено заранее. Поездка в суд — это формальность, исполняемая лишь для создания видимости правосудия, но ничего общего с ним не имеющая. В России все судебные решения принимаются задолго до оглашения приговора.

Подарок на день рождения отменяется. Мы возвращаемся. Весь в мыслях, ничего не замечая вокруг себя, ничего не слыша, я выйду из этого состояния только в тюрьме. Обыск, и я попадаю в камеру. Без сил падаю на шконку и долго смотрю в потолок...

* * *

Следствие по особо тяжким статьям может длиться полтора года. Одна из статей, по которой нас обвиняли, — статья 174.1. Звучит она так: «Финансовые операции и другие сделки с денежными средствами или иным имуществом, приобретенным лицом в результате совершения им преступления». То есть заранее, до суда, тебя признают преступником. Далее — формальность, это выглядит следующим образом. Человек украл телефон — получил срок за кражу. Продал его — получил еще один срок, по статье 174.1. Получается, что человека судят за одно и то же преступление дважды. Помимо того, что такая вольная трактовка закона противоречит логике и здравому смыслу, это еще противоречит всем правовым нормам и Конституции РФ. Более того, эта статья универсальна и может быть в довесок применена к любому. Довесок грузится исключительно по воле и желанию следователя. Адвокаты Ходорковского подавали ходатайство об исключении данной статьи из Уголовного кодекса как антиконституционной. Безрезультатно. Не для того же ее придумывали, чтобы отменять! Я уверен, что в ноябре 2002 года эта статья была внесена в Уголовный кодекс специально для Ходорковского.

Вообще, у меня сложилось впечатление, что российские суды применяют законы исключительно для легализации своих незаконных решений, так сказать, для придания им правомерного вида. Для Ходорковского часто меняли целые законы. Осудили первый раз, дали срок. Естественно, возникает вопрос: «В какую колонию везти, где ему срок отбывать?»

Жизнь в разных колониях отличается, так как определяется не законом, а степенью самодурства начальника и его окружения. Где-то можно спокойно отдыхать с мобильным телефоном в кармане, а где-то лопату из рук не выпустишь.

Я отчетливо вижу такую картину. Начальник СИЗО встречается с господином Калинин, возглавлявшим тогда ФСИН России, и спрашивает: «Куда Ходорковского этапировать?» Вопрос не из легких, за неправильный ответ можно вылететь из своего кресла. «Да куда подальше!» — рождается гениальное решение, которое исполняется буквально. На стене висит карта России с обозначенными тюремными владениями. Они берут линейку и вымеряют расстояние. Читинская область, Краснокаменск. Даль несусветная. Родственникам ехать три дня и три ночи, адвокатам не добраться. «Отличный вариант! То, что надо!» — они радостно, как нашкодившие дети, смеются и потирают руки. Но есть нюансы. Зона эта — черная, то есть экам живет там вольготно. Чтобы не допустить никаких поблажек Ходорковскому, зону быстро перекрашивают в красную, искалечив нескольких эков. Остается последний нюанс — закон. О нем в столь радостный момент правоохранители не вспоминают или не знают его вовсе. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации гласит: «...Осужденный отбывает наказание в области по месту жительства или граничащей с ней». Адвокаты Ходорковского начинают в судах оспаривать очевидно незаконное решение об этапировании своего подзащитного в Краснокаменск. Подаются иски и жалобы. Но... через некоторое время в закон вносятся изменения, отменяющие этот пункт. Как будто и не было его вовсе.

С нашим делом, именно с Ходорковским я связываю и другую известную историю. Существует законопроект о зачете дней, проведенных в СИЗО, в общем сроке наказания с повышающим коэффициентом. Очевидно, что условия жизни в СИЗО гораздо хуже, чем в колониях. Предлагалось засчитывать два дня, проведенные в СИЗО, как три дня в колонии общего режима. Принятие этого закона, помимо гуманных целей, имело бы сугубо практическое значение, позволив значительно разгрузить перенаселенные зоны. Законопроект проходит несколько чтений, но выясняется, что придется отпускать на свободу Ходорковского, который пробыл в СИЗО много времени. В результате законопроект кладется под сукно и остается только проектом.

* * *

Постепенно исчезает надежда на то, что мне изменят меру пресечения и я буду ходить на суд со свободы. «Повезло, что не отпустили, — задним числом осознаю я. — Иначе было бы крайне неприятно и болезненно опять заезжать в тюрьму со свободы при вынесении обвинительного приговора. А так к моменту вынесения приговора прошло два года и восемь месяцев!»

С непоколебимой верой в то, что меня оправдают и я выйду на свободу, я с нетерпением жду окончания следствия и передачи дела в суд.

Стук железа о железо. Я слышу голос продольного: «На Пэ, с документами...» Меня вызывают к адвокату. Радуюсь любой возможности выйти из камеры, я быстро собираюсь и беру свои записи. Открывается дверь, и меня выводят в коридор. Занудно пищит кукушка,

под голос которой меня обыскивают и просматривают документы, которые я буду обсуждать с адвокатом. Категорически ничего нельзя брать у адвоката и ничего ему передавать. Мы поднимаемся по лестнице на пятый этаж. Перед входом в кабинет, где проводятся встречи с адвокатом, стоит другой надзиратель, который опять меня обыскивает. На обратном пути в камеру меня ждет ровно такая же процедура, только в обратной последовательности.

Меня заводят в небольшую пустую комнату с привинченными к полу стульями и столом. Закрывается дверь, и я остаюсь один. Матовое окно закрыто решеткой, но, если подняться на цыпочки, через форточку можно увидеть свободу. Вижу жилой дом, смотрю на находящуюся в некотором отдалении огромную трубу какой-то фабрики, слышу звуки города, шум автомобилей. Улица Матросская Тишина живет своей жизнью. Я с жадностью вбираю в себя этот шум, этот воздух. В этот момент я весь там, на свободе... Когда-то Екатерина Вторая создала здесь приют для одиноких моряков, которые после многолетней верной службы на флоте находили здесь покой, умиротворение и тишину...

«Отойдите от окна!» — голос надзирателя возвращает меня обратно в комнату. Я увлекся и, чтобы расширить обзор, встал одним коленом на подоконник. Здесь все прослушивается и просматривается. И не только в глазок двери. Открывается дверь, и я вижу адвоката и следователя. Мне принесли обвинительное заключение. Три тома по четыреста страниц машинописного текста. В графе «Утверждаю» красуется подпись заместителя генерального прокурора России Бирюкова. Исполнитель — начальник управления по расследованию особо важных дел Генеральной прокуратуры, советник юстиции третьего класса, то есть целый генерал, Лысейко. Читали ли они сей документ? Уверен, что нет! Им было абсолютно все равно, что там написано. Не важно, что заключение содержит огромное количество ошибок, описок и откровенного вранья. Система все спишет.

После освобождения я имел возможность убедиться в том, что заместитель генерального прокурора Бирюков подписал мое обвинительное заключение не читая. После ухода из Генеральной прокуратуры, найдя приют в Совете Федерации, он издаст странную книгу «ЮКОС — отмывание денег». Эта книга на две трети состоит из приговоров по нашему делу и небольшого вступления, где Бирюков последовательно вводит читателя в заблуждение, искажая действительность.

* * *

На нас отработывали схему обвинения, создавая прецедент для второго дела Ходорковского. Иное дело, признай мы вину — состоялся бы дешевый спектакль под руководством бездарного режиссера. Сценарий прост и примитивен. Кающиеся сотрудники компании обличают своего руководителя. Надо сказать, что спектакль этот пользовался бы большой популярностью в кругах негодяев и лицемеров, возводящих в культ бездарность, бездуховность и лицемерие. «Вот видите, видите! Посмотрите, они же признались, значит, были хищения!» — бесстыдно кричали бы поклонники. В этих кругах бездарность ныне в цене, лишь бы была в угоду начальству. А начальство-то не покусится на награды и щедро одарит негодяев-бездарей орденами, медалями, денежными премиями и квартирами.

Но спектакль так и не состоится, так как актеры отказываются играть свои роли. Тогда следователи решают поменять сценарий по ходу пьесы. Наше уголовное дело искусственно выделяют в отдельное производство и начинают судилище. Для них, сотрудников Генеральной прокуратуры, это было генеральной репетицией второго приговора Ходорковскому.

Многие документы, показывающие откровенную абсурдность обвинений, из дела были изъяты и в процессе Ходорковского уже не фигурировали...

Глава 9

Знакомство с делом

Обвинительное заключение и материалы уголовного дела, с которыми мне предстоит ознакомиться, передаются в суд. Следствие закончено. Наступает новый этап, начало большой работы и борьбы. Мне предстоит скрупулезно, строчку за строчкой, изучить дело, насчитывающее сто шестьдесят один том. Откуда они взялись, эти тома? Оказывается, они были любезно переданы из налоговой инспекции в Генеральную прокуратуру. Вот и получилось, что сначала осудили Ходорковского за то, что налоги с награбленного не заплатил, а потом за то, что сам себя обворовал. Мы договариваемся со следователем о графике моего ознакомления с делом, и я с энтузиазмом начинаю...

Молодой и, в общем-то, приятный парень, сотрудник прокуратуры Белгорода, прикомандирован к Генеральной прокуратуре. Его бросили на амбразуру, то есть на меня. В его нехитрые обязанности входит наблюдение за мной во время ознакомления с материалами уголовного дела. Просто сидеть рядом и наблюдать. Вдруг я страничку какую вырву из дела и съем? Так он просидит рядом со мной, бок о бок, почти полгода, периодически отпрашиваясь у меня с работы. Когда ему нужно было уехать на Новый год в Белгород, он просил меня написать заявление, что я, мол, плохо себя чувствую и не буду знакомиться с материалами уголовного дела несколько дней. Я всегда иду ему навстречу. Иногда его подменяет другой сотрудник. Они оба почти всегда с собой приносят обеды. Первый, который из Белгорода, предлагает мне свою снедь. Второй поворачивается ко мне спиной, отходит и молча поглощает пищу у окна.

Следователь ходит на работу каждый день, кроме субботы и воскресенья, к 09:10 утра. С собой приносит по два-три тома уголовного дела. Я с интересом погружаюсь в эту работу.

Здесь представлена вся история компании ЮКОС, и я узнаю много нового и интересного. Работая в филиале ЮКОСа на Кипре, я имел лишь общее представление о компании. Здесь же мне предоставили возможность подробнейшим образом изучить, как была организована работа компании. В материалах дела собрана официальная отчетность компании, учредительные документы, всевозможные договоры... Наблюдающий за мной следователь вежлив и корректен, он предлагает мне сделать копии необходимых материалов, чем я и пользуюсь. Проходит три дня, за которые я успеваю одолеть два тома. После этого следователь не появляется несколько дней. Проходит еще день, и меня опять выводят из камеры и ведут уже привычным маршрутом, с соблюдением всех ритуалов, в следственный кабинет. Здесь я вижу нескольких следователей и... тома моего уголовного дела. Все сто шестьдесят один! Мой наблюдатель из Белгорода понуро сообщает, что ознакомление с

материалами начинается сегодня, так как мы, то есть они, нарушили процедуру. Оказывается, перед ознакомлением мне должны были представить воочию все тома дела сразу. Ошибку заметил и тут же ретиво принялся ее исправлять его непосредственный руководитель — заместитель начальника управления по расследованию уголовных дел генерал Атмоньев.

* * *

Меня всегда поражало маниакальное стремление соблюдать закон в мелочах при одновременном его глобальном попирании. С такой показной маниакальностью я столкнусь еще не раз. При оглашении приговора моя жена, незадолго до этого перенесшая операцию, не встала со скамеечки, а слушала сидя. Это не укрылось от зорких глаз прокурорши, которая затряслась всеми своими двумястами килограммами и завизжала: «Встать! По закону приговор слушают стоя!»

У меня потемнеет в глазах. Мне будет стоить невероятных усилий сдержать себя на суде и не закричать: «Что ж ты, сука прокурорская, теперь о законе вспомнила? Где же был твой закон все это время, пока меня судили? И не вспоминала ты, гадина, о законе, когда запрашивала мне одиннадцать лет строгого режима!»

* * *

Я продолжаю знакомиться с материалами дела. Летят дни. Каждый день я ухожу из камеры в десять утра, а возвращаюсь около пяти — хожу как на работу. Внимательно читаю документы, делаю из них выписки, анализирую материалы, подсчитываю. Наконец-то я понимаю, в чем меня обвиняют. В выходные дни, в субботу и воскресенье, я обрабатываю собранный материал, делаю сводные таблицы и графики. Того, что я сделал за это время, хватило бы как минимум на кандидатскую диссертацию. Чем больше я изучаю дело, тем сильнее растет надежда на оправдательный приговор.

«Это же чушь, а это полный бред, а вот это и вовсе наглое вранье!» — увлеченно разговариваю сам с собой. Порой, не веря своим глазам, изумленно вчитываюсь в написанное.

«Вот же, например, решения арбитражных судов, в соответствии с которыми ЮКОСу вменили дополнительные налоговые претензии. Здесь черным по белому написано, что нефть, купленная ЮКОСом у нефтедобывающих компаний, изначально ему и принадлежала, и, собственно говоря, именно поэтому компании искусственно насчитали дополнительные налоги и штрафы. Штрафы эти превышали размер прибыли, полученной ЮКОСом за такой же период времени! Для того и насчитали, чтобы разорить и обанкротить компанию и прибрать ее к рукам», — продолжаю рассуждать я.

«Но позвольте, в моем обвинительном заключении Генеральная прокуратура утверждает, что нефть у нефтедобывающих компаний была похищена! Как же так? Как такое может быть? Одно противоречит другому. Если была неуплата налогов, значит, не было хищений. Если были хищения, то нельзя обвинять в неуплате налогов с похищенного. Либо

одно, либо другое» — в моей голове выстраивается очевидный логический ряд. Эти документы подтверждают отсутствие события преступления как такового. Сотрудники прокуратуры осознали это во время суда, и в процессе Ходорковского эти документы уже не фигурировали.

* * *

Я часто слышу от людей, далеких от дела ЮКОСа, знающих о нем лишь понаслышке: «Вот в Америке Ходорковский получил бы лет сто, не меньше!» Тем более мне очень странно слышать такое от людей, имеющих юридическое образование. Что это? Глупость? Даже при поверхностном взгляде на дело становится очевидно, что оно шито белыми нитками.

В Америке посадили бы на скамью подсудимых и следователей, и судей, и всех тех, кто стоит за этим делом. Увы, такое позорное, такое грязное дело возможно только в России или странах типа Зимбабве...

* * *

Следователи «позаботились» обо мне, вложив в дело огромный массив информации, доказывающий ровно противоположное тому, в чем нас обвиняли. Изучая материалы, я начинаю понимать, насколько сложным и хорошо отлаженным механизмом был ЮКОС.

Вертикально интегрированный холдинг, состоящий из множества различных компаний, функционировал бесперебойно и безупречно, как швейцарские часы. В холдинг входило несколько нефтедобывающих компаний. Единый собственник холдинга создавал централизованную структуру по продаже нефти. Не будет же каждая нефтедобывающая компания иметь собственный торговый отдел и дублировать функции друг друга? Таким образом собственник оптимизировал структуру управления компанией и минимизировал ее издержки. Однако именно это следователи поставили в укор ЮКОСу на суде, где звучало: «Если бы нефтедобывающие компании продавали нефть самостоятельно, то получили бы дополнительную прибыль!» С точки зрения бизнесмена — это полный идиотизм и элементарная безграмотность.

Позже я узнаю, что некоторые следователи были приняты на работу в «Роснефть». Вот уж удивительно, что экономические показатели работы «Юганскнефтегаза» после его передачи в государственную собственность на порядок ухудшились: существенно увеличились административные расходы, снизилась прибыль. На суде эту глупость озвучил юрист представителя потерпевшего, то есть юрист «Роснефти», представляющий интересы «Юганскнефтегаза», который банальным мошенническим способом похитили у акционеров ЮКОСа, включая Ходорковского, и присовокупили к упомянутой госкомпании. Заметьте, что даже он говорит совершенно о другом, а ни о каких хищениях речь не идет. Речь идет о недополученной прибыли, а это уже другая квалификация и другая статья. Все это напоминало мне игру в наперстки: кручу, верчу, обмануть хочу!

Для меня ситуация в упрощенном варианте выглядела примерно следующим образом. Допустим, у вас есть квартира, которую вы сдаете. Некий человек, заинтересованный в отъеме вашей собственности, каким-то образом создает вам задолженность, в погашение которой отбирает квартиру. А потом нагло, на полном серьезе, заявляет о нанесении ему ущерба, так как он сам мог бы сдавать ее дороже! «Что за бред?» — в очередной раз спросите вы и будете абсолютно правы. На суде я часто вспоминал Кафку и его знаменитый «Процесс». Так вот, на нашем процессе Кафка бы просто отдыхал. Вспоминаю слова одного из адвокатов Ходорковского на первом процессе. Он комментировал награждение орденом государственного обвинителя: «Правильно сделали, что наградили! Другой бы на его месте со стыда сгорел, а этому все нипочем!»

На хорошо спланированной распродаже имущества ЮКОСа «Юганскнефтегаз» достается только что зарегистрированной и никому не известной компании «БайкалФинансГрупп». Компания была зарегистрирована юристами компании «Сургутнефтегаз» по адресу рюмочной города Твери! После этого у данной подставной компании основной актив ЮКОСа выкупает государственная «Роснефть». Вот бы где прокуратуре проверить законность происходящего, как требует того закон о прокуратуре, но все силы брошены совершенно на другое — прямо противоположное тому, чего требует закон.

* * *

Я самым внимательным образом изучаю все контракты на покупку нефти у «Юганскнефтегаза» компанией «Ратибор», возглавляемой моим «подельником» Малаховским. Проверяю все платежи. Вот контракт, вот акт приема-передачи нефти, вот платежи, вот выписки со счетов. Смотрю баланс и отчет «О прибылях и убытках» «Юганскнефтегаза». Нефть на балансе учитывается по себестоимости. Добыли миллион тонн нефти, продали тот же миллион. Пришла выручка, списали с баланса проданную нефть, получили прибыль. А где же хищения? Абсурд! Но именно этот момент перехода права собственности на нефть по договору купли-продажи признан хищением!

Самое смешное, что даже формально к этим событиям я не имел никакого отношения. Недаром меня называли самым случайным узником. Работал я в то самое время спокойноенько на Кипре и не подозревал о существовании ни Малаховского, ни «Ратибора». У меня были совершенно другие задачи. Я был одним из пяти директоров дочерней компании ЮКОСа на Кипре. Когда меня пригласили на работу в ЮКОС, эти компании были только зарегистрированы на бумаге. Мне предстояло создать полноценную структуру — найти и арендовать офис, получить все необходимые для этого разрешения Центрального банка Кипра и местных органов власти. Одним словом, я выполнял сугубо административную работу.

Компания создавалась для торговли нефтью, и тут преследовалось несколько целей. Такая структура позволяла более оперативно управлять товарными и денежными потоками, на более легких условиях получать кредиты в западных банках. Безусловно, льготное налогообложение на Кипре играло здесь не последнюю роль. Таким образом, кипрская

компания, где я работал, покупала нефть у ЮКОСа и других нефтяных компаний, формировала некий нефтяной пул и перепродавала его другим покупателям. Договоры на покупку нефти у ЮКОСа кипрской компанией находятся в материалах дела. Здесь же акты приема-передачи, таможенные декларации, паспорта сделок с отметкой уполномоченного банка, платежные поручения, выписки с банковских счетов. Все сходится до последнего цента. Я не занимался осуществлением платежей и даже не имел права распоряжаться счетами, с которых оплачивалась купленная у ЮКОСа нефть. В какой-то момент меня посетила мысль: «А может быть, компания не оплатила какую-нибудь поставку?»

«Да нет, быть такого не может! Сам же с аудиторами на эти тему разговаривал при очередной проверке», — вспоминаю я. Счета за отгруженную нефть поступали в специализированную финансовую компанию, созданную в Швейцарии, которая и управляла всеми счетами. Все сходилось до последнего цента.

«За что же меня посадили?» — возникает резонный вопрос.

Да, в общем-то, ни за что! Посадили лишь за факт работы в компании ЮКОС, за отказ признать вину, которой не было, за отказ лжесвидетельствовать. Печально, что на моем месте мог оказаться любой сотрудник компании. Но выбор пал на меня...

Читаю выдержку из своего обвинительного заключения: «...Переверзин своими действиями способствовал созданию благоприятной обстановки для хищений...»

Боже мой! Не веря своим глазам, я продолжаю изучать доказательства своей «преступной» деятельности. Оказывается, моя вина подтверждается:

моей трудовой книжкой (том 3, листы дела 8–18), где указываются места моей работы;

телефонными справочниками сотрудников ООО «ЮКОС–Москва», ОАО «НК ЮКОС», ЗАО «ЮКОС-ЭП», ЗАО «ЮКОС-РМ», в которых указаны телефоны лиц, входивших в состав организованной группы (том 73, листы дела 230–268);

уставом ЗАО «ЮКОС-ЭП», согласно которого общество было создано в целях извлечения прибыли при осуществлении добычи нефти и газа и их переработки, разработки нефтяных месторождений (том 15, листы дела 131–145);

уставом ООО «ЮКОС–Москва», утвержденного внеочередным собранием участников от 10.09.1998, из которого следует (кто бы мог подумать!), что ООО «ЮКОС–Москва» создано в целях извлечения прибыли посредством предпринимательской деятельности при осуществлении разведки нефтяных и газовых месторождений, добычи и переработки нефти и газа, хранения нефти и газа и продуктов и переработки, транспортировки и реализации нефти, газа и продуктов их переработки (том 15, листы дела 53–67).

* * *

Я не знаю, что мне делать, как воспринимать этот бред. Мне хочется и плакать, и смеяться. На тюремном пути мне встречались разные люди. Довелось как-то сидеть в одной камере с выпускником МГУ, кандидатом физико-математических наук. Володю обвиняли в попытке организации убийства одного космонавта, возглавлявшего

департамент в крупной госкорпорации. Дело развалилось, и Володю оправдали. Тогда мы сдружились, и он, с его математическим складом ума, помогал мне готовиться к процессу, систематизировать многие вещи. Иногда мы просто откровенно хохотали над глупостями и несуразностями из моего обвинительного заключения. Как-то он мне сказал: «Знаешь, если бы не видел все эти перлы своими глазами, не поверил бы, что такое возможно!»

* * *

Приближается суд, которого я жду с трепетом и волнением. С таким багажом, с такими доказательствами я уверен в оправдательном приговоре. Однако мой опытный адвокат, прошедший не один процесс, старается вернуть меня с небес на землю. «Радуйся, если тебя за отсиженным выпустят с обвинительным приговором!» — говорит он мне.

Я не сомневаюсь, что после суда окажусь на свободе.

Узнаю от адвоката тогда радостную и долгожданную новость — в понедельник начинается суд, будет предварительное заседание.

Глава 10

Суд начинается

В шесть утра в камере включается свет. Из коридора слышится голос надзирателя: «Встаем, заправляем кровати, на Пэ, готовимся на выезд». Я встаю и одеваюсь. Один из больших плюсов СИЗО — здесь ты можешь носить вольные вещи. По заявлению от родственников принимают любую одежду. Надевай хоть костюм «Бриони»! Только галстуки и ремни не разрешают передавать, очевидно, опасаясь, что на них можно повеситься. Вот и приходится желающим приспособливаться — вешаться на простынях, брюках и прочих предметах... Некоторые арестанты (я встречал и таких) считают особым шиком выезжать на суд в костюме и белой рубашке. Мне заблаговременно передали черные вельветовые брюки и черный свитер, в которых я и проездил до наступления весны.

Я уже давно не беру баланду и питаюсь исключительно продуктами из тюремного ларька и передач. Пью кофе и съедаю бутерброд с сыром. Сижу, жду...

«На Пэ готов?» — раздается голос надзирателя.

«Готов, готов», — поспешно отвечаю я и беру в руки свои вещи — пакет с документами и черную пуховую куртку.

Открывается дверь, и меня ведут в помещение для обыска. Раздеваешься, приседаешь. Надзиратели смотрят, не запрятал ли ты чего вовнутрь себя. Делается подробнейшая опись вещей и предметов. Не дай Бог, ты привез то, чего у тебя не было! Однажды у меня нашли пачку бумажных носовых платков, случайно не попавших в опись. Был грандиозный скандал!

После обыска меня закрывают в боксе — уже знакомое маленькое помещение, которое в другом корпусе называют стаканом. По ощущениям жду недолго, а часы здесь запрещены... Минут через двадцать за мной приходит начальник конвоя. Мы выходим в

маленький тюремный дворик, где меня ждет эскорт. Уже привычные «газели» — автозак с надписью на борту «ФСИН России» и другая — «Спецназ ФСИН России». Три дюжих вооруженных спецназовца в малиновых беретах и с орденами на груди охраняют меня — неизвестно, от кого или чего. В руках у них автоматы «Вал» для бесшумной стрельбы, за плечами рюкзаки. Плюс еще четверо конвойных, к одному из которых меня пристегивают наручниками. Плюс два водителя. Я помню свои ощущения, свой шок, когда впервые увидел спецназовцев. Сейчас меня это забавляет.

Рассаживаемся по своим местам. Я залезаю в «газель», где есть четыре глухих железных ящика-отсека для эков. В одном уже кто-то сидит. Это Малаховский. В железном ящике тесно, очень холодно и некомфортно. Машина трогается с места. Ничего не видно, но многое слышно. Слышу, как открываются ворота нашей тюрьмы в тюрьме. Слышу лай собак и голоса охранников — мы заехали в шлюз Матросской Тишины. Слышу скрежет ворот, и мы выезжаем за территорию тюрьмы. До меня доносится шум улицы, звуки автомобилей. Водитель включает сирену. Дорога занимает не более двадцати минут. Басманный суд не так далеко. Мне повезло — я ееду на суд с относительным комфортом на персональном транспорте. Все для нас. Обычно выезд на суд превращается в длительный и болезненный процесс. Общий автозак следует по определенному маршруту, объезжая все суды. Дорога может растянуться на несколько часов. Попробуй посиди в автозаке на морозе или в жару!

Мы приезжаем в пункт назначения. Грязный дворик Басманного суда. Я вылезаю из железного ящика, успев прилично промерзнуть. Ощущение такое, будто металл вытягивал из меня тепло и, словно увеличительное стекло, в разы увеличивал холод. На улице так не замерзнешь. Из машины меня выпускают пристегнутым наручникам к конвоиру. Следом выходит Малаховский. Теперь я его уже знаю, нас познакомили в подвале Мосгорсуда. Спецназ нас прикрывает. Двое блокируют въезд во двор суда, через который виднеется улица. Третий с автоматом наперевес идет впереди и смело заходит в здание. Я уже давно не ходил по земле и, с непривычки ступая по снегу, испытываю странные и приятные ощущения. Мы заходим в здание. Неожиданно для себя я громко говорю: «Хочу в туалет!» Минутное совещание охранников. Туалет рядом с входом. Первым туда направляется спецназовец с оружием и своим рюкзаком. Секунд через двадцать он возвращается со словами: «Чисто!» Что он там делал, для меня до сих пор остается загадкой. Меня отстегивают и разрешают зайти. Дверь в туалет остается открытой. В тот момент меня это ничуть не смущает, маленькая нужда позволяет...

В мрачном подвале суда находится несколько полутемных камер для арестованных, ожидающих своей участи. Соблюдая правила конспирации, нас с Малаховским рассаживают в разные камеры. Не важно, что мы будем во время судебного заседания сидеть в одной клетке и спокойно общаться.

Однажды меня потеряют. Приехал за мной эскорт, а меня в тюрьме уже нет! Они в панике! Оказывается, суд делает заявку на доставку подсудимого. Бумага попала куда-то не туда — или совсем наоборот, туда, куда надо. И меня в общем порядке, в общем автозаке доставили в Басманный суд. Сажу я довольный спокойно в камере, жду, когда меня поведут в зал судебных заседаний. «Ну, слава Богу, отставили от меня этот спецназ! — радостно думаю я. — Значит, не придают нам такого значения, может, в покое оставят, и дело тихо угаснет!»

Вдруг слышу шум и гам, шаги. Кто-то громко называет мою фамилию. Говорят обо мне. Открывается дверь, и я вижу свою верную дружину. Главный из них раздраженно спрашивает: «Ты как сюда попал?»

«На метро приехал!» — не нашел ничего другого, как, давясь от смеха, ответить я. Мне действительно было смешно, а вот ему не до смеха! Они явно перенервничали. Ну привезли же, в конце концов! Никто на меня по дороге не напал. Я не сбежал. Меня не похитили и не убили. Так зачем весь этот антураж был нужен? Такая показуха? Что, более важных дел для этих героев не нашлось?! Скорее всего, они действительно были героями, прошедшими через горячие точки, и вполне заслуженно, в отличие от следователей и судей, получили свои ордена и медали...

* * *

В тюрьме был случай, когда человек, обвиняющийся в мошенничестве, через своих друзей-подельников каким-то образом сумел взять в аренду автозак с конвоем. Они за ним приехали с фальшивыми документами о вызове на судебное заседание. Надзирателя что-то смутило, и он решил позвонить в суд, уточнить. Неожиданно подлог раскрылся, и побег не состоялся...

* * *

Я долго сижу в подвале в полуосвещенной камере, ожидая, пока меня поведут в зал судебных заседаний, и задумчиво рассматриваю надписи. Они везде, где только возможно: на стенах, на двери, на скамейке. Вот кто-то попытался себя увековечить, старательно и глубоко нацарапав на скамейке: «Игорь Таганский, ст. 158 ч. 3 (кража), 3 года». «Саша Магадан, ст. 162 ч. 3 (разбой), срок 6 лет», — ручкой написано на стене. Таких, кто гордится своими «подвигами», я встречу еще много, особенно на общем режиме, где принято играть в тюремную романтику... Другой неизвестный агитирует за блатную жизнь, написав на стене: «Жизнь вора...» Я настолько далек от всего этого, что воспринимаю это как живопись доисторических пещерных людей.

Наконец открывается дверь моей темницы, и меня ведут в зал судебных заседаний. Мы поднимаемся по лестнице. Конвой, спецназ в малиновых беретах, местная милиция... У меня рябит в глазах от количества моих телохранителей. Впереди идет Малаховский, пристегнутый наручниками к одному из конвоиров. Я надежно прикован к другому тщедушному конвоиру. Процессию возглавляет двухметровый спецназовец. Этаж, где состоится судебное заседание, перекрыт автоматчиками. Вдалеке я вижу удивленные лица зевак, по каким-то делам пришедших в суд. Они с нескрываемым любопытством и страхом смотрят в нашу сторону. Вижу изумленное лицо своей жены, которая позже скажет мне, как одна старушка, шокированная таким количеством вооруженной охраны, спросит: «Это кого же сегодня сюда привезли?»

«По делу ЮКОСа», — со знанием дела ответит моя жена.

«А... Ну тогда понятно...» — ответит старушка.

Я не знаю, что тогда подумала и поняла старушка, очевидно, пришедшая на суд, где судили ее непутевого внука за банальную кражу... Но, как позже расскажет мне адвокат, один из конвойных, присутствующий практически на всех судебных заседаниях, через шесть месяцев судебных заседаний не сможет сдержать свое любопытство, подойдет к нему и спросит: «А за что их судят-то?!» Я очень долго смеялся, услышав эту историю. Смеюсь и теперь, вспоминая ее...

Нас заводят в зал судебных заседаний, обставленный примитивной казенной мебелью, напоминающей школьную, и сажают в клетку. «Боже мой, неужели здесь, в этой убогой комнате, будут решать мою судьбу?» — не укладывается в моей голове. В клетке я впервые здороваюсь за руку с Малаховским. В зал запускают посетителей. Я вижу родные лица — жены, друзей, родственников. Заходят практикантки из какого-то юридического вуза, журналисты, еще какие-то незнакомые мне люди. Все рассаживаются на скамеечках. В зал заходит тогда еще не известный мне человек неопрятного вида: с длинными волосами и бородой, на костылях, в сопровождении вооруженного телохранителя. Вальдес-Гарсиа — доходит до меня! Я вижу своего адвоката. Все рассаживаются по своим местам. За партой, как раз напротив клетки, где, как дикого зверя, держат меня, горделиво восседает государственный обвинитель Ирина Шляева. Она еще относительно молода, но явно больна, у нее нарушен обмен веществ. При росте примерно метр шестьдесят пять она весит килограммов сто восемьдесят, если не больше, и с трудом передвигается. После окончания судебного процесса я увижу ее по телевизору, внятно комментирующую другое громкое уголовное дело. Меня это потрясет до глубины души, словно я увидел обезьяну, заговорившую человеческим голосом. Я абсолютно искренне делюсь этим со своим адвокатом: «Оказывается, она, Шляева, вполне вменяемая тетка, умно и внятно может разговаривать...»

На что мой адвокат мудро и совершенно справедливо отвечает: «Одно дело, когда есть фактура, а другое дело, когда дело абсолютно пустое...»

Напротив меня, метрах в пяти, сидит секретарь суда, симпатичная девушка Катя. Несмотря на зимнее время и холодную погоду, у нее глубокое декольте, практически обнажающее грудь. Ее не смущают ни жара, ни холод, ни наше присутствие. Она верно и последовательно соблюдает этот образ до конца процесса. Наверное, из нее получится неплохая судья...

На сцену выходит ведущая — судья Ярлыкова Елена Николаевна собственной персоной.

* * *

Через несколько лет после нашего процесса, несмотря на свои «очевидные заслуги», она будет нещадно изгнана из судейского корпуса за то, что на судебном заседании не распознает мошенника, приехавшего на суд вместо другого человека, которого она отпустит на свободу. Посчитав такое решение несправедливым, Ярлыкова вспомнит о

Европейском суде по правам человека, куда и подаст жалобу на решение судебной коллегии. Странным образом ее жалоба окажется там же, где находится и моя жалоба на ее незаконное решение, которым она приговорила меня к одиннадцати годам строгого режима... Вот уж воистину — неисповедимы пути Господни. Но все же между нами была большая разница. Лишившись статуса судьи, Ярлыкова стала работать адвокатом. А я, лишившись свободы ее стараниями, стал бесправным заключенным — с бесконечным, как мне тогда казалось, сроком...

* * *

Тогда, в 2006 году, Ярлыкова произвела на меня положительное впечатление. Позже, в ходе процесса, во время перерыва судебного заседания на фразу прокурорши «Еще не все свидетели обвинения допрошены...», с ее губ сорвется ответ: «Какие же это свидетели обвинения? Вообще непонятно, что они доказывают!»

Начинается процесс. Представляются все его участники — адвокаты, судья, государственный обвинитель. Мы не делаем отвода ни судье, ни государственному обвинителю, хотя прокурорша мне не понравилась сразу. Устанавливаются личности обвиняемых... Судья, обращаясь ко мне, произносит: «Обвиняемый, представьтесь, пожалуйста».

«Переверзин Владимир Иванович», — отвечаю я.

«Год и место рождения?» — судья должна удостовериться в личности подсудимых, сверить все данные с личным делом и сличить фотографии.

Узнав мой домашний адрес и убедившись, что я — это я, госпожа Ярлыкова переходит к другим обвиняемым. Те же вопросы, стандартные ответы.

Неожиданно прокуратура выступает с ходатайством о предоставлении Антонио Вальдес-Гарсии государственной защиты. Судья начинает рассмотрение этого ходатайства.

«Антонио Вальдес-Гарсия! — обращается к нему судья. — Вы поддерживаете данное ходатайство?»

Вальдес-Гарсия, единожды уже искалеченный такой «защитой», яростно от нее отбивается и сопротивляется. «Не надо мне никакой защиты! — почти кричит он. — Мне ничего и никто не угрожает! Пускай оставят меня в покое!»

Представители прокуратуры непреклонны и настаивают на своем. Тогда мне это казалось странным, но позже все встанет на свои места. Вальдес-Гарсии действительно ничего не угрожало. Его правдивые показания были абсолютно бесполезны для обвинения и не приносили никому ни пользы, ни вреда. Но раз уж его выманили из Испании и вывели в процесс, за ним нужно было присматривать, чтобы он не убежал. Следователи решат эту проблему хитроумным способом, приставив к Вальдес-Гарсии охранника. С тех самых пор этот несчастный передвигался исключительно в сопровождении не менее несчастного охранника, вынужденного его сторожить. В конце процесса, услышав, что сторона обвинения запросила всем обвиняемым по одиннадцать лет строгого режима, Вальдес-Гарсия закрывает

своего сторожа в душе и проворно, на костылях, помчится в аэропорт, где по испанскому паспорту благополучно улетит на родину...

Зачем он, имея испанское гражданство, вообще приезжал в Россию, так и осталось за гранью моего понимания.

Предварительное заседание быстро заканчивается, и я, несколько разочарованный, возвращаюсь в камеру. Назначена дата начала процесса, дата первого судебного заседания. Начинается процесс, которого я ждал и к которому готовился больше года. Процесс, на который я возлагаю большие и радужные надежды. Процесс, который решит мою судьбу на долгие годы.

Глава 11

Суд продолжается

Первое судебное заседание. Мы все в сборе. Судья уже знает нас в лицо и здоровается со всеми как со старыми знакомыми. Мы с Малаховским находимся в клетке, Вальдес-Гарсиа сидит, облокотившись на костыли, на скамейке, вытянув переломанные ноги вперед. Охранники и конвойные оккупировали последний ряд. Недалеко от меня расположились адвокаты. Государственный обвинитель начинает долго и нудно зачитывать обвинительное заключение. По закону сторона обвинения обязана огласить, то есть зачитать, обвинение и все доказательства, имеющиеся в материалах дела. Это занимает не один день. Меня возят в суд как на работу. Подъем, обыск, дорога в суд. После суда все повторяется в обратной последовательности. Дорога в тюрьму, обыск, камера. Я очень устаю и порой мечтаю о том, чтобы побыстрее попасть в камеру. Дни мелькают перед глазами, как листки отрывного календаря.

«Подсудимый, вам понятно обвинение?» — спрашивает меня судья.

«Да, понятно», — отвечаю я.

«А вам понятно?» — обращается она к Малаховскому.

«Обвинение мне не понятно, — говорит тот. — Прошу объяснить, в чем меня обвиняют».

Судью определенно раздражает этот ответ, но это позиция Малаховского и его адвокатов. Возможно, из-за этого раздражения судья позже отыграется на нем, дав ему на год больший срок, чем запрашивала сторона обвинения. В итоге он получит двенадцать лет.

Адвокат советует мне дать показания сразу, в начале процесса, не дожидаясь оглашения всех доказательств и допроса свидетелей. По его мнению, это укрепит нашу позицию, так как подобным образом может поступить только абсолютно уверенный в своей невинности человек. Мне нечего скрывать и выдумывать. Я рассказываю все как есть: как попал на работу в ЮКОС, как открывал офис на Кипре. Подробно описываю, чем там занимался...

«А откуда вам известно, что компания, где вы работали, оплачивала купленную нефть?» — пытается подловить меня прокурорша.

«Факт покупки и оплаты нефти подтверждается материалами уголовного дела», — отвечаю я.

Недовольная моим ответом прокурорша продолжает зачитывать «доказательства». Их сто пятьдесят томов. Процесс явно затягивается.

Она читает документы, датируемые 1998 и 1999 годами. Зачитываются протоколы собрания акционеров и протоколы заседаний совета директоров компании ЮКОС. В то время никто из нас там не работал, и адвокаты с возмущением просят обвинителя объяснить смысл оглашенных документов, не имеющих к нам никакого отношения.

Я смотрю на судью, которая находит в себе силы подавить набежавшую улыбку и легкий смешок. Секретарь суда Катя хихикает. Шляева бессовестно заявляет: «Узнаете позже!»

* * *

Позже мы узнаем, что таким образом, по версии обвинения, происходил «предварительный преступный сговор».

* * *

Неожиданно Вальдес-Гарсиа заявляет: «Я не понимаю, что здесь происходит!»

Судья объясняет: «Вы здесь находитесь в качестве обвиняемого по особо тяжкому преступлению».

Государственный обвинитель возобновляет чтение. Процесс продолжается.

* * *

Очередное судебное заседание. Мы с Малаховским сидим в клетке. Выходит судья, чтобы начать очередное судебное заседание. Обнаруживается, что не приехал Вальдес-Гарсиа. Прокурорша бросается на его поиски, куда-то уходит, возвращается, звонит по мобильному телефону. Через некоторое время появляется виновник переполоха — на костылях, в сопровождении телохранителя, в зал заседаний заходит растрепанный Вальдес-Гарсиа. Время одиннадцать утра. Судья, изумленная такой наглостью обвиняемого, находящегося под подпиской о невыезде, спрашивает: «Вы где были, Вальдес-Гарсиа?»

«На работе! — как ни в чем не бывало отвечает тот. — У меня как смена закончилась, так я сразу к вам».

Немного опешив, судья спрашивает: «А где вы работаете?»

«Я работаю диспетчером в компании “Формула такси”», — спокойно отвечает Вальдес-Гарсиа.

Судья приходит в себя и набрасывается на Вальдес-Гарсию, грозит изменить меру пресечения на арест: «Вы что, не понимаете, где вы находитесь? Еще раз это случится, и вас будут всегда привозить вовремя!» — она кивает в нашу сторону.

Вальдес-Гарсия огрызается: «А что, мне надо же на что-то жить и где-то работать!»

На меня нападает гомерических хохот, который я не в силах сдержать. Полный идиотизм! Формально Вальдес-Гарсию, как, впрочем, и меня, обвиняют в хищении тринадцати миллиардов долларов и почему-то легализации восьми с половиной миллиардов. А тут какой-то диспетчер такси в сопровождении телохранителя... Бред!

Инцидент исчерпан. Заседание продолжается. Антонио Вальдес-Гарсия в очередной раз просит разъяснить, в чем его обвиняют. Сторона обвинения по закону обязана раскрыть доказательственное значение каждого доказательства, объяснить, что именно доказывает то или иное доказательство. Например, вот нож, найденный рядом с трупом. Резаная рана на трупе говорит о том, что она была нанесена острым предметом определенного размера. Кровь на ноже, совпадающая с группой крови убитого, доказывает, что рана была нанесена именно этим ножом, если его размер совпадает с размером раны. А отпечаток пальцев на ноже свидетельствуют о том, что именно этот человек держал данный нож в руках. Таким образом выстраивается причинно-следственная связь определенных событий.

Мы с адвокатом настоятельно, по несколько раз в день, просим объяснить доказательственное значение оглашаемых документов. Вот моя трудовая книжка. Кроме того факта (который я не отрицал), что я официально работал в ЮКОСе, ничего иного она не доказывает.

Судья обращается с Вальдес-Гарсии:

«Вальдес-Гарсия, у вас есть замечания к оглашенным документам?»

Тишина. Вальдес-Гарсия уснул.

«Вальдес-Гарсия!» — громко кричит судья.

Никакой реакции. Он не слышит. К Вальдес-Гарсии подбегает адвокат и бережно расталкивает его.

«Вальдес-Гарсия! — не успокаивается судья. — Вы слышали прокурора?»

«Нет, я спал. Я же не спал двадцать четыре часа, работал в ночную смену. Я вообще не понимаю, что здесь происходит, и прошу отпустить меня домой», — тихо говорит Вальдес-Гарсия.

Судья безнадежно машет рукой, и прокурор продолжает.

Мы слышим и видим в материалах уголовного дела «Отчет о прибылях и убытках “Юганскнефтегаза”». Кроме того, что компания добывала нефть, продавала ее и получала прибыль, этот документ ничего не доказывает. Ни у меня, ни у моего адвоката, ни у любого здравомыслящего человека не выстраивается никакой логической цепочки в предъявленном обвинении.

Наши вопросы остаются без ответа. Обвинитель невнятно сообщает, что объяснит доказательственное значение оглашенных документов в конце процесса, после их оглашения. Позже она подведет черту, сказав общую фразу: «Оглашенные документы доказывают вину обвиняемых». Ни больше ни меньше. Виноваты, и все! И никакой тебе причинно-следственной связи. Чего напрягаться-то и заморачиваться, когда моя заработная плата, как выясняется, является моей долей от награбленного... от тринадцати миллиардов долларов! «Эх, ребята! Мы явно продешевили», — хотел было пошутить я, но мне было уже не до шуток.

Шляева врет без устали, нагло и безбожно. Объявляется перерыв в судебном заседании. Судье и адвокатам надо перекусить. Нас в это время ведут в подвал. Я успеваю заметить, как прокурорша погружает свою руку в бездонный портфель и выуживает оттуда пакет. Она вытягивает оттуда пирожок за пирожком и кладет их себе в рот. Конвойные и спецназовцы давятся от смеха. Мне тоже становится смешно. Нет зрелища печальнее на свете, чем поедание пирожков прокуроршей!

Мне мерещится Кафка, выбегающий из зала судебных заседаний с понурой головой...

* * *

После обеденного перерыва обвинитель продолжает монотонное зачитывание бессмысленных для обвинения документов. Все устали, и судья прекращает заседание. Мы едем домой, в тюрьму. Процесс отнимает у меня много сил, и я возвращаюсь в камеру опустошенный. Каждый вечер в тюрьме происходит медицинский обход, и врач, заглядывая в окошко каждой камеры, интересуется, не надо ли чего. Я прошу измерить давление. Девяносто на шестьдесят. Мне запомнится это странное подавленное состояние, которое будет часто повторяться. Врач рекомендует мне выпить чифирия, что я и делаю. Впереди несколько дней выходных, и я смогу отлежаться, осмыслить происходящее, да и просто отвлечься.

В камере нас четыре человека. Однажды вечером к нам приводят интеллигентного молодого человека в очках. Я ни у кого не видел большего количества вещей, чем у Алексея Френкеля. Сумки, баулы, пакеты, мешочки... Свободное пространство камеры быстро заполняется его вещами. Они везде. У Френкеля огромное количество каких-то бумаг и документов. Его обвиняют в организации убийства заместителя председателя правления Центрального банка Алексея Козлова. По версии следствия, таким образом Френкель решил отомстить за отзыв лицензии одного из банков, где работал председателем правления.

Мой новый сокамерник — гений и вундеркинд. Он из простой учительской семьи, победитель всесоюзных олимпиад из Саратова, в четырнадцать лет окончил среднюю школу и, приехав в Москву, поступил на экономический факультет МГУ. У него феноменальная память — помнит каждую мелочь, каждую деталь, вплоть до стоимости билета на автобус, купленного лет десять назад, когда он, еще в бытность студентом, путешествовал по России. Алексей — страшный педант, он обладает поразительной работоспособностью. Каждое заявление пишет в двух экземплярах, один из которых оставляет у себя для контроля. Он

записывает и фиксирует все, вплоть до количества продуктов в холодильнике. Питаясь в основном шоколадом, он щедро покупает в ларьке все необходимое для своих сокамерников.

Мы сдружились, хотя видимся не часто, а в свободное время играем в шахматы. Каждое утро он после прогулки надевает белую рубашку и костюм, идет к адвокату знакомиться с материалами уголовного дела. «Свой арест я воспринимаю как путешествие и маленькое приключение», — как-то поделится он со мной. Неисправимый оптимист, он излучает бесконечную жизнерадостность и заражает тем же сокамерников. В один из дней, около пяти часов вечера, мы услышим голос надзирателя: «На Эф, с вещами...» Френкеля, написавшего огромное количество жалоб на администрацию, не особо жалуют и переводят из нашей камеры. Очевидно, ему здесь слишком хорошо. Он долго собирает вещи, и мы прощаемся. Без него камера пустеет, и мне даже становится грустно. Позже я узнаю из газет, что ему дадут восемнадцать лет строгого режима...

Утро понедельника. На этот день назначено очередное судебное заседание. Нас всегда привозят минут на тридцать раньше, и мы вынуждены ждать своей очереди в камерах подвала. Конвойные никогда не посадят нас в один бокс, невзирая на все наши просьбы.

Мы поднимаемся в знакомый уже зал и занимаем свои места в клетке. Заходит Антонио Вальдес-Гарсиа с охранником. У него в руках два больших пластмассовых ведра. Все в недоумении смотрят на эти ведра. В зале наступает тишина.

«Вальдес-Гарсиа, зачем вам ведра?» — после некоторой паузы прерывает тишину судья.

«Ваша честь! — обращается тот к судье. — У меня случилось несчастье, и я почти потерял слух. Можно, я подсяду к прокурору поближе, чтобы лучше слышать? А еще у меня в ноге штырь железный, и нога затекает... Можно, я под ногу ведро поставлю?»

Судья, проявляя сочувствие, великодушно разрешает ему это сделать.

* * *

Вскоре сторона обвинения заявит ходатайство о проведении экспертизы на предмет определения вменяемости обвиняемого Антонио Вальдес-Гарсиа. Прокурорша заявит, что, по ее мнению, Антонио неадекватно воспринимает действительность, проявляет все признаки невменяемости — или, иными словами, просто сошел с ума. В этот момент я подумаю, что неплохо бы такую экспертизу провести в отношении прокурорских работников, писавших обвинительное заключение, а в частности — проверить саму Шляеву...

Судья рассмотрит это ходатайство и откажет прокуратуре в его удовлетворении. У нее не было никаких сомнений во вменяемости Вальдес-Гарсиа. Не сомневался в этом и я, усмотрев во всем этом хороший знак. Мне показалось, что судья имеет свое мнение, не зависимое от прокуратуры.

Шляева тем временем упорно продолжает:

«Следствием установлено, что ООО “Ю-Мордовия”, ООО “Ратибор”, на балансы которых переводилась похищенная нефть, а также “Рутенхолд Холдингс Лимитед”, через которые осуществлялась реализация на экспорт похищенной нефти, были подконтрольными

участникам организованной группы, так как руководителями в указанных обществах были или члены организованной группы, или зависимые от них лица, что подтверждается:

трудовым договором, изъятым в ходе обыска, подтверждается, что с 01 апреля 2000 года Переверзин В. И. действительно был назначен на должность директора компании “Рутенхолд Холдингс Лимитед” (том 13, листы дела 38–43);

сертификатом об инкорпорации Республики Кипр № 105420, в соответствии с которым компания “Рутенхолд Холдингс Лимитед” была образована и зарегистрирована на Кипре 07.10.1999 года (том 26, листы дела 19–22);

выпиской из протокола № 120.1–19 от 02.12.1999 года заседания совета директоров ОАО “НК ЮКОС” и уставом ООО “Ю-Мордовия”, согласно которым советом директоров ОАО “НК ЮКОС” 02.12.1999 было принято решение об учреждении ООО “Ю-Мордовия” (том 22, листы дела 2,3–14)».

Я и мой адвокат настойчиво и последовательно выступаем с очередным ходатайством и просим объяснить, что доказывают оглашенные документы. Трудовой договор, кроме очевидного и не отрицаемого мной факта работы в дочерней компании ЮКОСа, ничего другого не доказывает. Свидетельство об инкорпорации компании подтверждает факт ее регистрации, причем за полгода до моего трудоустройства в ЮКОС. А решение совета директоров ОАО «НК ЮКОС» о создании неизвестного мне ООО «Ю-Мордовия» ко мне вообще не имеет никакого отношения.

Ну а то, что все дочерние компании ЮКОСа подконтрольны его руководителям, факт очевидный, с которым и не поспоришь!

Шляева упорно и последовательно продолжает врать: «Позже, позже мы все скажем, все объясним...»

Неожиданно в памяти всплывают слова какой-то глупой песенки: «Я его слепила из того, что было. А потом что было, то и любила...»

Прокурорша продолжает петь свою песню:

«Вина подтверждается:

выписками по движению денежных средств по счету ООО “Ю-Мордовия”, из которых следует, что ООО “Ю-Мордовия” перечисляло в 2001 году со своих счетов денежные средства ОАО “Юганскнефтегаз” в качестве оплаты за нефть (том 59, листы дела 19–167; том 121, листы дела 244–277);

актом налоговой проверки № 30–3–14/1 от 30.04.2004 года, согласно которому с января по май 2001 года на баланс ООО “Ю-Мордовия” из ресурсов ОАО “Юганскнефтегаз” было зачислено 14 094 792 тонны нефти на сумму 18 018 062 200 рублей (том 41, листы дела 3–154)».

Я не верю услышанному, хотя и знаю о существовании этих документов. В хищении именно этой конкретной нефти нас и обвиняют. Мне странно слышать из уст прокурора, что, оказывается, «украденная» нефть была официально оплачена, имелись договоры купли-

продажи, нефть была передана с баланса на баланс. **Не было никаких хищений!** Прокуратура сама об этом заявляет. Ура! Ура! Ура!

* * *

Спектакль, ничего общего не имеющий с правосудием, продолжается. В день оглашается один, максимум два тома плюс предстоит еще допрос свидетелей. В неделю проходит три-четыре судебных заседания. Я пытаюсь вычислить продолжительность нашего процесса и прихожу к неутешительному выводу. По моим подсчетам, это действие будет продолжаться около года! «Ничего себе», — разочарованно думаю я, мысленно находясь уже на свободе.

Я практически не ошибся в расчетах. Приговор будет вынесен 1 марта 2007 года.

* * *

Словно во сне, я слышу: «...вина подтверждается:

паспортами сделок ОАО “НК ЮКОС” в ОАО ИБ “Траст” и ведомостями банковского контроля, в соответствии с которыми на валютный счет ОАО “НК ЮКОС” от компании “Рутенхолд Холдингс Лимитед”, возглавляемой участником организованной группы Переверзиным В. И., поступали денежные средства от исполнения контрактов (том 65, листы дела 9–272; том 66, листы дела 2–194);

свифт-сообщениями компании “Рутенхолд Холдингс Лимитед”, в соответствии с которыми “Рутенхолд Холдингс Лимитед”, возглавляемое участником организованной группы Переверзиным В. И., перечисляло ОАО “НК ЮКОС” в 2002 году денежные средства за приобретенную нефть (том 152, листы дела 8–277; том 153, листы дела 1–287);

выписками по движению денежных средств по валютному счету ОАО “НК ЮКОС” в ОАО ИБ “Траст” за период с 01.01.2001 года по 01.05.2004 года, согласно которых на счет ОАО “НК ЮКОС” в период с 2001 по 2004 год поступали денежные средства за реализацию нефти и нефтепродуктов (том 63, листы дела 10–293)».

Я осознаю, что вот на этом самом месте, в этот самый момент меня должны оправдать и отпустить! Моя невиновность очевидна! Мало того, что я вообще никогда не подписывал ни одного платежного поручения, не имея на это соответствующих полномочий, так здесь сама обвинитель говорит о том, что все расчеты за проданную нефть, к которым я не имел никакого отношения, полностью осуществлены. Не желая прерывать чтение доказательств моей невиновности, я пишу короткую записку, которую хочу передать адвокату. Беру в руки листок бумаги, встаю и вопросительно смотрю на судью, показывая, что хочу передать записку адвокату. Она согласно кивает. Я протягиваю руку через решетку и отдаю листок. Неожиданно раздается грохот. С последнего ряда срывается конвоир и, снося все на своем пути, несется к моему адвокату.

«Ааааа... ууууу...» — во весь голос кричит Вальдес-Гарсиа. Этот вояка пробежал по его искалеченным ногам. Конвоир буквально прыгает на адвоката и выхватывает у него из рук мою записку. Судья от удивления замирает, открыв рот. Пауза. Все молчат.

«Вы... Вы что себе позволяете?» — спрашивает судья конвоира.

Тот молчит и тяжело дышит, не в силах перевести дыхание после стремительного броска.

«Отдайте мне записку», — говорит судья.

Конвойный явно не хочет этого делать и мнетя. Может, пригрезилось ему, что там какая тайна написана, за которую он получит вожделенную награду?

«Отдайте мне записку», — повелительным тоном настаивает судья.

Тот молча, нехотя отдает записку в руки судье и возвращается на свою скамейку. Судья, скользнув взглядом по безобидной бумажке, передает ее моему адвокату.

Я ставлю еще один плюстик судье.

«Она на нашей стороне! — радостно думаю я. — Но конвой на мне сегодня отыграется! Наверное, бить будут», — предполагаю я.

Разговор состоится в подвале Басманного суда. Меня не били, но пригрозили написать на меня рапорт и посадить в изолятор.

«В зале суда я — главный», — выдает мне конвоир, на плечах которого красовались погоны старшего лейтенанта. Я вспомнил фразу, сказанную адвокатом Малаховского: «Носить офицерские погоны — вовсе не означает быть офицером». Не желая вступать с ним ни в какие дискуссии, я молчу. Рядом проходит местный милиционер, охраняющий судебные казематы. Задумчиво смотрю на его погоны и не могу понять, что за звание у него такое. Звезды вышиты золотой нитью, но вроде как для генерал-лейтенанта они маловаты, а для прапорщика слишком велики. Пытаясь разобраться, я в недоумении тру глаза и снова вглядываюсь в звезды. Они действительно больше уставных, с очевидной претензией на генеральские.

«Да они здесь все сумасшедшие», — заключаю я. Мы садимся в «газель» и благополучно возвращаемся в Матросскую Тишину.

Наступило лето 2006 года, пора отпусков. Судьи тоже люди и хотят отдыхать. Работа нервная и ответственная, поэтому и отпуска у них такие длинные. В судебных заседаниях объявляется перерыв на два месяца. Я мысленно прощаюсь с судьей Ярлыковой до сентября.

У меня наступают каникулы, время вынужденного безделья. Рутинная тюремная жизнь поглощает меня целиком и полностью.

Глава 12

Летние каникулы

В камере стоит невероятная духота. Два вентилятора, взятые в аренду у администрации тюрьмы по тридцать рублей в день, не спасают — они только гоняют по камере влажный

воздух. Форточка открывается лишь на четверть, упираясь в решетку, которая отделяет камеру от окна. Снаружи закреплена еще одна решетка. Невольно вспоминается малый спец, корпус Матросской Тишины, где я сидел в переполненной камере. «Как сейчас там?» — я пытаюсь представить себя в той камере...

При такой жаре совсем не хочется есть. Беспреданно работает телевизор. У всех разные пристрастия, но мы находим общий язык. Нас в камере четверо. Я, Володя (выпускник физмата МГУ), Леша и Игорь. Володя — верующий человек, он не выпускает из рук Библию, молится и соблюдает все посты. Игорь — тщедушный парень небольшого роста, отсидевший за кражи шесть лет. Сейчас его обвиняют в нанесении тяжких телесных повреждений. Игоря, как я его называю, из бывших блатных. Жалеет, что, отбывая свой предыдущий срок, не ушел по УДО, отсидев лишних два года. «Какой же я идиот, — горько сокрушается он, — столько времени потерял!» Он поехал со своей девушкой на день рождения к другу на машине. По пути остановились у магазина купить подарки. Игоря, оставив девушку в машине, пошел за покупками. Возвращается — у машины группа агрессивно настроенных молодых людей, человек пять (как впоследствии выяснилось, несовершеннолетних). Отломали зеркало, провоцируют. Слово за слово, не знаю, кто первый ударил, но Игорь, никогда не занимающийся спортом, тем более единоборствами, случайно попадает точно в височную кость. Та ломается и входит в мозг. Все, приехали... Труп... В обвинительном заключении написали: «Из хулиганских побуждений напал на группу молодых людей, нанес тяжелую травму, несовместимую с жизнью».

«Ага, размяться решил перед днем рождения, — горько комментирует он. — Я что, сумасшедший, один на пятерых нападать?» Как говорится, одним махом семерых убиваю...

Другой мой сокамерник, Алексей, гораздо сложнее. Сидит не в первый раз. Много рассказывает об укладе жизни в колонии, где он был. Сиделось хорошо. Зона черная, находилась на территории бывшей войсковой части. Сохранились даже плакаты со схемой разборки автомата Калашникова. Делай что хочешь. Спи сколько хочешь. Ешь что хочешь, только привози и плати. Сейчас его обвиняют в организации банды, грабившей дорогие элитные коттеджи. Выслеживали, изучали, готовились — работали серьезно. У него девяносто пять эпизодов. Пытки, раздробленные пальцы и просверленные коленки. Любящий семьянин, обожающий своих малолетних детей, он презрительно говорит о своем потерпевшем: «Дебил, в героя решил поиграть...» Когда они в масках ворвались в особняк, хозяин, оказавшись не робкого десятка, «посмел» оказать им сопротивление. В результате пришлось его, хозяина дома, застрелить, и теперь им, помимо разбоя, убийство вешают! Алексей очень возмущается милицейским беспределом, так как на него повесили все схожие преступления, произошедшие в Московской области. «Я же не мог грабить каждые три дня! — возмущается он. — Надо же тщательно подготовиться, все спланировать!»

Он мечтает о том, чтобы ему дали лет пятнадцать.

Я стучу в дверь и прошу надзирателя вывести нас в душ.

«Да вы что, я сам не мылся три дня», — отвечает нам незнакомый голос.

Мы дружно и весело хохочем. В камере всего в достатке и даже больше. Все получают передачи и посылки. Тюремный ларек продолжает радовать. Капуста, свекла, морковь,

апельсины, киви, семга — далеко не полный список предлагаемых нам продуктов. Тортики, конфеты, халва. Есть все. Но хочется домашней еды, которую сюда не пропускают. Я начинаю осваивать тюремное кулинарное искусство. По знакомой технологии приступаю к приготовлению супа, используя в качестве кастрюли алюминиевый чайник. Шинкую капусту, тру на пластмассовой терке, приобретенной в ларьке, помидоры и свеклу. Кладу все это в чайник и заливаю водой. Кипячу минут тридцать, постоянно доливая воду. Под конец добавляю туда семгу, разрезанную на мелкие кусочки. Получается очень вкусно. Всем нравится. Иногда берем тюремную баланду — первое. Оттуда вылавливаем кусочки картофеля, промываем холодной водой и кидаем в чайник, где варится супчик.

Находясь в колонии, я с тоской буду вспоминать беззаботные тюремные будни...

«На Ээ, с вещами...» — из камеры забирают Игоря. Он хороший, спокойный сокамерник, и мы провожаем его с сожалением. Знай, какого сокамерника пошлет нам судьба вместо Игоря, мы провожали бы его со слезами на глазах...

Пополнение не заставляет себя долго ждать. Грохот тормозов отрывает нас от чаепития. Раскрывается дверь, и в камеру заходит высокий полный парень в очках. Он без вещей.

«Слава», — представляется он. Мы знакомимся. Его только что привезли из ИВС. На правах старожилы я рассказываю о тюремной жизни и правилах поведения. На его простой вопрос «А давно ты здесь?» я отвечаю: «Уже два года». У него не укладывается это в голове. И он начинает плакать. По-настоящему, рыдая и громко всхлипывая, словно избалованный ребенок. По сути, он и был таким. Сын богатых родителей, не знавший ни в чем отказа, летал по Москве с огромной скоростью на «порше кайен», на котором вместо номерного знака красовалась табличка «Черный Плащ». Жил в свое удовольствие, на широкую ногу. Удовольствий не хватало, захотелось власти над людьми. Не уступил кто-то дорогу — вышел с друзьями из машины и избил бедолагу. Куролесили по полной программе. Не разлей вода с сотрудником отдела МВД по борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти, он вымогал с кого-то деньги. То ли в шутку, то ли всерьез...

Слава быстро освоился в камере. Когда все спали, ему надо было смотреть телевизор. Когда мы смотрели какую-то передачу, он требовал МУЗ-ТВ. Все время что-то с чавканьем поглощал. Как-то Леша его спросит: «А слабо на спор двадцать запариков (“Дошираков”) за один раз сожрать?»

Задумавшись на секунду и что-то подсчитав, он выдвинет свое требование: «Только хлебом заедать буду!»

Очень опасаясь за свое здоровье и страшая туберкулеза, Слава для профилактики без устали и в огромных количествах поедает толстые куски сала. Обладающий двумя купленными высшими образованиями и такой же корочкой кандидата наук, он был уверен, что сало «впитывает» все микробы.

Когда мы по очереди убираемся, ему обязательно надо слезть с кровати и потоптаться по еще мокрому полу. Он делит телевизионное время и камеру, пытаясь качать свои права. Тогда я впервые понимаю, что могу убить человека. Мы все дружно ненавидим Славу и перестаем с ним разговаривать. Обстановка в камере накаляется. Алексей серьезно ругается

со Славой и берет в руки чайник, угрожая облить его кипятком. Слава хватает в руки пластмассовый нож. Алексей (несомненно, имеющий соответствующий опыт) скажет мне: «Знаю я таких. Одни понты. Такого вывезешь в лес, он плакать будет и сразу обделается...»

За дверью слышны голоса надзирателей: «Что там у вас? Немедленно прекратить!»

«Все хорошо, мы просто общаемся», — отвечает Леша. Конфликт затухает. Ссора не остается незамеченной сотрудниками СИЗО. На следующий день Славу переводят в другую камеру. Ура! Пытка, показавшаяся мне вечностью, продолжалась недолго, и мы все облегченно вздыхаем. Позже я узнаю, что у кого-то не выдержат нервы, и Славу побьют в камере, а он напишет на сокамерника, своего же товарища по несчастью, заявление. Поступка более презируемого в тюрьме не существует... Слава — готовый персонаж для СДИП, секции дисциплины и правопорядка. Были такие организации в колониях, куда зачислялись осужденные, которые «за печенки» от администрации следили за соблюдением дисциплины и правопорядка среди других осужденных. Участвовали в шмонах, принимали этапы, писали рапорты о нарушениях, безнаказанно избивали других эзков.

Мы не нарадуемся, что судьба избавила нас от сокамерника, хуже которого я никогда не встречу. Не проходит и десяти минут, как надзиратель приказывает Алексею собирать вещи. Леша повинуется и недовольно ругается: «Из-за такого идиота разбрасывают камеру!»

Мы остаемся вдвоем с Володей. Что стоит за этими многочисленными переводами из камеры в камеру? Никогда не угадаешь. Мне приходилось сидеть с одними и теми же персонажами по нескольку раз. «В чем смысл этих переводов?» — много раз задавал я себе этот вопрос, но ответа так и не нашел.

Подходит и моя очередь.

«На Пэ, с вещами», — слышу я фразу, к которой никак не привыкну. Слишком много событий может последовать за этими словами. Приятного не ждешь. Могут перевести в другую тюрьму или в другую камеру. Кто будет находиться с тобой в одном помещении двадцать четыре часа в сутки? От этого зависит твое душевное спокойствие и состояние. Расстроенный, я собираю вещи, складываю в сумки продукты и документы. Сворачиваю матрас и одеяло. Прощаюсь с Володей, который был мне очень симпатичен. С ним случится чудо. Суд присяжных его оправдает, и он уйдет от мирской жизни, став настоятелем одного из небольших московских храмов.

Открывается дверь, и я выношу все свои вещи в коридор. Меня ведут в соседнюю камеру. Я уже поплавал по камерам, но испытываю не самые приятные ощущения. Камера вся в сборе. Незнакомые лица. Один, худощавый, в наколках с головы до ног, урка — Володя Левитан. Другой, Игорь Лосев, ничем не примечательный рядовой боевик медведковских. Лицо третьего мне знакомо. «Мавроди!» — узнаю его я. Я занимаю свободную верхнюю шконку. Мы знакомимся и традиционно садимся пить чай. Обычные камерные разговоры. Откуда, какая статья, с кем сидел. Несмотря на строго соблюдаемую конспирацию, ты заочно знаешь всех обитателей тюрьмы. Знаешь все и обо всех. Естественно, знают и тебя. Камера забита едой. Мавроди прописана диета. У него подагра, или как ее еще называют, болезнь аристократов. Нанятый на свободе для этих целей повар два раза в неделю приносит в тюрьму специально приготовленную еду: печенку, баранину, мясо страуса и осетрину с

семгой. Мы не успеваем все это съесть, как приносят новое и свежее. Тюремная баланда забывается. Левитан поедает эти яства с удвоенной энергией, видимо, пытаясь наесться про запас... Проведший значительную часть жизни по тюрьмам и непонятно что делающий в этом изоляторе, он увидел во мне благодарного слушателя. Левитан достает меня бесконечными рассказами о тюрьмах и зонах. Сначала это кажется интересными, но быстро наскучивает. Я с удовольствием переключаюсь на книги. Левитан переключается на Игоря.

На ежедневную прогулку, которая проходит по утрам, мы ходим вдвоем с Мавроди. Левитан с Игорем остаются в душной камере. Нельзя сказать, что в прогулочном дворике, расположенном на крыше тюрьмы, свежий воздух. Но все же я не пропускаю ни одной прогулки. Мавроди — интереснейший собеседник, и мы много общаемся. У него жесткий, распланированный режим жизни, от которого он не отступает ни на шаг. Ни минуты не тратится впустую. Подъем, завтрак, прогулка. Каждый день он уходит на ознакомление с материалами дела, возвращаясь в камеру лишь к вечеру, часам к четырем-пяти. Ежедневные физические упражнения. Лежа на шконке, он качает пресс. Его ежедневная норма — достать ногами за головой две тысячи раз. И не знаю, какое количество отжиманий от пола. Мавроди в прекрасной физической форме. После спорта — умывание и ужин. Потом он спит. Подъем незадолго до общего отбоя. Когда вся камера спит, он пишет книгу под тусклым светом персональной лампы, невесть каким образом ему разрешенной. Такой образ жизни, вызывающий у меня уважение, очень раздражает нашего сокамерника Левитана. Бессовестно пожирая деликатесы Мавроди, которые на свободе он явно позволить себе не мог, Левитан всячески пытается поддеть Сергея и призвать его к порядку.

«Порядочные арестанты в камере спортом не занимаются. И так воздуха мало», — говорит он, в очередной раз затягиваясь дорогой сигаретой, тоже купленной на деньги Мавроди. Я и Мавроди не курим. Суббота и воскресенье у Мавроди выходные дни — не скрою, я их ждал. Мы погружаемся в шахматные баталии и разговоры. Время летит незаметно и интересно. Для себя я узнаю, что с «МММ» все было не так просто и однозначно. Деньги вкладчиков шли не только на выплату процентов следующим, но и вкладывались в различные активы. Например, приобретались акции «Газпрома», чья цена выросла в сотни раз. Масштабы деятельности Мавроди поражают воображение. По его словам, деньги он перевозил «камазами» и хранил их в снятых или купленных для этих целей квартирах. При этом он не всегда мог сказать, сколько у него было наличности в данный момент. Фактически он создал свою партию. Двенадцать миллионов вкладчиков — двенадцать миллионов людей, которые проголосуют за любое твоё предложение. Стать депутатом Думы для него не составило особого труда. По этому случаю, ранее предпочитающий носить спортивный костюм с кроссовками, он приобрел свой первый цивильный костюм и галстук. Казалось, он был не от мира сего и не особо интересовался материальными благами. Его интересовали книги, бабочки и хорошее дорогое вино.

В этой камере я проведу целый месяц, когда в очередной раз услышу слова за железной дверью: «На Пэ с вещами».

В нашем изоляторе сидят интересные люди. Здесь находится небезызвестный Вячеслав Иванов — Япончик, полковник Квачков, обвиняющийся в покушении на Чубайса.

«С кем на этот раз меня сведет судьба?» — думаю я, перетаскивая свои вещи по пустому коридору СИЗО. Не в силах перенести все баулы за один раз, я под писк кукушки делаю две ходки по лестнице. Меня переводят на пятый этаж. Новая камера, новые лица. Здесь все в себе. Хмурые серьезные лица. Саша — мой ровесник, родом из Кингисеппа. Занимался боксом, когда арестовали всю секцию, чтобы обвинить в бандитизме и убийствах по заказу политика Измestьева. Позже из газет я узнаю, что его оправдает суд присяжных.

* * *

Самым удивительным образом, при ничтожной официальной статистике количества оправдательных приговоров в России, составляющих менее одного процента, я своими собственными глазами увижу далеко не одного оправданного человека. Выйдет оправданным из зала суда чеченец Казбек Дукузов, обвиненный в убийстве главного редактора журнала «Форбс» в России Пола Хлебникова. С Казбеком мы были вместе в одной камере около месяца. Человек сильный физически и духовно, он был совершенно иным. Я ни секунды не сомневаюсь в его невиновности. Уже находясь в другой камере, с другими людьми, из новостей мы узнаем о решении присяжных, оправдавших Казбека. Такое решение сопровождается бурным ликованием в камере, аплодисментами и криками: «Ура!» За Казбека радовались совершенно чужие, незнакомые ему люди. На НТВ покажут программу об этом громком процессе, намекая на некую заинтересованность присяжных в исходе дела. Одна из присяжных заседателей после оглашения приговора из окна радостно помахала ему рукой вслед! Под надуманным предлогом решение присяжных отменяют, а Казбека объявят в международный розыск. Но его и след простыл. Удачи тебе, Казбек!

Сотрудники прокуратуры, понимая, что при присяжных заседателях процесс может пойти не так, как им хочется, разработали целую систему, позволяющую манипулировать и отменять неудобные им решения. Комната присяжных прослушивается, в состав присяжных вводятся свои люди, лоббирующие выгодное прокуратуре решение. По сговору с судьей в российской системе правосудия, работающей с прокуратурой в одной связке, во время процесса умышленно допускаются процессуальные нарушения, на которые можно сослаться и отменить невыгодный приговор.

Глава 13

Заседание продолжается!

Я быстро обживаюсь в новой камере с новыми людьми. На моем пути встречались самые разные люди. Некоторые были закрытыми и немногословными. Другим же хотелось поговорить, поделиться своей бедой или просто отвлечься от грустных мыслей. Шашки, шахматы, книги скрашивают нашу жизнь. Я обратил внимание на то, что чем меньший срок грозит, тем больше переживают, или как здесь говорят, гоняют, люди. Ко мне это не относилось. «Не гоняй, паря! А то гуси прилетят!» — часто слышишь эту фразу от сокамерников. Гуси прилетят — это значит сойдешь с ума. Я же и гонял очень много, и срок получил немаленький.

Всей камерой идем в еженедельный душ, который за решеткой почему-то упорно называют баней. На мытье отводится двадцать минут. Двадцать минут счастья, на которые на свободе ты не обращаешь никакого внимания. Душ и душ. Только лишившись всего, прочувствовав тонкую грань между свободой и неволей, ты по-настоящему начинаешь ценить мелочи, из которых складывается счастье.

Я встаю на весы, стоящие здесь же, в душевой, и неожиданно с ужасом вижу свой вес: сто один килограмм! Для меня, при росте метр семьдесят пять, всю жизнь занимающегося спортом и поддерживающего хорошую форму, это совершенно неприемлемо. Да и свобода, как я думал тогда, не за горами! «Как же я таким полным буду выезжать из зала суда, полностью оправданным и на белом коне?» — думаю я. Так в моей тюремной жизни появляется еще один враг — лишний вес, с которым я начинаю бороться, последовательно и безжалостно. А вес, в свою очередь, начинает бороться со мной, иногда одерживая небольшие победы на этом поле брани. Я перестаю есть вообще. Начинаю лечебное голодание. Пью только воду. Не ем сутки, потом двое. Потом трое. В перерывах между голоданиями вес наносит ответный удар. Страшно хочется есть, и я иногда срываюсь, но не сдаюсь. Через некоторое время могу обходиться без еды уже восемь суток. Вес отступает и стремительно снижается. У меня прекрасное настроение и самочувствие. Я ощущаю необыкновенную легкость в теле и ясность в голове. Процесс увлекает меня, и жизнь в камере обретает новый смысл. К осени, избавившись от набранных килограммов, я обретаю былую физическую форму. В таком настроении, полный сил и надежд, я с нетерпением жду возобновления судебного процесса.

Лето пролетело. Приехал из отпуска мой адвокат — он провел его на пляжах Средиземного моря в Испании. Вернулась судья, отдохавшая неизвестно где, но изрядно загоревшая... Возобновляются поездки в суд. Уже не так жарко, но и не холодно. Поездки в суд стали привычными. Обыск, вооруженная охрана, машина сопровождения со спецназом — все это уже обыденно, и я не обращаю на этот идиотизм никакого внимания.

* * *

Мы заходим в зал судебных заседаний. Здесь ничего не изменилось. Та же убогая мебель, похожая на школьную. Та же клетка. Через открытые окна я ощущаю запах улицы и блаженно вдыхаю свежий воздух. После камеры СИЗО и подвала суда этот воздух мне кажется свежайшим, несмотря на близость Басманного суда к площади трех вокзалов. Спектакль продолжается. Прокурорша просит закрыть окна, заявляя, что не будет слышно оглашаемых ею документов. Лучше бы этого не было слышно...

«Обвинение Переверзина В. И. по части 4 статьи 160 УК РФ подтверждается следующими доказательствами:

трудовой книжкой А. Вальдес-Гарсии серии АТ-VI № 7180254 от 18.07.2001, подтверждающей работу А. Вальдес-Гарсии в период с 03.07.2000 года по 31.05.2001 года в должности генерального директора ООО «Ю-Мордовия» (том 4, листы дела 182–189);

выпиской по движению денежных средств по расчетному счету ООО «Ю-Мордовия» в ОАО «Доверительный Инвестиционный Банк», согласно которой в 2001 году указанное общество перечисляло со своего счета на счет А. Вальдес-Гарсии денежные средства в качестве заработной платы (том 59, листы дела 19–167)».

Я не понимаю, зачем прокурорша в чине подполковника зачитывает эти документы. При чем здесь я и Вальдес-Гарсия? Ну не были мы знакомы, не были, хоть убейте, и никогда не общались! А даже если бы и были? И что? Что в этом странного?! Почему сотрудники одной компании не могут общаться? В нашем случае этот нюанс воочию демонстрирует всю абсурдность так называемых доказательств.

По сторонам клетки сидит вооруженная охрана. Они заснули, убаюканные бессмысленной монотонной речью обвинителя. Один из охранников заваливается на клетку так, что его кобура с пистолетом западает между прутьями решетки и оказывается рядом со мной. Другой, с автоматом в руках, спит на стуле в полуметре от первого. Стоит мне протянуть руку, и пистолет окажется у меня. Мне хочется крикнуть: «Не теряй бдительности, солдат!» В этот момент охранник заваливается и случайно нажимает всем телом на красную кнопку тревоги. Секунд через десять в зал судебных заседаний влетают два запыхавшихся милиционера и нарушают идиллию. Увидев, что все в порядке, они удаляются из зала.

Надо заметить, процесс протекал очень весело и более походил на комедию. Я никогда не знал, что нам принесет очередное судебное заседание.

* * *

День за днем прокурорша зачитывает и оглашает бесчисленные договоры купли-продажи нефти, выписки из банковских счетов и прочие документы, непонятные ей самой. Некоторые она читает по второму кругу. Я тут же выступаю с устным ходатайством. «Ваша честь, — говорю я, обращаясь к судье, — обвинитель сама не понимает того, что читает. Оглашенные только что договоры купли-продажи нефти уже оглашались ранее. Прошу во второй раз раскрыть доказательственное значение этого документа, так как я не понимаю, какое иное событие, кроме факта купли-продажи нефти, этот договор доказывает».

Судья переадресовывает мой вопрос обвинителю, которая в сотый раз тупо повторяет заезженную фразу, звучащую уже злоеце: «Объясним и раскроем все сразу, после оглашения всех доказательств». Прокурорша натывается в материалах уголовного дела на документы на английском языке. К ним приложен перевод специалиста — эксперта управления международных связей Генеральной прокуратуры. Я слышу какую-то ахинею, звучит несвязный набор слов. Обвинитель мычит: «Вексель!» Я не ленюсь и открываю нужный том на нужной странице. Вижу договор на фрахт судна для доставки нефти покупателю. Английское слово «vessel», обозначающее судно, горе-специалистом из Генпрокуратуры переводится на русский как «вексель». Я немедленно подаю об этом очередное ходатайство. Вырисовывалась странная картина: что вексель, что судно — все равно виноваты! Я виноват лишь в том, что кто-то хотел кушать. Причем этот «кто-то» был прожорлив и обладал весьма хорошим аппетитом.

Меня эти «переводчики» рассмешили до слез. Я смеюсь и не могу остановиться. Судебное заседание заканчивается, и я в хорошем настроении возвращаюсь в камеру. С удовольствием пью крепчайший чай, закусывая его бутербродом и давясь, как анекдот, рассказываю историю про вексель-пароход. Все весело смеются. Судебный процесс превратился в своего рода спектакль, в фарс. Каждый раз, занимая место — увы, не в зрительном зале, — я с интересом ждал новых сюрпризов, к которым нас приведет сюжетная линия. Каждый играл свою роль. Судья делала вид, что судит и оценивает доказательства. Обвинитель делала вид, что что-то доказывает. А мы, не по своей воле занявшие места на сцене, оставались самими собой...

* * *

Спектакль идет своим чередом. Подходит время допроса свидетелей. Фарс продолжается.

«Участие Переверзина В. И., Вальдес-Гарсии А. и Малаховского В. Г., действовавших в составе организованной преступной группы в хищении в 2001–2003 годах нефти (не беда, что я уволился из компании в 2002 году!), подтверждается показаниями:

Малаховского В. Г.;

Вальдес-Гарсии А.».

Следователи, стряпавшие наше дело, недалеко ушли от переводчика с английского языка.

«Да что же это такое? Что это за чушь? — бессильно, словно в пустоту, взываю я. — Как они могут своими показаниями доказывать мою вину, если мы не были даже знакомы, если мы никогда не общались?!»

Потянулись другие свидетели. Некоторые лица я видел в столовой ЮКОСа, некоторые фамилии где-то слышал. Но, к счастью, со многими не был знаком.

Судья допрашивает свидетеля Н. Женщине плохо, она в слезах, находится на грани нервного срыва.

«Свидетель, вам знакомы подсудимые?» — обращается к ней судья.

Она не знает меня, но узнает Малаховского и Вальдес-Гарсию, о чем дрожащим голосом сообщает судье.

«Скажите, при каких обстоятельствах вы познакомились с подсудимыми», — не понимает судья.

«Ну как же, мы вместе работали, сидели в одном кабинете за одним столом и подписывали одни и те же документы...» — она рыдает, осознав, что вполне могла оказаться на месте любого из нас, так как могли посадить любого сотрудника компании ЮКОС. В этом случае даже не пришлось бы ничего менять в обвинительном заключении — меняй только фамилии, псевдодоказательства остались бы прежними с таким же результатом.

Адвокат Малаховского подает ходатайство, где просит государственного обвинителя объяснить, чем роль его подзащитного отличается от роли свидетеля. Мы не получим внятного ответа, нам и так все давно предельно ясно: ничем! Свидетель — такой же наемный сотрудник, как и все мы. Просто так сложилось, что на роль обвиняемых выбрали нас.

Свидетель К., симпатичная девушка, сообщает суду, что будет говорить по совести. Обвинитель Шляева тут же цепляется за эту фразу и ехидно спрашивает: «И что же вам эта совесть говорит?»

Девушка спокойно отвечает: «А то, что таким образом можно посадить всех сотрудников ЮКОСа, и мне безумно жалко находящихся здесь людей».

Все участники процесса, в число которых входят и обвиняемые, имеют право задавать свидетелям вопросы. Судья, стремясь соблюсти все формальности, любезно интересуется, нет ли у обвиняемых вопросов к свидетелям. У меня вопросов нет. Вальдес-Гарсиа требует прекратить это безобразие и остановить абсурд. Он успеваеет сказать, как над ним издевались сотрудники прокуратуры, как выкидывали его костью с четырнадцатого этажа. Он в сотый раз заявляет, что не понимает, что здесь происходит, что он не читал всей этой макулатуры, где написана чушь. В отчаянии он тихо произносит: «Меня сделали инвалидом, и я не знаю, как мне дальше жить и что делать...»

«Ничего, раньше надо было думать! — язвит прокурорша. — Для инвалидов еще и Олимпийские игры проводят!»

«Вот тебе там в самый раз выступить!» — хотелось мне сказать во всеулышание. Я уже представлял ее на стометровой дистанции. Судья восстанавливает спокойствие и объявляет перерыв. От возмущения у меня сильно бьется сердце, и я хватаю ртом воздух. Я готов задушить прокуроршу. Для меня очевидно, что совесть и прокурор — понятия несовместимые.

Мне очень часто приходится себя сдерживать. Мне хочется заорать во все горло: «Опомнитесь! Вы что творите, сволочи?!»

Делать это бессмысленно. Они прекрасно знают и понимают, что творят.

Адвокат регулярно проводит со мной воспитательные беседы, удерживая от подобных поступков. Я не могу успокоиться и найти себе место. Мне представляется такая картина. На столе стоит обычная белая чашка с чаем. Прокурор, показывая на нее пальцем, утверждает, что это уют. Глупость очевидна для всех, но каждый исполняет свою роль. Адвокаты кричат: «Посмотрите, там же чай налит! Это чашка!»

«Ну конечно, очевидно, что это чашка», — поддерживаю я доводы защиты.

На что прокурор с маниакальным упорством, с пеной у рта, твердит: «Нет, это уют».

Но стоит только нам покинуть этот зал, как прокурорша возьмет чашку-уют в свои руки и радостно, причмокивая от удовольствия, выпьет чай...

* * *

Продолжается допрос свидетелей. В день приходит один-два человека. Каждый следующий свидетель ничем не отличается от предыдущего. Те же вопросы, те же ответы. Меня никто знает. Меня не знают свидетели, чьи показания, в соответствии с обвинительным заключением, якобы доказывают мою вину... На допрос приходят обычные сотрудники компании, которые рассказывают о своей официальной работе.

Незаметно наступает осень, холодает. Судья хочет завершить процесс до Нового, 2007 года и начинает торопить обвинение. В перерыве судебного заседания из клетки я слышу фразу прокурорши: «У нас еще не все свидетели обвинения допрошены!»

Судья, на секунду задумавшись, говорит сама себе: «Хм... Какие же это свидетели обвинения? Они вообще непонятно что доказывают!» Эти слова слышат все присутствующие в зале. Воодушевленный, я ставлю еще один большой и жирный плюстик судье. «Теперь точно оправдают», — думаю я.

На допрос приходят знакомые мне люди — я с ними работал. Меня накрывает волна воспоминаний.

Свидетель Р., похудевший и осунувшийся, работал вместе со мной на Кипре и был директором той же компании, что и я. Он делал ровно то же самое, что и я. Он, заметно волнуясь (видимо, испытывая некоторую неловкость передо мной), честно рассказывает все о нашей совместной работе.

Свидетель Г., сотрудник московского представительства кипрской компании, также дает правдивые и честные показания. Он вспомнит выпавший из моей памяти момент, когда я, уже уволившись из компании ЮКОС, незадолго до своего ареста, спрашивал его о хищениях в ЮКОСе и о Малаховском, о чем тогда узнал из газет.

Этот человек, с которым нас связывали приятельские отношения, после моего ареста начнет помогать мне и моей семье и продолжит это делать во время моего пребывания в местах лишения свободы.

Свидетель П., глава московского представительства кипрской компании, полностью подтверждает показания свидетеля Г. Он подробно и обстоятельно рассказывает обо всех нюансах своей работы и деятельности компании.

Все очевидно и понятно. У нас даже нет свидетелей защиты, так как все свидетели, опрошенные по инициативе стороны обвинения, наглядно показывают мою невиновность и непричастность к событиям, абсурдно называемым хищениями. У меня в голове рождается мысль о встрече Нового года дома.

«А что, если оправдают и отпустят до Нового года домой? Нет, не успеют», — рассуждаю я.

Процесс приближается к своему завершению. Перечитаны горы документов, допрошены десятки свидетелей. Допрошены Малаховский и Вальдес-Гарсия. Завершается судебное следствие, и мы переходим к следующей фазе процесса — прениям. Остается совсем немного. После прений — последнее слово подсудимых и приговор...

Прокурорша подводит итоги своей «работы» и в прениях заявляет: «Оглашенные в ходе судебного следствия доказательства полностью доказывают вину подсудимых...»

Она бессовестно лжет: «Подсудимые знали друг друга и общались, они координировали свою деятельность...»

От такой вопиющей наглости — нет, даже не наглости, а откровенного вранья — я теряю дар речи. Мы переглядываемся с адвокатом. Он, в прошлом и сам прокурорский работник, в шоке от происходящего.

Государственный обвинитель запрашивает всем нам по одиннадцать лет строгого режима. Такой вот щедрый подарок от Генеральной прокуратуры на Новый год! Я вижу искаженное ужасом лицо Вальдес-Гарсии. Ему, добровольно приехавшему из Испании, чтобы защитить свое честное имя, явно не нравится перспектива провести ближайшие одиннадцать лет в России. Малаховский тоже растерян. Я сам в шоке от услышанного. Одно дело, когда говорят об абстрактных сроках абстрактных людей, и совсем иное, когда речь идет о годах **твоей** жизни. Не желая расстраивать свою жену перед Новым годом, я прошу адвоката ничего ей не говорить о столь чудовищном сроке.

«Как-никак, последнее слово за судьей, — успокаиваю я себя. — Да и вообще, не могут меня, невиновного человека, осудить». Я еще надеюсь на оправдательный приговор, но в мыслях уже принимаю обвинительный с небольшим сроком.

«Это какая-то чудовищная ошибка. Какие одиннадцать лет? Они что, с ума там все походили? — не могу успокоиться я. — За что же мне одиннадцать лет запрашивают?»

На этом очередное судебное заседание заканчивается. Мы увидимся снова после новогодних праздников, 11 января. Меня увозят в СИЗО. Я сильно возбужден и долго не могу заснуть. Я сильно гоняю, то есть переживаю, и просчитываю разные варианты.

«Самое худшее, что может сделать судья, так это дать мне девять лет, — высчитываю я. — Не может же судья дать запрашиваемые одиннадцать при отсутствии самого события преступления и без единого доказательства?»

Я быстро отбрасываю этот вариант как совершенно неприемлемый и маловероятный.

«Нет, должны оправдать! В крайнем случае дадут за отсидевшим и в любом случае я скоро окажусь на свободе!» — убеждаю я себя.

Глава 14

Новогодний подарок

Через несколько дней — Новый год. Это уже мой третий Новый год за решеткой. Все получили передачи, и камера ломится от продуктов. Ешь — не хочу. В тюремном ларьке мы купили фанту, кока-колу и лимонад. Полным ходом идет приготовление праздничного стола. Готовится сельдь под шубой, салат, максимально приближенный к оливье. По опыту прошлых лет я знаю, что нам разрешат после отбоя смотреть телевизор часов до трех. 31 декабря работники СИЗО приносят в каждую камеру еловые ветки, сразу заполняющие помещение своим запахом. Из фольги от конфетных оберток и бумаги мы делаем елочные игрушки и наряжаем свою елку. Несмотря ни на что, есть ощущение приближающегося

праздника. «Господи, неужели это мой последний Новый год в неволе?!» — радуюсь я. Иногда мои мысли возвращаются в суд, где мне предстоит еще выступить с последним словом и ждать решения судьи, но я быстро возвращаюсь на праздничную колею, в камеру...

Включен телевизор, где фоном идет поздравление Путина. Чтобы не пропустить Новый год, мы ждем боя курантов. «Ура! С Новым годом!» — мы поздравляем друг друга и чокаемся кружками с фантой. Наступил 2007 год. Каждый думает о своем. Вадик, далеко не самый приятный сокамерник, обвиняющийся в бандитизме и разбоях, мечтательно произносит фразу: «Да, мужики! Хорошо бы вот так на свободе вместе собраться и Новый год отметить!»

«Да, было бы здорово!» — поддерживает его Николай, обвиняемый в убийствах. «Не дай Бог!» — думаю я и загадочно улыбаюсь... Камера дружно погружается в телевизор, где идет «Голубой огонек».

Песни и пляски не радуют меня, а все шутки кажутся глупыми. Немного посмотрев телевизор, я залезаю на свою шконку и засыпаю. Сквозь тревожный сон я слышу приглушенный шум телевизора и разговоры сокамерников.

«Подъем,правляем кровати», — слышится голос надзирателя. Время шесть утра. За дверью раздается звук телеги, на которой развозят баланду.

«Мальчики, завтрак», — женщина-повар через открытую кормушку предлагает нам еду. Иногда мы берем хлеб и сахар. Баланду, которой позавидовали бы эки в любой колонии, мы не едим. В образцовом СИЗО 99/1 ФСИН России свято соблюдаются нормы и правила, и продукты кладутся в баланду в том количестве, которое прописано этими нормами. Здесь, возможно, единственное место в России, где эков обслуживает вольнонаемный повар.

«Нет, спасибо, ничего не надо, — вежливо отказываюсь я от баланды. — Сами можем угостить!»

Сотрудникам СИЗО категорически запрещено брать что-либо у арестованных. Здесь, в отличие от других московских СИЗО, при всеобъемлющем тотальном контроле данное требование строго соблюдается. Ни взятки тебе, ни запрещенных предметов, что меня, надо сказать, полностью устраивало. Чистота, порядок, возможность работать с документами и готовиться к судебным заседаниям меня очень радовали.

Мужики встают, на автопилоте заправляют кровати и опять заваливаются спать. Их сон продолжается недолго. Слышен грохот открывающихся дверей в соседних камерах. Проверка. Все встают. В камеру заходит сам начальник СИЗО. Полковник. Загадочный персонаж. Ему нет еще и сорока. Культурный и вежливый, он поздравляет нас с наступившим Новым годом, интересуется, есть ли у нас какие жалобы, пожелания или вопросы. Пожелание у нас одно: побыстрее выпроводить его из камеры и опять завалиться спать. Он выполняет наше пожелание и ретируется.

Ребята, смотрившие до утра телевизор, растягиваются на своих шконках. Я блаженно пью растворимый кофе в ожидании прогулки. Сегодня я пойду гулять один. Для меня в условиях СИЗО побыть в относительном одиночестве — огромное счастье. На улице холодно, и я натягиваю на себя всю, какая есть, одежду. Прогулочные дворики расположены

на крыше здания изолятора и отделены от внешнего мира стенами, опутанными колючей проволокой, решеткой над головой и крышей из оцинкованного железа, закрепленной высоко над решеткой. Ты не видишь небо прямо над головой, но если посмотреть вбок и вдаль, то его можно увидеть. Я с удовольствием ступаю по только что выпавшему снегу. Громко играет музыка. Играет она вовсе не для того, чтобы убажить прогуливающих эзков, а для того, чтобы эки, гуляющие в разных двориках, не перекрикивались между собой. По стене прогуливается надзиратель, с высоты наблюдающий за эсками.

«Белые розы, белые розы, беззащитны шипы...» — несется из динамика. Я быстрым шагом наматываю круги.

«Что с ними сделали снег и морозы, лед витрин голубых» — я ускоряю шаг и перехожу на бег.

«Люди украсят вами свой праздник лишь на несколько дней и оставляют вас умирать на белом, холодном окне» — я начинаю танцевать под эту глупую и нелепую песенку...

В камеру я возвращаюсь раскрасневшийся, запыхавшийся и счастливый. Мои сокамерники уже проснулись, убрали камеру, сидят и пьют чай, бурно обсуждая ночной концерт. В эти послепраздничные дни время для меня практически останавливается. Первое... второе... третье... девятое января... Наконец-то праздники заканчиваются, и наступают рабочие дни.

* * *

Меня вывозят в суд. Привычно заводят в клетку, где находится Малаховский. Я чувствую: что-то не так. Что-то случилось. В воздухе повисло напряжение, судья что-то бурно обсуждает с государственным обвинителем. Шепчутся адвокаты. Не видно Вальдес-Гарсии. Обвинитель, помявшись, официально сообщает, что в ночь со второго на третье января Антонио Вальдес-Гарсиа бежал из России и скрылся от следствия. Выясняется, что он закрыл в душе своего охранника, сел в такси и помчался в аэропорт. По испанскому паспорту, где он был вовсе не Вальдес-Гарсией, а Антонио, скажем, Перейрой, он благополучно миновал паспортный контроль и вернулся в родную Испанию. Его приключения в России на этом благополучно заканчиваются. Королевство Испании не выдаст своего подданного по запросу Генеральной прокуратуры России, усмотрев в деле политическую мотивацию. Российские власти не постесняются позорно судить его заочно и приговорить к сроку восемь с половиной лет...

«Молодец, Антонио! Bravo!» — я искренне радуюсь за него. Но процесс из-за этого опять затягивается. По ходатайству обвинения судья выделяет уголовное дело в отношении сбежавшего Вальдес-Гарсии в отдельное судопроизводство, и мы вновь возвращаемся к судебным прениям. Обвинитель Шляева опять, слово в слово, повторяет ранее сказанную ложь: «Были знакомы, общались, координировали преступную деятельность» — и запрашивает те же одиннадцать лет каждому...

В своем последнем слове я скажу, что оглашенные доказательства свидетельствуют о законной и официальной хозяйственной деятельности компании ЮКОС, что я никогда не

занимался никакой противоправной деятельностью и был лишь обычным наемным сотрудником компании, выполняющим свои должностные обязанности. Я прошу меня **оправдать**.

Последнее слово Малаховского мало чем отличается от моего. Он также говорит об абсурдности предъявленных обвинений и просит его оправдать.

* * *

Занавес. На этом процесс завершается. Судья удаляется писать приговор. Его оглашение назначено на 1 марта 2007 года. Мне остается только ждать... Время ожидания приговора оказывается для меня самым тяжелым. Решается моя судьба. Я не могу читать книги. Механически прочитав очередную страницу, я осознаю, что не улавливаю смысл. Пытаюсь занять себя физическими упражнениями. Приседания и отжимания немного отвлекают от размышлений. Я считаю дни до окончательного решения суда.

В камере я раздаю свои вещи. Дарю спортивный костюм Алексею, не имеющему родственников в Москве. Матрас, предмет моей гордости и зависти сокамерников, который я собственноручно собрал из двух, я завещаю Косте. Он серьезный питерский бизнесмен, по его словам, был лично знаком с Путиным, когда тот работал в мэрии Санкт-Петербурга ничем не примечательным клерком. Костю обвиняли в организации убийства Игоря Климова, главы оборонной корпорации «Алмаз-Антей». Суд присяжных его оправдает, и он уедет в экзотический Эквадор, откуда будет похищен сотрудниками ГРУ и возвращен в Россию для очередного судилища. Его оправдают во второй раз...

Костя дает мне мудрый совет: «Вова, ты освободись сначала, а с вещами твоими мы сами разберемся».

«Раздавать свои вещи перед судом — очень плохая примета», — скажут мне потом бывалые сидельцы — и окажутся правы.

В ночь накануне оглашения приговора я не могу уснуть и провожу время в хороводе мыслей: «Оправдают — не оправдают. Отпустят — не отпустят». Так и не остановившись ни на одной мысли из тех, что бесконечно бегают по кругу, я в сопровождении охраны прибываю в здание суда. Здесь уже все готово. Телевидение, журналисты, родственники. Я вижу лица близких мне людей. Леонид Беленький — мой самый близкий друг. Он не бросит меня и будет помогать все эти годы. Когда ты знаешь, что есть человек, который сделает для тебя все, ты сможешь перенести очень многое.

Судья начинает оглашать приговор. Она зачитывает текст: «Признать Переверзина Владимира Ивановича и Малаховского Владимира Георгиевича виновными в совершении преступлений, квалифицируемых по статье 160 части 4, статье 174.1 части 4 Уголовного кодекса Российской Федерации...»

С первых строчек становится понятно, что приговор обвинительный. Чуда не случилось. Я разочарованно смотрю на судью.

«Что она там целый месяц с приговором делала? — не понимаю я. — Она ведь даже не сама его писала, а просто взяла присланную ей из Генеральной прокуратуры дискету и тупо скопировала все содержимое в приговор. Слово в слово, с теми же описками, с теми же ошибками».

«Как же так? А как же доказательства? Как же очевидные факты?» — не верю в происходящее я. Ты называешь белое белым, а тебе в ответ нагло заявляют: «Это черное».

Оставалось ждать оглашения назначенного срока наказания. Я еще надеюсь оказаться на свободе, отделавшись двумя годами и восемью месяцами. Приговор занимает сто восемьдесят страниц машинописного текста, и судья не успевает его прочитать за один день. Я возвращаюсь в камеру.

«Освобождение откладывается на один день!» — пытаюсь пошутить я, вернувшись в камеру.

Отложилось оно и еще на один день, потраченный судьей на зачитывание и перечисление доказательств вины, указанных в приговоре. Она приближалась к результативной части приговора. Самое интересное остается на третий день.

Я прощаюсь с сокамерниками, даю им последние инструкции, что делать с моими вещами, из которых мне нужна лишь сумка с документами. На дорогу они желают мне: «Ни пуха!»

«К черту!» — отвечаю я и выхожу из камеры. Я заметно нервничаю. Я надеюсь, что сейчас все решится. Встанет на свои места.

Зал судебных заседаний набит битком. Все ждут окончательного решения. Судья монотонным голосом продолжает зачитывать приговор:

«При назначении наказания подсудимым суд учитывает наличие на иждивении у подсудимого Переверзина малолетнего ребенка 1995 года рождения. Учитывая обстоятельства совершенных деяний, роль и степень участия каждого из подсудимых, суд находит, что исправление подсудимых Малаховского В. Г. и Переверзина В. И. возможно лишь в условиях изоляции от общества. На основании изложенного, руководствуясь статьями 307, 308, 309 УПК РФ, суд **приговорил:**

Признать Переверзина Владимира Ивановича виновным в совершении преступлений, предусмотренных частью 4 статьи 160 УК РФ и частью 4 статьи 174.1 и назначить ему наказание:

По части 4 статьи 160 УК РФ в виде лишения свободы на срок шесть лет.

По части 4 статьи 174.1 УК РФ в виде лишения свободы на срок десять лет шесть месяцев.

По совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательно назначить Переверзину В. И. наказание в виде лишения свободы на срок одиннадцать лет с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима».

У меня темнеет в глазах.

По залу проносится приглушенный ропот.

Для меня перевернулся мир. Небо упало на землю. Перед глазами промелькнула вся моя жизнь.

Детство. Школа. Институт. У меня пересохло во рту. Язык прилип к небу.

«Подсудимый, — обращается ко мне судья. — Вам понятен приговор?»

«Да, — дрогнувшим голосом говорю я, — понятен».

Нас выводят из зала, и я со щемящей тоской ловлю изумленные, полные сочувствия и сострадания взгляды моих близких.

«За что? За что? За что?» — бьется в голове безответный вопрос.

Какой-то корреспондент в коридоре суда умудряется задать мне глупый вопрос: «Как вы можете прокомментировать сегодняшнее решение суда? Вы согласны с таким решением?»

«Это полный бред и идиотизм! — на ходу успеваю ответить я. — Мы будем обжаловать приговор в Европейском суде по правам человека!»

Занавес. Спектакль закончен. С одиннадцатилетним сроком я возвращаюсь в камеру.

* * *

«Одиннадцать лет дали, сволочи!» — с порога сообщаю я сокамерникам новость. Возможно, кто-то из них был бы счастлив получить такой срок. Но это не мой вариант. Сознание отказывается воспринимать происходящее. Я вспоминаю историю о том, как какой-то парень, приехав из зала суда, на вопрос сокамерников «Сколько дали?» отвечает: «Три года». И отдает свой приговор товарищам. Те читают и видят, что дали ему двенадцать лет. Спрашивают: «Ты ничего не путаешь? Здесь же написано: двенадцать лет!».

«Нет, это не мне, — утверждает тот. — Мне дали три года...»

* * *

Ты отказываешься верить услышанному, ты не воспринимаешь увиденное. Понимание придет позже, когда я прочувствую тяжесть этих лет в колонии строгого режима. К тому времени я отсижу три года, казавшиеся мне вечностью. Неожиданно я осознаю, сколь ничтожную часть от одиннадцати лет составляют эти три года, осознаю то, что впереди у меня целых восемь лет за решеткой! Мне казалось это бесконечным сроком, который никогда не закончится. Эта мысль придавит меня. Мне потребуется очень много времени, чтобы в полной мере принять происходящее.

Глава 15

Последняя надежда

Сокамерники тактично предлагают мне перекусить и выпить чаю. Я чувствую, что проголодался, и набрасываюсь на еду. Не ощущая вкуса пищи, съедаю пару бутербродов. Я в

смятении. Я часто думал о том, могла ли судья поступить по-другому, оправдать нас или дать иные, меньшие сроки. Понятно, что оправдательный приговор привел бы ее к увольнению, что в ее системе ценностей смерти подобно. Но она вполне могла дать, например, мне не одиннадцать лет, а девять. А как она могла дать Малаховскому двенадцать лет — на год больше, чем запрашивала прокуратура? Будь у нее хоть капля совести, порядочности или человечности, мы бы получили меньшие сроки. Очевидно, что система напрочь, без остатка вымывает из людей все человеческое или же вбирает в себя уже готовые кадры без чести и совести.

У меня остается слабая надежда на кассационную жалобу в Мосгорсуд, который в просторечии совершенно справедливо называют Мосгорштамп. На следующее утро приезжает адвокат. Он тоже расстроен. Не разделяя моих иллюзий относительно оправдательного приговора, он ожидал меньшего срока. Для того чтобы выиграть время для написания жалобы, на следующий день после оглашения приговора адвокат пишет короткую кассационную жалобу на приговор: «С приговором не согласны. Считаем его незаконным и необоснованным. Развернутую кассационную жалобу предоставим по мере готовности».

Согласовав со мной очевидный план действий, защитник приступает к написанию кассационной жалобы. Я тоже не могу сидеть сложа руки и с энтузиазмом берусь за написание собственной версии жалобы. Приговор содержит массу противоречий и неточностей, выводы суда не соответствуют представленным доказательствам. Я проделываю титаническую работу: подробным образом наглядно излагаю свои доводы, прошу приговор отменить, а меня оправдать. Жалобу отправляю в Мосгорсуд. Вскоре я получаю копию жалобы, направленной в Мосгорсуд моим адвокатом. Все яснее ясного, все просто и понятно, по закону приговор подлежит отмене. Но дело ЮКОСа, к сожалению, проходило, как сказал один известный адвокат, вне «рамки правового поля». Я бы сформулировал эту мысль проще: где дело ЮКОСа — закон отдыхает.

Теперь я жду заседания Мосгорсуда.

«А вдруг отменят приговор? Это же какой-то бред!» — мелькают у меня в голове мысли. Надежда есть, но шансы невелики. Я знаю, что в течение десяти дней после вступления приговора в законную силу меня отправят на зону. В законную силу он вступает после рассмотрения Мосгорсудом кассационной жалобы.

В Мосгорсуде явно не торопятся рассматривать наши жалобы и назначают дату судебного заседания на середину июля. Я начинаю готовиться к этапу. По словам бывалых арестантов, этап — самый неприятный и опасный момент в жизни заключенного. Я уже наслышан о том, как всячески издеваются над зэками, как их избивают. «За что бьют?» — задаю я наивный вопрос. «Да ни за что!» — отвечает мой собеседник. Опытный человек советует мне брать минимум вещей и за сутки ничего не есть и не пить.

«Это почему?» — не понимая его инструкций, интересуюсь я.

«Чтобы не хотелось в туалет! — продолжает мой консультант. — В туалет не выводят. На всякий случай возьми с собой пустую пластиковую бутылку, пакеты. Бери сигареты, чай, сушину — печенье, сухари, пряники, конфеты».

Впитываю в себя каждое сказанное слово — я с благодарностью буду вспоминать своего инструктора.

Мыслями я уже уехал из СИЗО и нахожусь в лагере. Мне изрядно надоело находиться в замкнутом пространстве тюрьмы, где я провел около трех лет. Непонятно было, куда меня повезут, но я нарисовал красивую картинку без единого облачка. «Приеду в колонию, — рассуждал я, — милиция почитает мое личное дело, из которого ясно, что я невиновный человек, и относиться ко мне будут соответствующим образом. Работу мне предложат хорошую, в библиотеке или в школе. И буду я жить-поживать и срок отбывать».

Меня пугал сам этап, а перспектива сменить место жительства, поменять тюрьму на колонию даже радовала. Я составил целый список вещей и продуктов, которые мне понадобятся в пути и на первое время в колонии. «Как и сколько будут везти, не знает никто, поэтому надо запастись продуктами», — думал я. В ларьке я купил каши, сигареты... Специально отведенный для этих целей баул растет у меня на глазах.

* * *

В сборах незаметно пролетает лето, и меня везут в Мосгорсуд. Монументальное здание, светлые подвалы и просторные казематы не создавали ощущения места, где вершится правосудие. Все рутинно и обыденно. Технический прогресс добрался и сюда. Нас сажают не в клетку, а в стеклянный аквариум. Толстые бронированные стекла отделяют нас от зала. Малаховский загадочно сообщает мне, что сейчас наш приговор отменяют. Ему сообщили об этом адвокаты. Я не очень в это верю. Сквозь стекло, в некотором отдалении, вижу близких мне людей, которые болеют за меня и поддерживают. Это очень важно. Без этого не выжить.

В зал заходят судьи — две женщины и мужчина. Из-под мантий видна обычная повседневная серенькая одежда, на которую и внимания-то не обратишь. Идет вот такой ничем не примечательный человечек, посмотришь не него — взгляд не остановишь, а тем более не подумаешь, что он судьбы вершит человеческие. В руках у одного судьи хозяйственная сумка. Мне казалось, что судьи зашли в этот зал в перерыве между походами по магазинам или какими-то другими своими делами. Все как-то быстренько и мимоходом. Они уже изучили наши жалобы и заранее подготовили ответ. «Белое — это не белое, а черное. А черное — это даже не белое, а красное», — в три голоса говорят судьи.

«Господи, это какое-то сумасшествие, это дурдом!» Я отчаянно взываю к всевышнему: «Боже, забери меня отсюда и спаси!»

«Доводы защитников несостоятельны, приговор оставить в силе», — доносится до меня.

Я смотрю на судей, не испытывая к ним ни злобы, ни ненависти. Я ощущаю только чувство брезгливости к этим существам. Мы возвращаемся в СИЗО, где мне остается провести последние десять дней.

Приходит мой защитник, и мы обмениваемся впечатлениями. Нам предстоит пройти всю судебную пирамиду надзорных инстанций и безрезультатно добраться до ее вершины —

председателя Верховного суда. При существующей в России круговой поруке мы понимаем, что в моем деле здесь справедливости не добиться. Остается надежда только на Европейский суд по правам человека.

Мы не прощаемся, а расстаемся на некоторое время. Борьба продолжается.

Я возвращаюсь в камеру и через некоторое время слышу: «На Пэ, с вещами...»

«Неужели меня так быстро отправляют на этап?» — думаю я. Собираю вещи и прощаюсь с сокамерниками, мы обнимаемся. Меня переводят в пустую камеру. Здесь уже стоят мои вещи, принесенные со склада. Теплые зимние вещи, куртка, ботинки. Накопилось несколько баулов. Я начинаю разбираться с вещами, отделяю нужное от ненужного. Собираю сумки, которые возьму с собой на этап. После бесчисленных переключиваний и нелегких решений у меня получается два баула и большая спортивная сумка. «Сумку на плечо и по баулу в каждую руку», — легкомысленно прикидываю я. В этой камере в одиночестве я проведу еще два дня, и лишь на третий мне сообщат, что сегодня меня увозят.

«Присяду на дорожку, — улыбаюсь я пришедшей в голову шутке. — Присел вот на одиннадцать годков!»

«На Пэ готов?» — раздается из-за двери.

«Готов, готов», — в ответ кричу я.

Глава 16

Этап

Гремят засовы, с грохотом распахивается дверь, я вижу незнакомые лица обычных конвойных. Нет больше спецназа и прочего театрального реквизита. «Теперь я никого не интересую, я списанный и отработанный материал», — с облегчением думаю я, без сожаления покидая стены этой тюрьмы. Как мне здесь было хорошо, я пойму совсем скоро, едва успев приехать в пункт назначения — колонию строгого режима, что в поселке Мелехово Владимирской области. Под роспись меня передают конвою, и мы выходим из здания тюрьмы. Во дворе тюремного дворика уже ждет автозак.

Я закидываю сумки в автозак и забираюсь туда сам. Захожу в свободный отсек. За стенкой сидят женщины. Из их клетки раздается веселый смех. Я вступаю с ними в беседу. Узнав мой срок, они сочувственно вздыхают. Устроившись на скамеечке в клетке, я тщетно пытаюсь взглянуть в уже забытые мною московские улицы. Темно, почти ничего не видно, да и дорога не занимает много времени. Я чувствую запах вокзала и слышу шум поездов. Я пытаюсь вычислить, на какой вокзал меня привезли. Нахлынули детские воспоминания, когда я, еще школьником, с родителями каждое лето на поезде ездил в Крым... Я помню, как меня завораживали пронсящиеся мимо пейзажи, как я мог часами не отрываться от окна. Кто бы мог подумать тогда, что меня ждет такое путешествие?..

Мы приезжаем на отдаленный пустынный перрон, почти вплотную к вагону. Слышу разговор конвойных, они решают, кого выгружать первым. «Сначала строгач, а потом все остальные», — переговариваются между собой конвойные. Строгач — это я. Я хватаю вещи и выпрыгиваю из автозака. Меня передают на руки другому конвою. Старший из них с

удивлением берет в руки мое огромное личное дело, сверяет данные. Я безошибочно называю свои статьи и срок. Вряд ли кто-то вместо меня может поехать в колонию на одиннадцать лет! Я с трудом втаскиваю свой багаж в поезд. Сумка цепляется за двери и мешает идти, баулы тянут вниз. Едва протискиваясь по узкому коридору вагона, я добираюсь до купе. Оно пустое. Обычное купе стандартного размера без окна. Вместо двери — решетка. В коридоре небольшое окно, через которое, если оно открыто, видно волю. Внизу две скамейки, сверху — две пары полки. Всего три яруса. Столыпин — так арестанты называют этот вагон. После стольпинской аграрной реформы для перевозки крестьян использовали вагоны для скота. С тех пор мало что изменилось, и мы недалеко ушли в своем развитии.

В купе заходит конвойный.

«Куда едем?» — интересуюсь я.

«Выдавайте запрещенные предметы», — вместо ответа он требует приготовить к досмотру вещи.

«У меня ничего нет, — откровенно говорю я. — Я же из спец. СИЗО 99/1. Там иголку в камеру не пронесешь».

Конвойный мне не верит и начинает обыск. Разворачивается каждый пакетик, открывается каждая коробочка, столь тщательно упакованная в СИЗО. Просматриваются все вещи, пролистываются все бумаги. Все перепутано и перемешано. Я с трудом раскладываю вещи обратно по сумкам. Вагон наполняется пассажирами. Слышу, как в соседнем купе тоже проходит шмон. Ко мне заводят попутчиков — одного, второго... Я сдвигаю свои вещи. Заходит третий, четвертый. Купе заполняется сумками и людьми. Пятый, шестой, седьмой. Люди лезут наверх и укладываются на верхних полках. Внизу, на нижних полках, впритирку уместается по пять человек. Свободное пространство между скамейками и под ними заполняется баулами. В купе набивается восемнадцать человек. Теснота невероятная. Очень душно. По инструкции конвой может открыть окна только во время движения поезда. Вывести в туалет — тоже только во время движения. На дворе конец июля, жара невероятная...

Купе заполняется традиционными разговорами: кто, откуда, за что сидит, какой срок. Я слышу разные истории, нахожу с попутчиками общих знакомых, с которыми сидел сам. В вагон мы сели около девяти вечера. Поезд тронется утром, в семь. Конвойный уступает настойчивым требованиям заключенных и нарушает инструкцию — немного приоткрывает окно. Вдалеке я вижу перрон, людей, ожидающих электричку, дачников с саженцами в руках. «Старшой, — кто-то орет в соседнем купе. — Отведи в туалет, умираю!»

«Не положено по инструкции, — отвечает прапорщик. — Вот поедем, и сходишь».

«Взять бы этого гада, который писал инструкцию, и сюда», — зло думаю я, а потом еще раз добрым словом вспоминаю своего наставника-консультанта. Я сутки ничего не ел и почти не пил. Не могу сказать, что мне было хорошо и комфортно, но по крайней мере мне никуда не хотелось. Излишки жидкости выходили обильным потом, и я в основном молча сидел, больше слушал и терпел. Из восемнадцати человек не курил я один.

* * *

Наш вагон передвигается очень медленно, делает многочисленные остановки. Он идет своим маршрутом, его прицепляют то к одному поезду, то к другому. Мы едем во Владимир, дорога до которого занимает без малого сутки. Я весь липкий от пота, насквозь пропитался сигаретным дымом, одурел от смрада и пустых разговоров, у меня все затекло от многочасового сидения в одном положении. **Это настоящая пытка**, которую я буду с ужасом вспоминать. В купе знакомлюсь с Андреем К., осужденным за бандитизм и убийства на девятнадцать лет. Я сидел с его подельником Димой. Они оба — мастера спорта по боксу, работали в ЧОПе у одного бизнесмена и решали вопросы. Признав вину и дав показания на своего руководителя, они получили минимальные для их положения сроки.

Мы приближаемся к городу Владимиру. Когда-то, еще до ЮКОСа, я работал в одной организации, имеющей филиал в этом городе. Директор филиала приглашал меня в гости, а я все не ехал и не ехал. «Ну вот я и приехал», — горестно думаю я.

Приехали. Наш вагон отцепляют от поезда и загоняют на дальний перрон.

Конвойный громким голосом инструктирует эзков: «Выходим по одному, передвигаться по команде, на корточках, голову не поднимать, смотреть только вниз, стреляем без предупреждения». Все серьезно. Автоматы настоящие, патроны боевые, предохранители спущены. Под лай собак я выпрыгиваю с сумками из поезда и сажусь на корточки. Нам предстоит преодолеть метров пятьсот по железнодорожным путям, прежде чем мы доберемся до автозака. Боковым зрением я вижу вдалеке людей, беззаботно спящих по перрону.

«По команде пошли, начинаем движение», — орет конвоир. Я с трудом тащу свою ношу и проклиная себя за то, что набрал так много продуктов.

Бах! Мне кажется, что мое сердце вот-вот остановится. Это, не выдержав нагрузки, со звуком выстрела лопается ремень на спортивной сумке. Она падает у меня с плеча и остается позади. Я продолжаю движение. «Хрен с ней, с этой сумкой. Живым бы остаться!» — судорожно думаю я.

«На месте! — командует надзиратель. — Вернитесь, возьмите сумку». До меня не сразу доходит, что он обращается ко мне.

«Помогите ему», — говорит он другому эзку, в руках которого небольшая сумочка.

Мы хватаем вещи и идем к автозаку.

Я с трудом, весь в поту, добираюсь до автозака, где благодарю спасителя, тащившего мою сумку. «Надо срочно избавляться от вещей! — осеняет меня. — Второй раз мне такого не пережить. Умру от разрыва сердца!»

Мой спаситель Валера окажется отъявленным рецидивистом. К тридцати пяти годам это его девятая судимость... Он сидел много раз, но помалу. Он крадун — вор-карманник и наркоман, страдающий эпилепсией. Пройдоха, каких поискать. Мы попадем с ним в одну зону. За сумку мне придется благодарить его еще много-много раз, пока не лопнет мое терпение, и я не пошлю его куда подальше...

Автозак привозит нас во Владимирскую пересыльную тюрьму № 1 — «Копейку», как ее называют зэки. Старинное кирпичное здание с красивыми массивными сводами, построенное сто восемьдесят лет назад, за годы своего существования впитало в себя все людские пороки, а также боль, горечь и страдания. Я чувствую зловещее дыхание тюрьмы. Нас заводят в подвал, на сборку — в камеру, где есть несколько скамеек, параша и грязный умывальник. Пахнет плесенью и сыростью. Обессиленные, мы рассаживаемся и ждем дальнейших событий. Воспользовавшись паузой, я приступаю к облегчению своих сумок. Достая бутылку воды и пачку печенья, которую делю со своими товарищами по несчастью.

«Первая, первая, ответь мне», — вдруг слышу голос... из унитаза. Трясу головой, не в силах понять, не сошел ли я с ума. Дальняк, как его называют в тюрьме, служит отличным средством связи. Хитроумные зэки умудряются прокладывать дороги, протягивая сплетенные из ниток канатики, и по канализации передавать из камеры в камеру тюремную почту.

Потом опять шмон. Третий за последние сутки. Перетрясли все, перемешав содержимое сумок. Нас по одному обыскивают и переводят в другую сборку. Вскоре все прибывшие опять собираются в одной камере. Мы готовы к дальнейшим действиям. Они не заставляют себя долго ждать. Нам выдают казенные матрасы, белье и всех разом какими-то хитрыми коридорами куда-то ведут. По пути, в коридоре, нам встречаются надзиратели с огромной овчаркой, которая, как мне показалось, посмотрела на меня добрыми глазами и подмигнула. Мы поднимаемся на третий этаж и подходим к камере № 39. Открывается дверь, мы дружно заходим в камеру, и я вижу подзабытую, но знакомую мне чудовищную картину. Переполненное помещение, дым, смрад, развешанное белье. Пол устлан асфальтом, на котором валяются бесчисленные бычки. Справа от входа убогая занавесочка из грязной простыни, условно отделяющая дальняк от камеры. Перед занавеской томится несколько зэков, ожидающих своей очереди. Рядом, буквально у них под ногами, на матрасе на грязном полу спит человек. «Угловой», — понимаю я. Или как их еще называют — обиженный, опущенный. Это целая каста заключенных, подразделяемая на свои подкасты, обреченная выполнять самые непрестижные работы. Убирать туалеты, например. С такими нельзя здороваться за руку, есть из одной посуды, сидеть за одним столом, словно они зачумленные. Эти правила соблюдаются зэками беспрекословно, ибо нет хуже наказания для арестанта, чем войти в число обиженных. Недаром тюремное сообщество само жестко наказывает арестантов за определенные преступления, загоняя их в угол. Такая участь ожидает почти всех педофилов, которые попадают в места лишения свободы.

В глаза бросается высоченный, метров под пять, потолок камеры, пестрящий железными латками. Так администрация заваривает отверстия в потолке — кабуры, ведущие в камеры, расположенные наверху.

Сразу вижу, где расположились блатные. Угол, где на полу лежит ковер, сделанный из старого одеяла, выгорожен простынями. Раздетые люди, разукрашенные наколками, увлеченно играют в карты.

Мы проходим и садимся за стол, знакомимся со смотрящим камеры. Заваривается чифирь. Составляется дорожная, или прогон, где подробно указываются фамилии вновь прибывших, номера статей, в каких СИЗО сидели. Прогон обойдет все камеры тюрьмы, и

если у кого-то к тебе есть претензии, то с тебя могут спросить — оштрафовать, избить, выкинуть из камеры...

К чифирю я достаю из баула шоколад, сигареты и щедро угощаю новых сокамерников. В коробку для общего, стоящую на столе, я кладу блок «Мальборо». Мужики, давно не курившие сигарет с фильтром, подтягиваются к столу и быстро их разбирают. Я доволен тем, что мне удалось избавиться от ненужных мне сигарет и облегчить свои баулы. Мужики радуются каждой выкуренной сигарете. Несмотря на чудовищное количество выпитого чифиря, меня накрывает усталость, и я чувствую, что засыпаю. Смотрящий выделяет мне персональную шконку, где я могу отдыхать сколько душе угодно. Добравшись до нее и едва закрыв глаза, я проваливаюсь в сон. Мне не мешает ни звук телевизора, ни разговоры сокамерников.

Сон был крепок и приятен. Просыпаюсь я от щекотки. Я ощущаю, что кто-то щекочет мое лицо. В памяти всплывают многочисленные события последних дней, я вспоминаю, где нахожусь. По моему лицу ползет таракан, и я окончательно просыпаюсь. Чувствую, что хочу есть. Встаю, умываюсь, кипячу воду и завариваю себе геркулесовую кашу. Ко мне возвращается разум, силы и хорошее настроение. Появляется Валера, который всегда оказывался рядом, когда я доставал что-нибудь из баула. Я угощаю его кашей и конфетами, даю сигарет. Довольный, он на некоторое время удаляется. Среди перемешанных и перепутанных во время шмона вещей я тщетно пытаюсь найти пакет с зеленым чаем, который хочу разделить с интеллигентного вида москвичом Мишей. Он, видя мои безрезультатные попытки, говорит мне, улыбаясь: «Ничего, не расстраивайся! Найдешь во время следующего шмона!»

Я начинаю осваиваться и обживать. Узнаю, что из этой камеры дважды в неделю развозят по зонам. По понедельникам отправляют в Вязники, по средам — в Мелехово. Зэки знают все. Строгий режим в Вязниках помягче, чем в Мелехово, где зэкам приходится несладко. Из числа приближенных к смотрящему у меня появляется доброжелатель, Заяц. Он из Владимира и заботливо предлагает мне решить проблему и поспособствовать моему распределению на зону в Вязники. Для чего мне всего лишь надо заплатить пять тысяч долларов его знакомому из УФСИН Владимирской области. Мне понятно, что это развод, и я говорю ему, что мне абсолютно все равно, куда ехать. Я вижу в его руках мобильный телефон и не могу удержаться, чтобы не попросить его дать мне позвонить.

Зяц рассказывает мне про общее и просит принять в нем посильное участие, положив на номер телефона деньги. Я соглашаюсь. Телефон в моем распоряжении. Мое участие в общем не принесет мужикам ни чая, ни сигарет и закончится банальной вакханалией наркоманов из блатных. Я впервые в жизни увижу залипающих — то есть засыпающих на ходу — наркоманов.

Телефона я не держал в руках давно и делаю несколько звонков людям, голоса которых долго не слышал. После разговора удаляю набранные номера из памяти телефона. Звоню жене и... забываю удалить номер. Это обернется ей кучей потраченных нервов и денег, заплаченных адвокату. Не успею я покинуть стены этой камеры и уехать на этап, как моей жене позвонит неизвестный. Думаю, это был Заяц. Взволнованным голосом он сообщит ей, что Володю, то есть меня, мусора посадили в карцер, где избивают и пытаются.

«Срочно нужны деньги на выкуп!» — требовал он.

Просили относительно немного, десять тысяч рублей. Я представляю состояние моей жены, когда она услышала эту историю!.. Адвокату пришлось приложить немало усилий, чтобы найти меня — целого и невредимого — в колонии строгого режима в поселке Мелехово и успокоить моих близких.

Наступает понедельник. Сегодня этап в Вязники. Надзиратель зачитывает список. Моей фамилии там нет. «Значит, в среду поеду в Мелехово», — обреченно принимаю эту новость. Колония строгого режима в поселке Мелехово пользуется у заключенных дурной славой. Это красная зона, где ломают эков, заставляя их давать всевозможные подписки. Пока я не могу понять, о чем идет речь, и покорно ожидаю своей участи.

Среда. Среди прочих других слышу свою фамилию. Нас человек двенадцать. В их число попадает Валера и крутившийся возле бластных Костя. Мы берем свои вещи и выходим из камеры. Опять шмон. Я открываю свои заметно полегчавшие баулы и выкладываю вещи для досмотра. Надзиратель нехотя перебирает мои пожитки и, помяв в руках несколько пакетиков для видимости, разрешает мне сложить их обратно в сумку.

Во дворе тюрьмы ждет автозак, который везет нас на железнодорожный вокзал. Машина подъезжает вплотную к вагону, и мы кое-как туда перебираемся. В столыпине нас ждет очередной шмон. Мы сдаем конвою бритвенные принадлежности, которые будут нам выданы после прибытия на место. Поезд трогается, и мы следуем в город Ковров. Строго по одному конвойный заводит каждого из нас в отдельное купе, где проверяет содержимое сумок. Ковров находится в ста километрах от Владимира, и конвойные не успевают обыскать всех эков, как мы приезжаем на станцию, где нас поджидает автозак.

Передаются личные дела. Свое дело я узнаю сразу. В огромный бумажный конверт с моей фотографией и данными вложено досье на меня в три тома. Что там понаписано, так и осталось для меня загадкой. Я называю свою фамилию, срок, статью и залезаю в автозак. По ощущениям дорога занимает минут сорок. Слышится скрежет открываемых ворот и лай собак. Мы заехали в шлюз. Колония раскрывает нам свои жесткие объятия. Я осознаю, куда попал. Под лай собак и крики надзирателей мы выпрыгиваем из машины. «Бегом, бегом, — я слышу истошные вопли надзирателей, — быстрее, быстрее». Мешкать нельзя. Слышу звук удара резиновой дубинки, со свистом опустившейся на кого-то позади меня, слышу вскрик этого несчастного, позволившего себе замешкаться лишь на секунду. Нас сажают на корточки в обнимку со своими вещами. Смотреть можно только вниз. Чуть приподнимешь голову, и последует удар дубинкой...

Глава 17

Добро пожаловать в Мелехово

Мне повезло. Нас принимали мягко. Этап, прибывший до меня, били основательно. Арестантам, приехавшим в следующую среду после нас, тоже досталось. Во время помывки в душе я лично видел разбитые головы, синяки и кровоподтеки на телах осужденных. Каждый этап принимают по-своему. Кого-то бьют меньше, кого-то больше. Кого-то не бьют вообще. Все зависит от настроения тюремщиков. Они могут переусердствовать и покалечить

осужденного, что регулярно случается. Все спишут на несчастный случай: «Упал, споткнулся и ударился головой». Из колонии не уйдет ни одна жалоба, если к тебе не приезжает адвокат или родственники.

«По команде берем свои вещи, встаем и бегом марш», — командует надзиратель.

Краем глаза я вижу красивую деревянную церковь, расположенную буквально в нескольких метрах от нас. Неискушенный человек может подумать, что все происходит с благословления божьего...

Мы хватаем сумки и бежим в какой-то дворик. Складываем свои баулы в кучу и выстраиваемся в шеренгу. Я стою третьим. Крупный мужчина в камуфляже со звездой майора на плечах и метлой в руке безапелляционно заявляет: «Сейчас каждому из вас необходимо взять в руки метлу и сделать несколько подметательных движений». Рядом, угрожающе помахивая дубинками, стоят его коллеги и несколько зэков, которые, как выяснилось впоследствии, пользуются особым доверием администрации и помогают принимать этап. Мне совсем не хочется брать в руки метлу. Но это своеобразный ритуал. Первым из строя выходит Костя и бодро начинает мести. Следующим идет Валера и делает несколько вялых движений. Удар дубинкой по спине заставляет его ускориться. Наступает моя очередь. Нехотя, сжав зубы, я беру в руки метлу и начинаю мести. «Достаточно», — слышу за спиной чей-то голос. Я останавливаюсь и передаю метлу в руки следующему.

Из нашей компании мести не отказывается никто. Зэки хорошо осведомлены о методах воздействия. Откажешься — избьют прямо здесь, во дворике, совершенно не стесняясь других заключенных. Не станешь мести после этого — тебя заведут в кабинет и будут бить еще. Если не сломаешься, то к тебе подведут обиженного и предложат самому сделать выбор: стать прямо сейчас, после определенной процедуры, таким же обиженным и заехать в петушатник или все-таки взять в руки метлу... Все выбирают последнее. Для администрации осужденный — не человек. Поэтому любые попытки отстаивать свои права воспринимаются администрацией крайне негативно и болезненно.

Несколько лет назад осужденных, приезжающих из Мелехово в пересыльные тюрьмы, «порядочные» арестанты не пускали в камеру. Со словами «Тебе нет места среди людей» несчастных выкидывали из камер и вынуждали идти в другие хаты, где сидели красные — дневальные, завхозы и прочий сомнительный люд.

Подавленные, мы со своими сумками заходим в здание. Здесь штаб. Нас заводят в большую комнату, где начинается грандиозный шмон, больше похожий на грабеж. Я вижу двух здоровенных зэков, по-хозяйски расхаживающих по кабинету с какими-то бумажками. Они подходят к каждому вновь прибывшему арестанту и «просят» поставить подпись. Все подписывают, не глядя, даже не узнав, что подписали. Пока какой-то прапорщик копается у меня в вещах, эта парочка подходит ко мне и сует в руки бумажку и ручку. Они — дневальные карантина. Худшие из худших, самые отъявленные мерзавцы и негодяи. Прессовщики, готовые за определенные блага от администрации сотворить все что угодно. На правой щеке у одного из них красуется шрам — от уха до подбородка. «Блядский шрам, — скажет мне позже про него один опытный зэк, — чтобы все видели и могли определить по этой отметине, кто он есть».

Вглядываясь в написанное, я пытаюсь уловить смысл этой бумажки.

«Давай, ставь свою фамилию и подписывай, читать он еще будет!» — недовольно, в два голоса, подгоняют меня дневальные. Я вижу слова: «Подписка. Я, такой-то, добровольно отказываюсь от преступных понятий и традиций воровского мира, обязуюсь соблюдать режим и выполнять требования администрации».

«Что за бред!» — удивляюсь я и ставлю свою подпись. Парочка удовлетворенно удаляется.

Я с жалостью смотрю на свои разбросанные вещи. Изымаются вольные, не установленного образца. Надзиратель спотыкается на мешочке с лекарствами, хочет их забрать. Я отчаянно сопротивляюсь и отстаиваю часть лекарств. Досконально просматривается и проверяется каждый пакетик, пролистывается каждая тетрабочка. Мой багаж уменьшается на один баул. Изъятые отправляются на склад личных вещей. Меня наголо бреют и выдают новое обмундирование. Надеваю страшную кепку с белой полосой, костюм х/б, или робу, украшенную такими же белыми полосками, примеряю черные ботинки со стельками из картона. Смотрю в зеркало, с трудом узнаю себя в новом обличье. Теперь я полноправный (то есть бесправный) зэк.

Начинается новый этап моей жизни, который нужно пережить...

* * *

Под руководством доверенных зэков, незаконно наделенных полномочиями администрации (чего не сделаешь, лишь бы сбросить с себя часть работы!), мы, обстриженные и переодетые, строем идем в помещение карантина. Чем занимался начальник отряда, носивший звание капитана, остается для меня загадкой. Я часто вижу его мельком, когда он заходит в свой кабинет, расположенный в помещении адаптационного отряда. С нами он не общается никогда. Такой чести удостоиваются только дневальные, по совместительству являющиеся его прислугой. Помимо всего прочего, стратегической задачей дневальных является бесперебойное снабжение бессовестного капитана чаем, конфетами, шоколадом и другими сладостями, которыми он великодушно угощает собирающихся у него на утреннее чаепитие начальников остальных отрядов. «А что делать? Приходится вертеться!» — делится своей «бедой» один из дневальных отряда, озабоченный, где бы достать съестное для начальника отряда. К слову сказать, явление это очень распространено в местах лишения свободы. Я еще не раз столкнусь с подобным и с удивлением обнаружу, что в некоторых колониях сотрудники не прочь отведать продукты, украденные у зэков практически со стола...

Мы заходим в небольшое помещение карантина, окруженное глухим бетонным забором. Здесь расположен небольшой дворик и спальное помещение, где проживают несколько дневальных. Я понимаю, почему не любят москвичей, и тоже начинаю ненавидеть отдельных представителей города, где сам родился и вырос. Дневальные все, как на подбор, из Москвы.

Саша Утюгов по кличке Утюг, бывший офицер ракетных военно-космических сил стратегического назначения, получил небольшой срок за торговлю наркотиками. Он давно нашел здесь пристанище и досиживает последние месяцы.

В дневальные, как правило, идут люди ущербные и наделенные непомерными амбициями, готовые за лишнюю пайку сотворить все что угодно. В обычной жизни, на свободе, они чаще всего ничего особенного из себя не представляют. Но здесь, при поддержке администрации, получив свой кусочек власти над людьми, показывают себя во всей красе.

Назар (Саша Назаров) на свободе жил вообще рядом со мной, в районе метро «Каховская». Глядя на его крохотного размера одежду, я прозвал его «человечком из детского мира». Ростом ниже ста шестидесяти сантиметров, с огромным цветным драконом, полностью не уместившимся на спине и посему захватившем переднюю часть его худенького тела, он сидел не в первый раз — за нанесение тяжких телесных повреждений и воровство. Получив должность дневального в колонии и в придачу возможность следить за порядком, он сам превратился в дракона и начал «летать», строя всевозможные козни и пакости осужденным.

Отдельная комната предназначена для старшего дневального карантина, или завхоза. По закону в карантине можно держать людей не больше двух недель. Чтобы избежать этого ограничения, администрация придумывает обходной маневр, создавая адаптационный отряд. По сути, это тот же карантин. Заключенные так их и называют между собой — верхний и нижний карантин.

Нас приводят в верхний карантин. Назар рассказывает о местных нравах и обычаях. Информировует о распорядке дня и воспитательных мероприятиях. Подъем в полшестого утра, зарядка, завтрак. В день положено три воспитательных мероприятия. Воспитывают здесь строевой подготовкой. Маршировки продолжаются час-полтора и отличаются особой тщательностью проведения. Я всегда удивлялся тому рвению, которое проявлял этот ээк — в общем-то, такой же осужденный, как и мы. Он без устали следил, как кто поднимает ноги, смотрел, чтобы все маршировали синхронно, в ногу. Казалось бы, ну пошагай, пройди перед штабом для галочки — и в барак. Но нет! Мы часами репетировали, шагали под его счет, замирали на месте, задерживая в воздухе ногу. Похоже, Виталий (так звали этого специализирующегося на маршировках дневального) получал несказанное удовольствие от этого процесса. Что он ощущал, какие чувства испытывал, когда, покручивая в руках цепочку, управлял этой массой ээков?

«На-аправо... На-алево... Стой, раз-два. Кру-угом!»

Уроженцу подмосковного города Люберцы Виталию было около двадцати лет. Он — убежденный скинхед и попал в колонию за нанесение тяжких телесных повреждений. Неграмотный и необразованный, Виталий был высочайшего мнения о себе. «Шагом марш!» — приказывал он, и толпа повиновалась. Уверенный в собственной исключительности, он любил поиздеваться над некоторыми ээками, всячески их оскорбляя. Из его уст я впервые услышал ранее незнакомое мне слово — «древолоз», имеющее сугубо негативную окраску и означающее крайнюю степень умственной отсталости.

«Обязательно после освобождения найду и завалю эту гадину!» — не раз слышал я относящиеся не только к Виталию и Назару, но и к другим дневальным угрозы. Говорили это люди, сидевшие отнюдь не за кражи и грабежи...

* * *

От центральных ворот под небольшим уклоном вниз через всю зону тянется аллея. Высокие березы радуют глаз. После почти трехлетнего пребывания в замкнутом пространстве радуешься каждому дереву, радуешься небу и солнцу. Испытываешь новые ощущения, когда ступаешь по земле. По обеим сторонам аллеи расположились церковь, штаб, клуб, бараки и локальные сектора. Проходя этот путь от начала до конца, мы упираемся в КПП и железные ворота промышленной зоны. На территории жилки (жилой зоны) есть еще малая промка, состоящая из нескольких швейных цехов.

«На месте сто-ой, раз-два! — растягивая слова, командует Виталий. — Кругом, шагом марш!»

«Ба-бах», — раздается страшный грохот, земля дрожит под ногами. Долго слышится гулкое эхо взрыва. Рядом с колонией находятся карьеры по добыче доломита. Сама же колония, построенная в пятидесятые годы военнопленными немцами, расположилась на дне низины, образовавшейся здесь в результате многолетней добычи руды.

Мы идем в обратную сторону, поднимаемся в горку и упираемся в стоящий перед воротами шлюза шлагбаум, оскалившийся устремленными в нашу сторону огромными шипами. Если вдруг кому-то взбредет в голову протаранить ворота, то он напорется на эту преграду. Мы преодолеваем это расстояние сотни раз в день. Туда, сюда. Вверх, вниз. Мне удалось заставить себя полюбить это странное (не только бессмысленное, но и, очевидно, вредоносное) мероприятие. Я представил, что это своего рода физкультура и начал старательно выполнять упражнения. Лишенный активной жизни и набравший лишний вес, я стал стремительно худеть.

Стоит август 2007 года. Мы буквально обливаемся потом и приходим на территорию карантина мокрые с головы до ног. Умываться нельзя, так как это не предусматривается распорядком дня, утвержденным начальником колонии. Гигиенические процедуры — строго по расписанию, утром и вечером, по десять минут. Но и вечером нам не хватает на это времени. Два умывальника на двадцать эков позволяют провести около раковины не более минуты. Дневальные, имеющие неслыханную привилегию заходить в барак, когда им вздумается, строго следят за соблюдением распорядка дня. Мы же, обычные эки, в свободное от маршировок, уборок, погрузки и разгрузки время вынуждены просто стоять или ходить в окруженном бетонным забором дворике. Сидеть негде и не на чем. «И так уже сидите», — шутит дневальный. Можно сидеть на корточках. В другой колонии, где я попаду в похожие условия, сидеть на корточках категорически запрещалось, так как там это считалось обычаем преступного мира и воровской традицией.

Под палящими лучами солнца пот быстро высыхает, образуя на черной робе белые соляные разводы. Грязных и дурно пахнущих, но в полном соответствии с распорядком, нас

раз в неделю водят в душ. Мне вспоминаются слова из очевидно не читанного ими Уголовно-исполнительного кодекса, где черным по белому написано: «Осужденные обязаны соблюдать санитарно-гигиенические нормы и правила, принятые в обществе».

«Может, не читали, а может, в их обществе так принято», — философски рассуждаю я.

На душ отводится тридцать минут. Одна лейка на пять-шесть человек. Надо успеть помыться и постирать свои вещи. Многие заходят под душ в одежде и натирают себя мылом, делая два дела одновременно. «Стиранные» вещи оставляют в специальной сушилке, откуда дневальный их забирает и складывает в один мешок. Плохо простиранные, порой только намоченные, перемешанные вещи вываливаются на парты, стоящие в помещении воспитательной работы. Мы долго отыскиваем свою одежду в этой куче, перебирая чужое белье. Я начал приспособляться к местным условиям жизни. Уже после следующей стирки я связываю вместе носки, трусы, привязываю к ним майку и быстро нахожу свою «змею»...

Ночью спать невозможно, и в отряде стоит страшный смрад. Мы ждем, когда спадет жара. Ты всегда чувствуешь дискомфорт. Хорошо не бывает никогда. Либо жарко, либо холодно. Не хватает сна, еды, покоя, уюта...

* * *

Каждое утро начинается с зарядки. Едва успев открыть глаза, мы несемся на улицу. Зарядку делает вся зона. Осужденные выходят из своих барачков в локальные сектора и под музыку делают упражнения. «Махи руками, — доносится из динамика. — Раз-два, три-четыре. Достаточно. Переходим к приседаниям...» Зарядка сопровождается классической музыкой. Мы делаем зарядку по нескольку раз, пока не добиваемся абсолютной синхронности движений. Специально для карантина запись повторяют несколько раз. После зарядки — заправка постелей и водные процедуры. Нужно успеть почистить зубы и намочить лицо. Выходим во дворик, ждем. Слышен синхронный топот ног и голос: «Стой, раз-два». За нами пришли. Осужденные из нижнего карантина ждут, пока мы вольемся в их ряды. Мы строимся и начинаем марш. Я успеваю спросить соседа по шеренге: «Как там, на нижнем карантине?»

«Полегче», — отвечает он.

«Шагом марш!» — рычит Виталий, и строй начинает движение. Нас учат здороваться с администраций. На приветствие сотрудника колонии надо бодро и громко отвечать. «Здравствуйте, граждане осужденные!» — орет наш мучитель.

«Здравия желаем, гражданин начальник!» — изо всех сил хором орем мы в ответ.

Наш учитель делится тонкостями: «Надо глубоко вдохнуть, а на выдохе как можно громче проорать приветствие».

Репетируя, нам приходится кричать это много раз. В придачу практически каждый встречающийся нам тюремщик не упускает возможности поздороваться.

После первой маршировки — завтрак. Строем идем в столовую. В кармане у меня уже лежит предусмотрительно приготовленная ложка. Мне не надо сломя голову бежать за ней к

тумбочке, где хранится арестантский минимум: кружка, ложка, туалетные принадлежности и чай, у кого он есть. Ложки есть не у всех, и некоторым приходится есть одной ложкой по очереди.

Без аппетита я поглощаю утренний завтрак, состоящий из каши, куска хлеба и стакана подслащенной жидкости, отдаленно напоминающей чай. Время на завтрак строго ограничено. Едва успеваем присесть, как раздается команда дневального: «Встать, закончить прием пищи». Встанешь раньше, без команды — косяк, то есть нарушение. Лишат чая либо «наградят» дополнительной маршировкой. Категорически нельзя общаться с осужденными из других отрядов, которые с любопытством наблюдают за нами, выискивая знакомых. Восемьдесят процентов населения зоны составляют уроженцы Владимирской области, которые небезуспешно ищут земляков, соседей или одноклассников. Один из нас посмел взять пачку сигарет из рук другого осужденного. Об этом «проступке» стало известно дневальным, и мгновенно последовало неотвратимое наказание. В тот день мы маршировали до одури и лишились чая, который иногда после маршировки нам позволялось пить.

Мы возвращаемся в помещение карантина. До очередной маршировки есть еще часа полтора-два, которые нужно простоять во двореке, если не найдется каких-либо других занятий. Зэки — бесплатная рабочая сила, иначе — рабы. Часто нас уводят на различные работы. Погрузить, перетащить что-нибудь с места на место — святое дело! Разгрузка цемента, досок, коробок из швейного цеха становится для нас привычным делом.

«В соответствии со статьей 106 Уголовно-исполнительного кодекса каждый осужденный обязан отработать на работах по благоустройству колонии не менее нескольких часов в неделю». Нам цитируют статьи УИК, где прописываются обязанности осужденных. Дневальные и сотрудники колонии не вспоминают, что у нас, осужденных, есть еще и права, установленные тем же кодексом.

«Прием пищи осуществляется в специально отведенных местах, в установленное время! То, что вам позволяют пить чай вне стен столовой, есть величайшее благо, ниспосланное вам руководством колонии», — говорит нам дневальный и выносит на улицу чайник с кипятком. Кипяток быстро расходуется по кружкам. Всем не хватает, да и чай есть не у всех. Большинство зэков сидят на чифире — крепчайшем чае, который приводит организм в нормальное состояние. Я вижу зэков, которые, отчаявшись добыть кипяток, жуют сухой черный чай и запивают его водой из-под крана. Сигареты заканчиваются. Мужики докуривают оставшиеся сигареты, растягивая одну на нескольких человек. Мне намного легче. Я не курю и могу обходиться без чая. Видя страдания окружающих, я сообщаю мужикам, что готов отдать все сигареты, находящиеся у меня в бауле, и поделиться чаем. Простую на первый взгляд задачу осуществить нелегко. Наши сумки находятся в отдельном помещении, в каптерке, за территорией карантина. Доступ к ним разрешается в строго определенное время, два раза в неделю, по вторникам и четвергам. Сегодня среда. Дневальный обещает завтра вывести меня в каптерку.

Во двореке гуляет коренастый чеченец небольшого роста. Он практически ни с кем не общается и находится в карантине уже несколько месяцев. По сломанным ушам я узнаю в нем борца. Нам есть о чем поговорить. Мы знакомимся. Аслан, член сборной России по вольной борьбе, мастер спорта международного класса, серебряный призер чемпионата мира

и чемпион Европы, осужден по статье 205 УК РФ — терроризм. Срок — двадцать три года. Один из его многочисленных родственников из Чечни переночевал у него в квартире в Москве и каким-то образом оказался причастен к взрыву автомобиля у ресторана «Макдоналдс». Аслана тоже взяли. Потом взяли милиционеров, которые взяли Аслана. Они оказались оборотнями в погонах. Теперь сидят все. «И зачем я за Россию выступал?» — как-то посетует он...

Рядом с нами прогуливается Миша К. Высоченного роста, крупный, он осужден по той же статье, что и Аслан, — терроризм. Срок — девятнадцать лет. Мишу посадили за подрыв пассажирского поезда «Грозный — Москва». Был взрыв. Поезд сошел с рельсов. Место для диверсии было выбрано странное. Сделано было все так, будто террористы старались минимизировать урон. На этом участке поезда всегда сбрасывают скорость. Заряд был заботливо заложен под правый рельс, чтобы поезд ушел не под откос, а остался на насыпи. У Мишиного друга рядом дача. Вот и решили взрослые мужчины, по версии следствия, поразвлечься. Миша на детском велосипеде, принадлежащем дочери друга, якобы доехал до места преступления и совершил подрыв. На ходатайство Миши и его адвокатов провести следственный эксперимент и посмотреть, как он мог со своими габаритами влезть на этот велосипедик, судья ответила отказом. Суд присяжных Мишу оправдал, но приговор отменили и судили Мишу еще раз. Ко второму процессу велосипед, изначально проходивший как вещественное доказательство вины подсудимого, пропал. Как только стало понятно, что детский велосипед доказывает его невиновность, улика таинственным образом испарилась...

Михаил со своей боевой биографией очень подходит на роль козла отпущения. Выпускник Московского института стали и сплавов, очень грамотный и образованный, он перепробовал в жизни много профессий. Был журналистом и фотографом. Написал книгу «Русские добровольцы в Сербии» — там он сам воевал и был ранен. Человек, который добровольно и бескорыстно уехал воевать в чужую страну, чтобы помочь братьям славянам, вызывал у меня уважение. Хорошо разбирающийся в истории, обладающий живым умом и феноменальной памятью, он был интереснейшим собеседником. Человек не от мира сего, он был для меня отдушиной, через которую я мог уйти от реальности. Ему, прямолинейному и не привыкшему ни под кого подстраиваться, было здесь очень тяжело. Мы подружились.

* * *

Быстро проходит первая неделя. Новый этап пополняет карантин двумя новыми лицами. Мы уже знаем, что в следующую среду ожидается большой этап, и всех нас переведут в нижний карантин, для проформы именуемый адаптационным отрядом. Мы с нетерпением ждем этого момента, продолжая оттачивать свое мастерство в строевой подготовке. Если кто-то в строю начинает идти не в ногу, сбивается вся колонна. Молодой парень Саша, осужденный за убийство, получил прозвище, или погоняло, Трояр. Прозвали его так в честь обильно им употребляемого на свободе напитка — жидкости для мытья ванн «Трояр», содержащей до семидесяти процентов спирта. Систематическое употребление этого коктейля приводит к необратимым последствиям. Помимо очевидного влияния на умственные способности происходит следующее: у человека сильно нарушается координация движений. Саша никак не может научиться ходить в ногу, и из-за него сбивается

весь строй. После долгих мучений и нескольких собеседований с дневальными, обычно заканчивающихся нанесением легких телесных повреждений, его ставят в последнюю шеренгу. Я не могу сдержаться и подхожу к Виталию, прошу оставить в покое нездорового парня. Просьба моя услышана не была. Очевидно, Виталий был полностью сосредоточен на осуществлении глубоко засевшей в его скинхедовской голове мечте — безнаказанно издеваться над слабыми.

Дневальный прерывает мою беседу с Мишей К. и зовет меня в помещение карантина. Со мной желает побеседовать местная звезда — завхоз карантина Кирилл Саенков. У него свои роскошные апартаменты. Я захожу в отдельную маленькую комнату с телевизором и DVD. Вижу стол, тумбочку, на которой стоит портрет его сына. Кирилл по местным меркам очень крут. Ему, единственному в колонии зэку, разрешено расхаживать по зоне в кроссовках. По словам дневальных, получил он это право в награду за какой-то свой подвиг — от самого заместителя начальника колонии по безопасности и оперативной работе. Кирилл был особо доверенным лицом (или, как я думал, скорее какой-то другой частью тела) администрации колонии. Он всегда сам участвует в приеме этапов и избивает прибывших осужденных.

Чего он только не плел про себя! Я сидел и кусал губы, чтобы не рассмеяться ему в лицо. Он врал как сивый мерин. «Я капитан ГРУ! Я закончил Институт спецназа Главного разведывательного управления! Я мастер спорта по боксу! Я такой, я сякой...» Он прерывается и великодушно предлагает мне стакан чая и шоколад. Не в силах отказаться, я принимаю его предложение и едва успеваю согласно кивать головой и отхлебывать чай, слушая очередной бред. Он ничего не слышал о деле Ходорковского, но предлагает устроить меня на хорошую должность, сулящую мне спокойную жизнь в колонии. Я, не веря ни одному его слову, отказываюсь. Прием окончен. Дневальные боялись Кирюшу до смерти и, стараясь всячески ему услужить, считали дни до его освобождения. Назар, однажды сводив меня за сигаретами и изучив содержание моего баула, станет выпрашивать у меня спортивный костюм и кроссовки для Кирилла. Мой отказ породит в нем плохо скрываемую злобу, и он еще не раз отыграется на мне.

При приеме этапов дневальные зорко следят за тем, кто во что одет, и выпрашивают, выменивают и выманивают вольные вещи, находящиеся за зоной на складе личного имущества. Многие соглашались. Моя конфискованная одежда не привлекла ничьего внимания и была мне отдана на руки при отъезде из колонии. Дневальные собирали вещи на освобождение Кирилла, у которого высшим шиком считалось выйти на свободу, приодевшись в зоне. Кириллу оставалось до освобождения несколько месяцев.

Наступает вторник, и меня переводят в нижний карантин. Аслан и Миша остаются здесь. Мы не прощаемся. Мы знаем, что будем часто видеть друг друга на ежедневных маршах. Нам предстоит еще больше года находиться в одном отряде.

Мы с радостью тащим баулы к новому месту жительства. Я точно знаю, что хуже не будет. Мои ожидания оправдываются. Двухэтажное здание адаптационного отряда вмещает в себя несколько спальных помещений для зэков, кабинет начальника отряда, туалет с умывальником, комнату для приема пищи с холодильником и помещение воспитательной работы, где стоит телевизор. В каких-то мелочах стало легче. В тумбочке можно держать

минимум вещей, остальное хранится в сумках. Сумки находятся здесь же, в этом помещении, в специальной комнате, куда можно попасть без особых усилий.

На каждой сумке бирка с данными владельца и опись содержимого баула. На каждой шконке — бирка с фотографией, фамилией, статьей и сроком наказания. На каждом ээке — бирка с фотографией и фамилией. Нас очень много, барак переполнен. Шконки стоят вплотную друг к другу, проходы между ними настолько узкие, что я не могу протиснуться даже боком и вынужден залезать на спальное место с торца кровати. После подъема начинается настоящая давка. Время на заправку кроватей ограничено, все толкаются и торопятся. Пробриться к умывальнику с утра я уже не пытаюсь. Зато мне удается это делать почти каждый вечер. В течение дня заходить в спальное помещение запрещено. С утра распахиваю по карманам мыло, зубную пасту, зубную щетку и туалетную бумагу, кладу пару пакетиков чая. Целый день я таскаю ценный груз с собой, а вечером, после команды «Готовиться к отбою!», когда все ээки бегут в спальное помещение за туалетными принадлежностями, я бегу прямо в умывальник. Иногда мне удается помыть ноги и простирнуть носки. Меня спасают влажные салфетки, предусмотрительно привезенные из СИЗО. Уже лежа в кровати, перед сном, я обтираюсь ими с величайшим наслаждением, экономя каждую салфеточку.

Не проходит и двух дней в адаптационном отряде, как меня вызывают к адвокату. Дневальные с удивлением спрашивают: «А зачем к тебе приезжает адвокат? А сколько это стоит? А какая у тебя была зарплата?» Одному передвигаться по зоне нельзя, и мы с Назаром следуем в дежурную часть. Прежде чем отвести меня в комнату для встречи с адвокатом, дежурный меня обыскивает. Я выкладываю из карманов все содержимое. На столе появляется туалетная бумага, мыло, чай, зубная щетка, ложка, зубная паста, салфетки и носовой платок. У дежурного отпадает челюсть, и он в растерянности спрашивает: «А зачем тебе все это?»

«Как зачем?» — повторяю я его вопрос и представляю, как все это выглядит со стороны. Едва сдерживая смех, я серьезно отвечаю: «Я всем этим пользуюсь». Мне действительно становится смешно от этого всеобщего идиотизма.

Адвокат ко мне приехал для страховки, чтобы лично убедиться в том, что я жив, здоров и у меня все в порядке. Довольный тем, что пропускаю маршировку, я мило беседую с ним на отвлеченные темы и тяну время. Свидание заканчивается. Я старательно раскладываю свои вещи по карманам и в сопровождении Назара возвращаюсь в отряд.

Усталые после маршировки, мужики прогуливаются в локальном секторе. В барак по нужде можно зайти только по разрешению дневального и строго по одному. Искусственно создается очередь. Кто-то мне рассказывает, что в одной из колоний на посещение туалета выдавались талоны! Сейчас, после всего увиденного, я ни секунды не сомневаюсь, что именно так оно и было. Придумать такое невозможно, у ээков на это просто не хватит фантазии.

* * *

Заканчивается очередной тоскливый до тошноты день маршировок, погрузок и разгрузок, бесполезного перетаскивания с места на место песка, цемента и других предметов, а также бесконечных уборок и других идиотских занятий, придуманных в недрах закаменелой системы тюремными психологами, защитившими кандидатские и даже докторские диссертации в ведомственных НИИ. Основы массового подавления сознания были успешно апробированы в тридцатые годы в период массовых репрессий, а сейчас слегка модернизированы и с изощренным цинизмом и лицемерием приукрашены. Каторжный труд тридцатых годов заменен современным рабским трудом.

Эти дни изнурительных воспитательных работ вытягивают из меня душевные и физические силы, причиняя мучительные страдания своей бескомпромиссной неотвратимостью и осознанием собственной беспомощности. Не в силах что-либо изменить, я становлюсь частичкой черной массы эзков, превращавшихся в покорных зомби. Черная убогая униформа, обезличивающая заключенных, завершает замысел тюремных психологов. Постоянное недосыпание, состояние полусна-полубоддрствования лишает меня сил к сопротивлению. Но я продолжаю существовать и трепыхаться...

21.05. Подготовка ко сну. Запускают в барак. Кряхтя и покашливая, замученные эки тянутся в помещение. Сняв безобразные ботинки, наполовину сделанные из картона (ботинки выдаются на два года, и ты носишь их всегда — и зимой, и летом), они следуют в спальное помещение. Многие даже не предпринимают попыток умыться и помыть ноги. Три умывальника на шестьдесят человек не оставляют шансов на соблюдение чистоты... Время отбоя соблюдается строго. В 21:30 все должны спать, не допускается никаких хождений. За этим строго следят специально обученные эки. Спальная комната представляет собой помещение девять на четыре метра, сплошь заставленное двухъярусными кроватями. Добраться до своего спального места (как, впрочем, и выбраться с него) — нелегкая задача. Надо же еще и одеться, и раздеться, что лишь усложняет задачу.

Я лежу на железной скрипучей кровати, именуемой на тюремном жаргоне шконкой, и глубокомысленно наблюдаю за окружающими меня осужденными. Мне кажется, что я нахожусь на вокзале, а вокруг меня снуют пассажиры поезда дальнего следования. Не покидает ощущение, что все это мне снится.

Скинув черную спецовку и источая аромат нестираной одежды и немытого тела, мимо меня проскальзывает Круглый, весь разрисованный тюремной символикой. Звезды вытатуированы у него на коленях, плечи украшают эполеты, на спине и груди запечатлены купола, на руке — голова тигра, на пальцах — перстни и надпись «БАРС», что означает «Бей активистов, режь сук». Круглый досиживает свой очередной восьмилетний срок за разбой и грабежи. Вывезенный по неизвестным причинам из колонии в Свердловский области, здесь он устроился дневальным и с повязкой «СДИП» на рукаве стоит на страже у входа в барак.

Скрипит мимо меня Василий с вытатуированными на коленях дверными петлями... Хромает к своей шконке еле живой Хромов — ему уже за шестьдесят. Он получил три года по статье 119 (угроза жизни). Хромова посадил участковый. Мне хотелось бы посмотреть на этого «храброго» полицейского... Следует мимо алкоголик Карманов лет пятидесяти пяти. Он хромает, росточком не выше бывшего президента Медведева. Карманов порубил на кусочки топором своего собутыльника. Аж восемнадцать ударов! «Чтобы сестра не

ругалась», — как он мне сам рассказал. Выпивал на улице. Пригласил собутыльника к себе домой. Живет он с родной сестрой. Выпили. Собутыльник решил отдохнуть и давай на диване устраиваться. Карманов ему и говорит: «Уходи, сейчас сестра придет, ругаться будет». Тот, видимо, ни в какую. Ну взял Карманов топорик и... Чтобы сестра не ругалась...

Проходит молодой здоровый детина, полностью соответствующий своей фамилии — Мерзаев. Он славно съездил на пикничок с приятелями — изнасиловал и убил двух девушек, за что получил двадцать три года. У него на свободе жена и шестилетняя дочь. Промелькнул Огурец, тонкую шейку которого украшает паутина с пауком, ползущим вверх. Двадцатипятилетний наркоман и пьяница, получивший два года строгого режима за кражу нескольких банок огурцов, помидоров и компота, съеденных на месте преступления в качестве закуски. Его приговор я видел сам...

Ковыляет пятидесятилетний, но выглядящий на все семьдесят Дроздов, ночами захлебывающийся кашлем, — у него 158-я статья (кража). Позже у него обнаружат туберкулез. Рядом устраивается сорокадвухлетний, уже излеченный от туберкулеза Поварницын, на закрытых веках которого красуются надписи «Не буди» и «Я сплю». У его соседа Сережи на веках изображены глаза, создающие престранное впечатление. Вот и мой сосед по Москве Николай, устроивший запоминающийся праздник своей сожительнице к Восьмому марта. После грандиозной попойки он очнулся в луже крови и увидел ее с перерезанным горлом. Он даже не помнит, убивал ее или нет. Над чем до сих пор и ломает голову. Мне он откровенно скажет: «Даже самому любопытно, убил я ее или нет». Он жалеет о том, что вызвал скорую и милицию. «Надо было вывезти труп в лес и закопать», — сетует он. При этом рассказывает он это совершенно спокойно, кушая хлеб и запивая его чаем.

Застыл в задумчивости Аббасов, причитая: «Как же мне попасть на свою шконку?» Он спит на втором ярусе, на кровати, расположенной вплотную между двумя другими, и добраться туда трудно.

«Господи, как же я сюда попал? За что? Что я здесь делаю?» — в сотый раз задав себе остающийся без ответа вопрос, я мысленно желаю себе спокойной ночи и засыпаю.

* * *

У каждого заключенного своя история. У кого-то интересная, у кого-то не очень. У кого-то правдивая, а у кого-то лживая. Кто-то вызывает сочувствие, а кто-то противоположные чувства. Но это были люди, с которыми мне предстояло провести много времени. Тогда я совсем не думал о своем освобождении, не представлял день, когда выйду на свободу. Впереди меня ожидали годы тюремной жизни...

Мое пребывание в карантине явно затягивалось. Каждый вторник из отряда в штаб уводили человек по десять-двенадцать на распределение. Осужденных направляли в различные отряды. Я изрядно устал от всего происходящего и каждый вторник надеялся услышать свою фамилию среди счастличиков, покидающих отряд.

Администрация колонии, видимо, не знала, что со мной делать, и поэтому так долго меня и держала в карантине. «Прибыл неизвестный фрукт, и непонятно, как его хранить. А

как его употреблять в пищу? И вообще, съедобен ли он? — рассуждали они. — Может, его надо держать в холоде? Или в тепле? Может, нужно пожарить или сварить?» Обычно здесь никто не задерживался больше трех недель, но на мое изучение требовалось гораздо больше времени.

Я постоянно вижу новые лица. Кого-то уводят, кого-то приводят. Не успеешь оглянуться, как прибывает очередная партия осужденных. Я находился здесь несколько месяцев, за которые состав карантина менялся несколько раз. В отряд приводят молодого парня без ноги. Александр Уманцев, родом из-под Грозного, говорит на чеченском языке без акцента. Его осудили за участие в незаконном бандформировании и убийство местного милиционера. По его словам, после того как он своими глазами увидел, как федералы убивали мирных жителей и вспарывали животы беременным женщинам, он принял ислам и ушел воевать на сторону чеченцев...

С нижнего карантина переводят Мишу и Аслана. Мне становится веселее, у меня появляется хороший собеседник. Время летит быстро. Маршировки, проверки и дежурства, завтрак, обед и ужин съедают дни без остатка. Утренняя и вечерняя проверка. Строимся на плацу и ждем представителя администрации. Он приходит с пачкой карточек. Одна карточка — один осужденный. На каждого ээка заводится учетная карточка с персональными данными. Проверяющий выкрикивает твою фамилию, а ты в ответ должен прокричать свое имя и отчество, назвать статью, время начала и окончания срока.

Каждый день дневальный назначает дежурных по отряду. Надо убраться в барак, подмести и вымыть полы. А потом — накрыть столы до прихода отряда. Дело это нервное и очень ответственное. Мы заранее распределяем роли. Один бежит за хлебом, другой несет бачки с первым, третий раскладывает баланду по тарелкам. Не успеешь — останешься голодным сам. Я попадаю в дежурные с одним старым ээком. Мы разговорились. Андрей Зуев, на год старше меня, сидит двадцать восемь лет. Первый раз сел по малолетке, в пятнадцать, а потом понеслось. На свободе пробыл всего полгода. Последний срок — двадцать три года, из которых десять лет он отсидел в крытой тюрьме на особом режиме. Из родственников никого не осталось. Умер брат, умерли родители. У него никого и ничего нет. Я отдаю ему оставшиеся сигареты и угощаю чаем. Неоднократно попадая на совместные дежурства, мне придется с ним мыть полы карантина еще не раз. Мы сработались, быстро выполняя требуемое и умудряясь выкраивать минуты для отдыха.

Маршировки продолжаются в любую погоду. В субботу и воскресенье в помещении воспитательной работы проводится просмотр фильмов. Репертуар подбирают дневальные. Удобно расположившись в первом ряду, они попивают чай. Комната забивается ээками до отказа, все сидят друг на друге. Душно. Для меня это настоящая пытка, которой я бы с радостью предпочел маршировки. Но альтернативы нет. Я полностью посмотрел «Кошмар на улице вязов», «Бензопилу-1», «Бензопилу-2». Популярностью пользовались боевики и фильмы ужасов. Маньки, убийцы, грабители... Если я краем уха слышал, что кто-то из дневальных нашел офигенный фильм, то сразу понимал — меня ждут очередные мучения.

Я очень устаю. Порой за целый день ни разу не удастся присесть. К вечеру, не чувствуя под собой ног, я ложусь на свою кровать. После подъема моей первой мыслью является мысль об отбое. Вымотанный, я мгновенно засыпаю. Но спится мне плохо. По ночам я часто

просыпаюсь и бреду в туалет. Там опять очередь. Ночной дневальный ведет специальную тетрадочку, где фиксирует точное время твоего визита. Пускают строго по одному. «Это какой-то дурной сон», — в очередной раз думаю я. Глотнув свежего воздуха в туалете, возвращаюсь в спальное помещение, куда невозможно зайти. Ужасный запах стоит стеной. Я делаю над собой усилие, задерживаю дыхание, шагаю. Добравшись до шконки, пытаюсь заснуть. Вспоминается какой-то фантастический фильм, где под предлогом защиты от космического излучения на Земле построили огромную сферу, в которой не хватает кислорода. Торговля воздухом, которого вне сферы в избытке, превращается в хороший бизнес. Уверен, что будь у тюремщиков такая возможность, они, чтобы контролировать каждый вдох и выдох осужденных, с радостью создали бы нечто подобное.

Задыхаясь в удушливой — в прямом и переносном смысле — атмосфере карантина, я записываюсь на прием к начальнику колонии. Он в отпуске, и меня принимает его заместитель по воспитательной работе. Запойный алкоголик, подполковник занимает кабинет, по размерам превышающий наше спальное помещение, куда вмещается человек сорок эков. Выслушав мои жалобы и просьбы, он не решает ровным счетом ничего. Человек с непонятными функциями, он — пустое место. От него нет ни пользы, ни вреда. Не приди он на работу — никто не заметит его отсутствия. А сколько здесь, в этой системе, таких дармоедов, с надуманными функциями и полномочиями?! На мой взгляд, людей в погонах вообще нельзя подпускать к осужденным. Доверить им можно только охрану периметра колонии, чтобы эки не разбежались, и охрану гражданских лиц, работающих с эками, — учителей, психологов и воспитателей.

Замполит сообщает, что вопрос моего перевода в другой отряд может решить только начальник колонии лично. Я разочарованно возвращаюсь в карантин. Вижу взволнованного Мишу К., он сегодня дежурный. «Иваныч, — обращается он ко мне, — боюсь, не выдержу, убью этого молокососа!» Речь идет о дневальном — маршировщике Виталии. Последний откровенно провоцирует Мишу, придираясь ко всему: «Здесь плохо помыли, здесь не подмели. Зеркало плохо протерли, плохо кровать заправили». Ему очень нравится Мишу доводить. Представьте, каково ему, взрослому человеку, отцу двоих детей, с высшим образованием и к тому же воевавшему, слушать все это от молодого человека! «Все, не могу больше», — говорит мне Миша и срывается с места. «Сейчас тумбочку ему на голову надену», — на ходу добавляет он. Ни секунды не сомневаясь в серьезности его намерений, я бросаюсь на перехват и успеваю его остановить. Мише не составило бы труда осуществить задуманное. Мысль о том, что я спас жизнь (или по крайней мере здоровье) мерзавцу-скинхеду, меня расстраивает. Но я рад, что избавил Мишу от дополнительного срока и проблем.

На утренней проверке Кирилл нам торжественно сообщает: «Сегодня маршировки отменяются! К нам приезжает комиссия правозащитников! Если вдруг кто спросит о маршировках, то говорите: мол, не знаем, что это такое!» — строго наказывает он.

Группа гражданских в сопровождении людей в форме не спеша идет по аллее в сторону нашего барака. Кругом чистота и порядок. Растут березки, видны бордюрики, выкрашенные мелом. Зеленеют газончики. Церковь радует глаз. Тишина и порядок. С первого взгляда можно подумать, что попал в пионерский лагерь. Но знайте, чем красивее зона кажется

снаружи, тем хуже живется зэкам внутри. Грязь, бардак и разруха — спутники относительного душевного спокойствия осужденных. Комиссия заходит в расположение отряда. С ними человек с камерой — с телевидения из города Владимира. Для него уже готов сюжет: и сценарий написан, и актеры подобраны. Снимают туалет, умывальник и комнату для приема пищи. Специально отобранные зэки, раздетые по пояс, счастливо плескаются у белоснежных раковин. Умилительный сюжет покажут по первому каналу владимирского телевидения. Сотни тысяч людей узнают, как счастливо живут заключенные в местах лишения свободы.

По иронии судьбы на следующий день к нам прибывает еще одна комиссия. В колонии проводится семинар по обмену опытом тюремщиков. Со всей России съехались в Мелехово сотрудники колоний. Здесь проходит общероссийский слет заместителей начальников колоний по безопасности и оперативной работе (зампоборов).

На утренней проверке Кирилл сообщает: «Мужики! Сегодня нужно постараться! Хорошо пройдет — вечером отменим маршировку!»

В строй становятся все, барак остается пустым.

«Ша-агом ма-арш», — раздается команда Виталия.

Мы вняли просьбе завхоза и, изо всех сил топая ногами, двинулись в сторону штаба.

На аллее толпа людей в форме. От майора до полковника. Некоторые с фотоаппаратами, снимают местные пейзажи. Наш зампобор в чине подполковника что-то рассказывает гостям. Чеканя шаг, мы приближаемся к толпе.

«Здравствуйте, граждане осужденные!» — громко обращается к нам подполковник.

«Здравия желаем, гражданин начальник!» — орет мы. Колонна останавливается. По команде «Направо» мы поворачиваемся лицом к участникам слета. Нас снимают на камеру и фотографируют. Я слышу каверзный вопрос одного из гостей, обращенный ко всем:

«А бывшие блатные среди вас есть?» — спрашивает он.

«Конечно, есть!» — отвечает наш зампобор.

Из строя выходят сразу два человека. «Осужденный такой-то, бывший смотрящий за тюрьмой», — представляется первый.

«Бывший смотрящий за зоной», — представляется второй.

«Ну и как у вас складываются отношения с администрацией?» — не унимается гость.

«Отношения с администрацией у нас складываются хорошо, — отвечает один из них. — Мы всегда находим общий язык».

На сегодня спектакль окончен. Все довольны. Честь мундира спасена. Мы возвращаемся в отряд за заслуженной наградой. Вместо маршировки нам показывают какой-то очередной фильм ужасов. На мою просьбу посмотреть по телевизору новости на меня смотрят как на сумасшедшего...

А бывшие блатные прекрасно уживаются с дневальными. Они вместе кушают, смотрят телевизор и беззаботно играют в футбол...

Глава 18

Униженные и оскорбленные

В отряде живет гонимый всеми угловой Артем. Московский парень двадцати трех лет от роду. Жизнь его складывается очень непросто. Он гей. Сидит во второй раз за кражу. На свободе работал в ночном клубе и, обокрав своего клиента, попал в тюрьму. Артем ВИЧ-инфицированный. Сначала его распределяют в специальный, шестой отряд, где содержатся только инфицированные. Отношения с окружающими у него не очень-то складываются. На него возложена обязанность убирать туалет, а кроме того, он становится объектом сексуальных утех озабоченных эзков и регулярно подвергается насилию. После попытки повеситься Артемку переводят в карантин.

Нельзя сказать, что его жизнь здесь значительно улучшилась. Артем с утра до ночи моет туалет и выносит на помойку использованную туалетную бумагу. В перерывах между этими занятиями он стирает личные вещи дневальных — полотенца, майки, трусы, носки. В перерывах между этими перерывами его регулярно бьют дневальные. Ссадины и синяки не сходят с его лица. А по ночам местные царьки карантина заставляют Артема вспоминать вольную жизнь, используя его для плотских утех. Артем не выдерживает, вскрывает себе вены и... опять попадает в шестой отряд для ВИЧ-инфицированных.

Позже, находясь в другом отряде, я услышу следующую историю об Артеме. Один полублатной эзк, цыган по прозвищу Будулай, начал приставать к Артему. Цыган просил его сделать то, что Артему было несвойственно. Цыган настаивал, чтобы Артем в известном процессе играл активную роль. «Не могу! — отчаянно сопротивлялся Артем. — Если меня, то пожалуйста! А сам я ну никак не смогу». Цыган не отставал. Артем пожаловался на ловеласа местным блатным. «Да ты что, гадина, на мужика наговариваешь?!» — не поверили те Артему. Но, уступив его настойчивости, все-таки решили проверить цыгана.

«Назначай свидание! — сказали блатные. — Мы будем рядом, в засаде. Если что — прикроем».

Наступила ночь, и наша парочка, стараясь не привлекать ничьего внимания, пробирается на место свидания — в помещение воспитательной работы. Не знал Будулай, что ждет его там засада. В самый ответственный момент включается свет, и изумленным взорам эзков предстает обнаженный Будулай, находящийся в недвусмысленном положении. Он не растерялся и выпрыгнул в окно второго этажа, пробив стекла. Непостижимым образом за считанные секунды он сумел преодолеть высоченную ограду локального сектора, снабженную специальными барабанами — вертушками с колючей проволокой. Захочешь перелезть, возьмешься за реечку, подтянешься, а барабан крутится вниз. А ты остаешься на месте, как белка в колесе.

Гольый цыган с криками «Спасите, помогите, убивают!» залетел в расположенную на аллее будку секторов — помещение, где находятся сотрудники колонии, следящие за передвижением эзков. Ни один осужденный не выйдет из локального сектора без ведома

дежурного милиционера. Этой ночью цыган ворвался в их сон. Цыгана спасли, предоставив ему убежище в карантине.

Глава 19

Шопинг

С каждым днем становится все холоднее и холоднее, наступает осень. Нам выдают тоненькие телогреечки все с той же белой полосочкой. Телогрейка не спасает от холода, и я жду спасительную посылку из дома с теплыми вещами. Внезапно в моем пребывании в карантине обнаруживается большой плюс. Появляется возможность звонить по телефону-автомату. Пишешь на имя начальника колонии заявление: «Прошу разрешить телефонные переговоры с таким-то, проживающим по такому-то адресу. Телефон такой-то. Продолжительность разговора не более пятнадцати минут». Завхоз карантина подписывает заявление у начальника отряда, тот у начальника колонии, и в сопровождении дневального тебя ведут к телефону-автомату. Все бы было хорошо, но для звонков этих требовались телефонные карточки с пин-кодом. Карточки можно было купить в ларьке раз в месяц.

Ларек — важное место в жизни каждого ээка. Потратить можно не более двух тысяч рублей в месяц. В ларек ходят далеко не все осужденные, так как деньги есть не у всех. Завхоз выясняет, кому из карантина можно идти в ларек. Идут дневальные, так как они все получают зарплату. Не много, но по тюремным меркам достаточно. Мужикам на промзоне за эти деньги вкалывать приходится до седьмого пота. Я тоже вхожу в число счастливицков. Пока я сидел в СИЗО, мне многие знакомые переводили деньги, и у меня накопилась изрядная сумма — семьдесят тысяч рублей. Для города Владимира, особенно для ээков, это бешеные деньги. Знает начальник отряда — знает завхоз, знает завхоз — знают дневальные. Известие, что у меня на счете лежит такая сумма, становится новостью дня и предметом бурных обсуждений. До меня доносятся приглушенные разговоры и комментарии: «А еще говорит, что не воровал!» Эту историю про себя я еще услышу не раз. Она разрастется, исказится и обрстет вымыслами. «Говорят, что у тебя на счете в колонии миллион лежит», — доверительно говорят мне ээки.

Шакалом скачет около меня Назар, не в первый раз выпытывая: «А какая у тебя была зарплата?» На меня со всех сторон сыплются просьбы что-нибудь купить. У многих нет мыла, зубной пасты и других элементарных вещей. Мы выдвигаемся в ларек. Заходим в небольшой магазинчик с прилавком и полками, заставленными товарами. Консервы, чай, сигареты, конфеты, зефир, зубная паста — далеко не полный перечень товаров. В магазине работают две продавщицы и заведующий, которого осужденные ласково-заискивающе называют Палыч. В прошлом тюремщик, уйдя на пенсию, он решает продолжить работу с осужденными и устраивается на работу в ларек. Сын его, подполковник, работает здесь же — заместителем начальника колонии по безопасности и оперативной работе.

Несмотря на завышенные цены, отличающиеся от тех, что на свободе, раза в полтора, весь товар пользуется спросом и расходуется на ура. Выбора нет. Хочешь — бери, не хочешь — уходи. Палыч может многое. Он может отложить особо дефицитный товар, может разрешить отовариться на большую сумму. Дождавшись своей очереди, первым делом ты попадаешь к Палычу. Он смотрит, сколько у тебя есть денег на лицевом счете, и спрашивает

сумму, на которую ты будешь набирать продукты. Мне этот Палыч не понравился сразу. Я ему тоже. Увидев у меня в карточке семьдесят тысяч, сурово спросил: «На сколько будешь отовариваться?»

Вспомнив о всевозможных просьбах, я как ни в чем не бывало говорю: «На десять тысяч».

«Ааааа», — он открыл рот, захрипел, силясь что-то сказать, и выпучил глаза. Я думал, что у него случился инсульт или нервный припадок. «Чтооо? Нет!» — кричит он.

«А насколько можно отовариваться?» — интересуюсь я.

«На две тысячи», — прохрипел Палыч, списывая у меня со счета деньги и выдавая квиток.

Я продвигаюсь вдоль прилавка к продавщицам и покупаю телефонные карточки, а на оставшиеся деньги набираю всякой всячины — сигарет, чая, конфет, печенья.

Мы возвращаемся в отряд. Купленные два блока сигарет и несколько пачек чая я отдаю Зуеву, своему партнеру по дежурствам и мытью полов. Мне очень хочется сладкого. Печенье и конфеты уничтожаются сразу. Другого шанса не будет. Я угощаю всех своих приятелей — Аслана, Мишу и Андрея Зуева.

«Теперь остается договориться с дневальными, чтобы вывели на звонок», — в предвкушении разговора с близкими мечтаю я, любовно перебирая в руках телефонные карточки.

Довольные и умиротворенные, мы стоим в локальном секторе карантина. Через сорок минут нас ожидает маршировка, и мы коротаем время за разговорами. Рядом курилка. Курят одновременно только по три человека, и мы слышим, как мужики делят очередь. В нескольких метрах от нас, в самодельном спортгородке, занимаются дневальные. Турник, брусья, штанга. Дневальным нужно иметь устрашающий вид, поэтому качаются они много и часто. Вверх и вниз носится шнырь — обычный ээк, добровольно согласившийся за чай и сигареты прислуживать завхозу: готовить чай, мыть посуду. Меня всегда поражало маниакальное стремление выдвинувшихся на какие-то должности осужденных иметь собственных слуг — или, как они иногда их называют, помощников. Из каптерки, где хранились баулы и жил завхоз карантина со своим подручным, только и слышалось: «Юра, чаю...» И летит бедный Юра с чашками наперевес, чтобы убажить пирующих здесь завхоза, дневальных, бывших блатных и одного сотрудника колонии, регулярно заходящего на огонек.

«Переверзин! — выкрикивает мою фамилию стоящий на посту сдиповец Круглый. — Наверх, к завхозу!»

Меня вызывает к себе новый завхоз карантина Саша. Ему не дают покоя деньги на моем лицевом счете. Разговор начинается издалека.

«Понимаешь, мы здесь все ремонтируем на свои деньги, — сетует он. — Мусорá с нас требуют отремонтировать то одно, то другое. Вот дверь сломалась, кран в умывальнике надо починить».

Я хорошо понимаю, о чем идет речь. «Заплатишь раз — покажешь слабость, начнут тянуть из тебя деньги, — рассуждаю я. — Впереди еще восемь лет срока, которые надо прожить. И, к моему сожалению, у меня нет в наличии никаких награбленных миллиардов».

«Зачем мне чинить то, чем я не пользуюсь?» — спрашиваю я. А потом выдаю все, что накопилось: «В туалет не зайти, к умывальнику не подойти, на кровать не присесть, чаю не испить! Да гори он синим пламенем, ваш распрекрасный карантин вместе с вашими дневальными! Жду не дождусь, когда меня отсюда переведут, считаю дни!»

В результате нашей продолжительной и недружеской беседы я пишу заявление на имя начальника колонии следующего содержания: «Прошу списать с моего лицевого счета пять тысяч рублей на ремонт отряда». Взамен я получаю неслыханные льготы и привилегии — могу заходить в барак когда захочу, без ограничений рыться в своих вещах, пить чай, умываться, ходить в туалет по мере надобности. Не в пример мне, Саша остается не очень доволен результатами нашего разговора, но все же, видимо, думает, что с паршивой овцы хоть шерсти клок... В данном случае паршивая овца — это я. Мне открыта дорога к телефону-автомату, чем я сразу и пользуюсь.

Слышу голос жены, голос друга.

«Володя, Володенька, ты как там, родной?» — звучат голоса из другого мира, другого измерения. Близким не понять, не охватить умом происходящее здесь.

«Все хорошо, все в порядке, не волнуйтесь за меня», — успокаиваю я своих родных. Прошу прислать мне посылку и диктую список нужных вещей: шерстяные носки, стельки, шарф, теплое белье, черные перчатки. Прислать можно двадцать килограммов. Приближаясь к этой черте, продолжаю диктовать: чай, шоколад, сыр... У меня начинает выделяться слюна и урчать в животе.

«Нам дали дни на свидание, — радостно сообщаю я. — Приедешь? Привезешь Дениса?»

Я безумно соскучился по своему сыну, которого не обнимал уже три года!

«Да, приедем, конечно! Когда?»

Я называю даты, когда можно приехать, и жду свидания с женой...

* * *

Находясь в местах лишения свободы, ты все время чего-то ждешь. Ждешь не только освобождения, а чего-то более близкого и реального, того, до чего можно дотянуться рукой. Ждешь посылки или передачи, ждешь очередного свидания. Твоя жизнь разбивается на мелкие отрезки, складывающиеся в чудовищный срок. Но эти отрезки приближают тебя к освобождению и помогают пережить срок, отщипывая от него кусочек за кусочком.

Глава 20

Знакомство с тюремной медициной

Становится очень холодно. Гололед. Чтобы не падать, мы переходим на специальный, зимний строевой шаг. Выданные телогрейки уже не спасают. Люди начинают болеть. При такой скученности, отсутствии витаминов и хорошего питания любая зараза распространяется мгновенно. Один чихнул или кашлянул — и заболел весь барак. Болеть нельзя. Как сказал один дневальный: «В санчасть ходить нельзя! Туда могут отнести только на носилках!»

«Да и вряд ли там чем-то смогут помочь!» — думаю я, вспоминая свой первый и пока единственный визит в санчасть.

На следующий день после прибытия в колонию Назар повел нас в санчасть на медосмотр. Выстроившись в коридоре в шеренгу, мы ждем своей очереди. За открытой дверью за столом сидит человек в белом халате. Рядом на стуле — Назар. Надо зайти и представиться, назвать фамилию, статью, начало и конец срока. Валера, ехавший со мной в столыпине и помогавший мне переносить сумки, входил и выходил пять раз. «Пошел вон!» — слышу вопль этого «доктора» и вижу выпрыгивающего из кабинета Валеру.

«Следующий!» — кричит Назар.

«Ничего себе обстановочка», — шокированный происходящим, думаю я. Моя очередь. Я захожу в кабинет и представляюсь. Мне не пришлось входить и выходить несколько раз. Я представился по форме, не упустив ничего. Валера, как выяснилось, забывал то статью назвать, то срок, чем и разгневал доктора. У него очень важная работа. Не заметить синяков и ссадин на избитых при приеме этапа осужденных, признать больного здоровым — неотъемлемая часть его нелегких обязанностей. Я даю ему прозвище Доктор Зло.

Безучастно посмотрев на меня и бегло проглядев мою медицинскую карту, он отпускает меня: «Свободен».

Я с облегчением выхожу из кабинета. Мне не хотелось говорить о своих болячках при дневальном. Теперь я понял, что делать это все равно было бы бесполезно.

«В санчасть я больше ни ногой», — решил я тогда.

* * *

Однажды я чувствую, что начинаю заболеть. Простуда или грипп. Меня мучает сильный кашель. Знобит, чувствую слабость. Мне бы отлежаться и отоспаться, но здесь это остается несбыточной мечтой... Вместо лечения — три маршировки в день. Я считаю дни до длительного свидания, надеясь там отлежаться. Во время телефонного разговора прошу жену привезти мне лекарства.

Глава 21

Длительное свидание

Наступает день долгожданного свидания. После утренней маршировки и проверки вездесущий Назар ведет меня в комнату длительных свиданий, где меня передают на руки надзирателю. После обыска я переодеваюсь в спортивный костюм и поднимаюсь в комнату.

Длинный коридор с общим душем и туалетом упирается в кухню, где можно готовить. В коридоре общий холодильник, забитый продуктами, привезенными родственниками. Одиннадцать двух- и трехместных комнат на всю зону, где сидит около двух тысяч человек! Дней и комнат на всех не хватает, и осужденные терпеливо ждут, когда наступит право на длительное свидание в соответствии с Уголовно-исполнительным кодексом, а потом ждут своей очереди, чтобы этим правом воспользоваться. Дневальные, СДИП и прочие суки идут вне очереди.

Я захожу в маленькую комнату и вижу своих родных. У меня кружится голова. Все происходит как во сне. Вижу жену и сына, выросшего и отвыкшего от меня за эти за три года. Ребенок стесняется и, не зная, как себя вести, неловко обнимает меня. Я с трудом сдерживаю слезы. Я не хочу, чтобы они знали, как мне здесь плохо, не хочу их расстраивать, пытаюсь улыбаться и шутить. В комнате стоят железные кровати, на которые для удобства родственников предусмотрительно положены деревянные щиты. Матрас, одеяло, подушки. Мы застилаем кровати привезенным женой постельным бельем и разбираем сумки. Я смотрю на продукты, о которых и не мечтал, вкус которых совершенно забыл. На свидание можно привозить все — кроме алкоголя и наркотиков. Сырое мясо, картошку, все без ограничений. Мне совсем не хочется есть, я принимаю лекарства, пью чай, ложусь на кровать и проваливаюсь в сон. Проснувшись, я быстро прихожу в себя. Мы сидим, пьем чай и разговариваем. Я иду в грязный душ, где тщательно моюсь и перестирываю все свои вещи. Несколько дней вне стен карантина — редкая возможность отдышаться и набраться сил. Мой сын ни на минуту не отходит от меня, с детской искренностью и непосредственностью целует меня и обнимает. Он напрягается изо всех сил, пытаясь сдержать набежавшие слезы...

Два дня пролетают как один миг. Приближается час расставания. Это очень больно. У меня была мысль вообще отказаться от длительных свиданий, чтобы не испытывать эту боль вновь и вновь. За несколько дней общения с родственниками ты забываешь о том, где находишься, что тебя ждет там. В момент прощания ты вспоминаешь все. Расставаться не хочется, но надо идти.

Денис не выдерживает и начинает плакать. Он не хочет уезжать и, пытаясь сформулировать свои чувства, приобнимает меня и произносит: «Папа, мне без тебя скучно». От этих слов у меня будто сердце останавливается. Надо идти. Мы прощаемся. Меня ждет маршрутка, Дениса — школа, жену — работа. Я ухожу. Опять обыск. Меня тщательно досматривают и отпускают в отряд.

* * *

Уклад жизни в каждой колонии определяется не законом, а степенью самодурства начальника и его окружения. Рамки закона не только позволяют, но и обязывают администрацию сделать жизнь зека вполне сносной. Но закрытость системы, отсутствие реального, а не бутафорского контроля со стороны общественности, круговая порука порождают вседозволенность и безнаказанность. В результате все упирается в личностный фактор. За годы заточения мне довелось бывать во вполне пристойных комнатах свиданий. Но там не пропускали лекарства и не давали звонить. В колонии

строгого режима в Мелехово можно было спокойно оформить подписку на журналы или получать их в посылках и передачах. Но в той же Владимирской области, в колонии общего режима в городе Покров, работница комнаты свиданий, люто ненавидимая всеми осужденными, билась в истерике и вырывала картинки из полученного мною в посылке журнала «Men's Health». В том же Покрове строго-настрого запрещалось передавать любимый мною мед, который в Мелехово спокойно пропускали в неограниченных количествах.

Глава 22

Назад в будущее

Поднабравшийся сил, одухотворенный, но грустный я возвращаюсь в отряд, где меня ждут бесчисленные маршировки, уборки и другие не самые приятные дела. Пошел уже четвертый месяц моей жизни здесь — точнее сказать, существования. Я узнаю, что из отпуска вернулся начальник колонии — полковник А. В. Новиков. Написав несколько заявлений с просьбой принять меня по личному вопросу, я жду своего часа. Наконец, после нескольких недель ожидания, меня ведут к нему на встречу. Для таких встреч у него имеется специальный кабинет, неплохо отремонтированный (очевидно, на деньги заключенных). У него есть еще два кабинета. Один — в штабе на территории колонии, другой — за зоной. Полковник не без оснований ощущает себя здесь полноправным хозяином. Барство чувствуется во всем. Вальяжная походка, презрительный взгляд. В руках он вертит мое заявление и с любопытством смотрит на меня. Представляю: «Осужденный Переверзин Владимир Иванович, 1966 года рождения, статья 160 часть 4, 174.1 часть 4...»

Не дослушав, он прерывает меня и жестом предлагает сесть на стул.

«Гражданин начальник! — обращаюсь я к нему. — Я уже скоро как четыре месяца в карантине! Нельзя ли меня перевести в другой отряд?»

Полковник знаком с моим делом. В некоторой растерянности он задает мне странный вопрос:

«А вы вообще как сюда попали?»

А потом продолжает задумчиво: «И никто не звонил по поводу вас...»

Теперь я понимаю, почему меня так долго держат в карантине. Они ждут указаний из Москвы.

«А вам никто и не позвонит! — уверенно отвечаю я. — Для Генеральной прокуратуры мы отработанный материал. Взять с нас нечего, следователи получили все что хотели, состряпав обвинительный приговор».

* * *

Обо мне забудут на несколько лет: до тех самых пор, пока я не дам согласие выступить свидетелем защиты на втором процессе Ходорковского. До этого времени мы

были отданы на откуп местному начальству, которому выполнение задач, не поставленных конкретно перед ними, представлялось по-разному.

* * *

«Вдруг из Москвы позвонят и спросят, а что у вас Переверзин делает?» — очевидно, думалось в тот момент начальству нашей колонии.

«Никаких теплых местечек! Школа, библиотека — никогда и ни за что! Вот грузить, таскать, шить — другое дело. Только физический труд и никаких поблажек!» Так оно и будет длиться все три года здесь, и стану настоящим рабом на галерах. Люди, если вам кто-то другой скажет, что он раб на галерах, не верьте ему! Он самозванец! Настоящий раб — это я!

Своим каторжным трудом я заработаю несколько поощрений и хорошую характеристику. Как мне станет известно впоследствии, мой «подельник» Малаховский, отбывающий наказание в другой области, жил в более приемлемых условиях, но не получил ни одного поощрения. В разных областях местные князьки выслуживались по-разному.

После беседы с начальником колонии я возвращаюсь в карантин несколько обнадеженным, надеясь, что меня скоро переведут в другой отряд. С нетерпением жду следующего распределения. Во вторник из карантина переводят Зуева и Мишу К. Их распределяют в третий, самый режимный отряд, где содержат осужденных на большие сроки, лиц, склонных к побегу, и всевозможных нарушителей, переведенных сюда в наказание за различные проступки. Мне становится грустно и одиноко.

Моя грусть уходит после посещения библиотеки, где оформляется годовая подписка на периодические издания. За обещание подписаться на обожаемый Назаром журнал «Футбол» меня выводят в библиотеку. Пролистывая каталоги «Почты России» и «Роспечати», я получаю огромное удовольствие и с радостью подписываюсь на огромное количество газет и журналов. «Коммерсантъ», «Ведомости», «Российская газета», «Профиль», «Эксперт», «Компания», «Секрет фирмы», «Московский комсомолец», «Forbs», «Maxim», «Men's Health», кроссворды — далеко не полный список выбранных мной изданий. Сумма, списанная с моего лицевого счета за оформленную подписку, потрясет воображение окружающих и еще более укрепит их уверенность в том, что я «наворовал миллиарды».

Выходя из здания библиотеки, я вижу огромный плакат, который учит, как бороться со стрессами. Я читаю: «...особенно помогают массаж и водные процедуры».

«Ага, особенно резиновыми дубинками по спине! Плюс одна лейка в душе на пять человек — все это надежно избавит вас от стрессов!» — добавляю я про себя и задумываюсь о том, какой идиот это понаписал. Подобными лозунгами увешана вся аллея. Во время маршей я успеваю читать только заголовки на стендах. Один особо мне запомнится. «В чем смысл жизни?» — вопрошает он...

* * *

Подходит к концу очередной день, после ужина я гуляю во дворике карантина. Это самое приятное время. В ожидании команды «готовиться к отбою» я вспоминаю события последних дней. Рядом гуляет зэк лет пятидесяти. Он с сожалением говорит мне, что сидит третий раз за одно и то же.

«Это как же такое возможно?» — недоумеваю я.

«А вот так!» — говорит он и рассказывает свою печальную историю. В их деревне имеется один-единственный магазин, который Николай честно ограбил в первый раз. Местному участковому не составляет особого труда отыскать в маленьком поселке грабителя. Николай получает первый срок. Освободился, напился и... опять в этот злосчастный магазин. И опять срок. Проходит три года. Николай возвращается в родную деревню. Хозяин магазина гостеприимно встречает Колю и щедро его угощает. Со словами «только не грабь, Коля, магазин, я тебе и так всего дам» он снабжает его водкой, колбасой и другими яствами. Довольный Коля уходит пировать. Через некоторое время во время трапезы его неожиданно осеняет: «А ведь жизнь-то сломана и загублена из-за этого проклятого магазина». Он, недолго думая, хватается за нож и бегом в магазин...

Рядом с нами стоит молодой парень, в задумчивости смотрит на небо и неожиданно обращается ко мне со словами: «А что такое звезды? Камни или костры какие?» — продолжает он.

Я застыл, мне не хочется смеяться, становится очень грустно. «Боже, куда я попал?» — думаю я и смотрю в звездное небо. Это был мой последний вечер в адаптационном отряде.

Глава 23

Доблестный третий отряд

На следующий день после маршировки я с радостью слышу свою фамилию среди тех счастливиц, которых вызывают на распределение в штаб. В огромном кабинете замполита за столами сидят люди в форме — члены комиссии. Здесь собралась местная элита: хозяин (начальник колонии), оперативники, режимники, начальник производства. Напротив, на скамеечках, рассаживаемся мы, осужденные. Надо встать, представиться, назвать свою профессию. Первым идет Сережа К., осужденный за убийство. Он бодро представляется и называет свою профессию: «Боец рогатого скота». Он не шутит. Все так и есть. Сергей работал на скотобойне. Выпил и убил человека. Ну увлекся, перепутал спьяну... Его не могут трудоустроить по специальности и распределяют в первый отряд разнорабочим. Наступает мой черед. На столе я вижу свое потрепанное личное дело в трех томах. Из-за своих размеров оно сразу бросается в глаза. Хозяин задумчиво листает страницы и смотрит на меня. Представившись, я называю экзотическую для здешних мест профессию — экономист.

«Ну... — мычит он, — мы можем предложить вам швейное производство, третий отряд».

Не имея особого выбора между маршировкой и швейным производством, я радостно соглашаюсь на последнее и возвращаюсь в карантин за вещами. Быстро собрав вещи и свернув матрас, я переезжаю. Идти недалеко, метров сто пятьдесят вверх по аллее. Я иду по досконально изученной мною за месяцы маршировок дороге — здесь мне знакома каждая

выщербленка, каждая ямка. Назар провожает меня в последний раз. Мы подходим к локальному сектору третьего отряда, где гуляют эки. Дворик выглядит как после бомбежки, повсюду ямы и выбоины. Торчат куски асфальта и бетона, положенного еще пленными немцами. В отдалении я вижу турник, брусья, скамейку. Из будки секторов выходит дежурный прапорщик и открывает локалку. Я попадаю в третий отряд. Меня встречает Зуй. Он помогает занести вещи в барак.

Огромное помещение, вмещающее более ста человек, плотно заставлено двухъярусными кроватями. Завхоз Коля Фомин, или Фома, бывший блатной. Разрисованный с ног до головы, с руками, закаченными вазелином (некоторые эки в кулаки вкачивают вазелин, что приводит к их чрезмерному увеличению и снижению болевого порога при ударе), он здесь рулит всеми процессами. Хорошую шконку надо заслужить или купить... Меня кладут на второй ярус, около входной двери, на самый сквозняк. Подо мной располагается добродушный толстый таджик, получивший свой срок за торговлю наркотиками. Я буду часто просыпаться по ночам от его движений. Всякий раз, когда он шевелится во сне или переворачивается, моя шконка ходит ходуном и раскачивается из стороны в сторону, как палуба корабля во время шторма. Иногда я еле успеваю схватиться руками за поручни, чтобы не свалиться за борт во время наката очередной волны. Порывы ветра, гуляющего в бараке, довершают сходство с природной стихией.

Одна тумбочка на двоих после карантина кажется огромным пространством и вмещает в себя кучу всякой всячины. Можно хранить кипятильник, кружку, ложку, книги, чай, что-то съестное. В общую раздевалку на вешалку я вешаю спортивный костюм и телогрейку, на полку для обуви кладу спасенные от дневальных карантина кроссовки. Баулы хранятся в каптерке, где проводит время завхоз Фома со своим подручным Фатуем. Доступ к баулам строго по расписанию, три раза в день. У каждого баула свое место. Очередь надо занимать заранее. Баулы, как и люди, тоже имеют свои привилегии. Одно дело, когда сумка хранится на нижней полке в первом ряду, и совсем другое, если ей придется жить на самом верху, куда добраться можно только по стремянке, предварительно вытащив несколько чужих сумок. Моим баулам повезло больше, чем мне.

Разобрав вещи, я сажусь с Зуевым пить чай. На шконке можно сидеть. В качестве импровизированного стола используется табуретка, где выкладывается нехитрая снедь — конфеты, печенье и чай. Я чувствую на себе любопытные взгляды осужденных. Для них я легенда, главный финансист ЮКОСа, миллиардер и партнер Ходорковского. Резко подняв глаза, я успеваю заметить десятки устремленных на меня взглядов. Я продолжаю пить чай и знакомиться с отрядом. Отряд режимный, постоянно снуют надзиратели. В отряде находится человек тридцать «склонных к побегу». Таким образом администрация ставит некоторых осужденных на профилактический учет и внимательно следит за ними. На их кроватях таблички и бирки на груди по диагонали наносится красная полоса. Для них — проверка каждые два часа. Ночью к каждому из них подходит сотрудник колонии, и, светя фонариком в лицо, удостоверяется в его наличии.

Народ здесь собрался серьезный и отчаянный. Я прогуливаюсь по проходу между шконками и рассматриваю прикроватные бирки. Читаю: двадцать четыре года, девятнадцать лет, двадцать три года. Это не возраст осужденных, а сроки. Сплошные убийства, разбои,

грабежи. Зуев окружает меня заботой и вниманием. Он сильно облегчает мне жизнь. Имея за плечами срок в двадцать три года за убийство и разбой, а в придачу — побег в прошлом, он автоматически становится лицом, склонным к побегу. В свои сорок пять лет, проведя из двадцати восьми отсиженных лет последние десять на особом режиме, он пользуется уважением окружающих. Он мне сам расскажет, как к нему подходили некоторые осужденные и с восторгом говорили: «Молодец, полосатик! Юкоса прикрутил!» Наша дружба не осталась без внимания и завхоза Фомы, который вызовет Зуя на дружескую беседу и предложит меня проложить, то есть подставить и развести. Мы не раз будем находить в моих вещах подброшенные заточки и другие запрещенные предметы. Опытный зэк, Зуев никогда не терял бдительности и внимательно следил за происходящим вокруг. То муху в тумбочку посадит, то волосок на дверцу приклеит — он всегда знал о происходящем вокруг. Завхоз со своими подручными уже давно поделили между собой мои деньги, и после моего отказа их спонсировать воспринимают это как личное оскорбление. Я живу в постоянном ожидании пакостей и провокаций...

Глава 24

Швейный цех

Мой первый рабочий день. Подъем, зарядка, завтрак и вывод на промзону. Нас выводят на малую промку, в швейные цеха, расположенные в жилой зоне колонии. Вход через шмон, выход тоже. Начальник цеха, майор, с учетом моего образования сразу предлагает мне на выбор несколько вариантов: стать уборщиком территории, обрезальщиком ниток с готовых изделий, вступить в секцию дисциплины и правопорядка (СДИП) и с повязкой на руке следить за мужиками, чтобы те курили в строго определенное время и в специально отведенных местах, или сесть за швейную машинку. Без колебаний я выбираю последний вариант. «А что, почему бы мне шить не научиться? — думаю я. — Хоть какая-то польза будет от времяпровождения в стенах колонии».

Я с энтузиазмом берусь за дело и иду на стажировку к осужденному из другого отряда. Многих я знаю по карантину, многие знают меня по слухам. Мой наставник интересуется: «А правда, что у тебя на лицевом счете миллион лежит? А правда, что тебя сам хозяин вызывал и просил эти деньги отослать обратно?» Я улыбаюсь и говорю, что это бред. Саша разочарованно и недоверчиво смотрит на меня. Он осужден за убийство. Москвич, когда-то занимался футболом и играл запасным в каком-то запасном составе «Спартака». Здесь он звезда. Швейную машинку я вижу первый раз в жизни и жадно ловлю каждое его движение. Он делится со мной секретами мастерства. Саша делает составную часть фуражки, пришивая околыш к стойке. У него план и норма выработки, и я сажусь за его машинку только во время перекуров. Быстро сориентировавшись, я прошу другого осужденного дать мне возможность учиться шить на его машинке. Он соглашается. Так, бегая от одной швейной машинке к другой, я постигаю секреты швейного дела.

В двенадцать — обед, в три — окончание работы. Открываются ворота, и после обыска мы строем идем по отрядам. В четыре часа — проверка, после которой наступает свободное время. Можно сидеть, читать, пить чай. Можно выйти в локалку и позаниматься спортом. Это я и начинаю делать. В голове одна мысль: «Не терять времени даром, каждую свободную

секунду, каждую минуту проводить с пользой для себя». К сожалению, свободного времени у меня немного, и в основном я вынужден заниматься бессмысленными делами.

После легкой разминки в спортгородке я пробиваюсь в разбитый умывальник с шестью кранами, где с удовольствием умываюсь по пояс.

Ужин, опять час свободного времени, отбой. День пролетает как одно мгновение.

Я плохо сплю и часто просыпаюсь. Каждое утро встаю и невыспавшийся, как зомби, повторяю все, что было вчера. День последующий похож на предыдущий как брат-близнец. Я не могу вспомнить, когда и что происходило. Исключение — суббота и воскресенье, когда промзона не работает. Я начинаю ждать выходных. Время идет быстрее.

Чтобы не толкаться в умывальнике после подъема, я встаю на полчаса раньше и иду умываться ледяной водой. Горячей воды в отряде нет. Когда все эски идут умываться, я заправляю кровать.

Я начинаю привыкать к жизни отряда. Мне нравится учиться шить, что не ускользает от внимания приглядывающей за мной администрации. Кому-то не нравится, что мне относительно хорошо. Меня переводят на другой участок. Теперь я упаковщик шапок. Шапки шьют в смежном цехе — на любой вкус, в огромных количествах. Мы заваливаем шапками заключенных и закидываем ими военных. Я едва успеваю обстригать нитки, причесывать железной щеткой и складывать шапки в сделанные мною коробки. Конвейер работает безостановочно. В воздухе витают облака пыли и синтепона, дышать нечем. Шапки мне начинают казаться живыми существами, они ползут на меня со всех сторон. Стоит мне только отойти на несколько минут в туалет, как я с ужасом обнаруживаю на рабочем столе целую гору шапок. Я не знаю ни минуты покоя, а тем более отдыха.

Новая работа приносит один плюс — смена пролетает мгновенно. За первый месяц своего ударного труда я зарабатываю семьсот рублей. Поинтересовавшись у бригадира нормами выработки и расценками, я быстро прихожу к выводу, что недоплаченные эским деньги администрация колонии банально присваивает себе, оформляя их в виде премий. В моей голове защелкали статьи Уголовного кодекса — мошенничество, использование рабского труда. «Господи, да их впору менять с нами местами!» — рассуждаю я. Но эти люди щедро и честно расплачиваются с осужденными «воздухом». Вместо денег эски получают поощрения и в основном остаются этим довольны.

* * *

12 декабря 2007 года. День Конституции в ИК ФКУ-6 традиционно встретили ее массовыми нарушениями — так бы я сказал о своем пребывании в колонии...

Глава 25

Будни

16 декабря 2007 года. Прошло ровно три года со дня моего ареста. Мне хочется побыть одному. Отработав смену на промке, я гуляю по локальному сектору. По аллее зловец марширует карантин, знакомые эски с завистью посматривают в мою сторону. Жуткое

зрелище, от которого у меня пробегают мурашки по коже. Я ловлю себя на мысли о том, что не прошло и недели, а мне уже не нравится в отряде. За плечами целых три отсиженных года, кажущихся вечностью, целая жизнь, полная боли и страданий. «Всего три года позади, а впереди еще восемь до конца срока, — неожиданно осознаю я. — Еще два раза по столько же и еще два года!» Я физически начинаю ощущать давление еще не отсиженных лет, которые кажутся мне вечностью. И иду в отряд пить с Зуевым крепчайший чифирь...

Пошел четвертый год моего заключения. После выполнения заказа нашу бригаду несколько дней не выводят на работу, и я остаюсь в отряде. В бараке спокойно и непривычно тихо. Основная масса осужденных на работе. Очень хочется спать, но это категорически запрещено. Лежать тоже нельзя — сразу получишь нарушение, которое припомнят при рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении. Несмотря на эти глупые и надуманные запреты, мне очень нравится оставаться в отряде. Я занимаюсь спортом, читаю книги. Впереди выходные, нас ждет баня, где удобно стирать свои вещи. Я прошу Зуева принести оставленную мною на промке одежду — теплые носки и подштанники. На обед мы идем одним строем, где Зуев передает мне мои вещи. После обеда мы останавливаемся у локального сектора нашего отряда. «Осужденный Переверзин, выйти из строя!» — говорит прапорщик и просит зайти в будку.

«Что у вас в карманах?» — спрашивает он.

«Мои личные вещи», — говорю я и достаю из карманов носки и подштанники.

«И все? Больше ничего нет?» — разочарованно тянет он.

«Все», — отвечаю я.

«На вас будет написан рапорт, а вещи вы получите у начальника отряда», — торжественно сообщает он мне. Удивленный тем, как быстро нас сдали, я иду к начальнику отряда, с которым еще не знаком. Майор Кузьмичев — странный человек. О таких людях я читал у Достоевского в «Записках из Мертвого дома»: он не мог пройти мимо осужденного, чтобы чего-нибудь не отобрать, не наказать или не сделать замечание.

Написав объяснительную, я стучусь и захожу к нему в кабинет. Представляюсь и прошу отдать мне вещи. Прочитав целую лекцию, он открывает сейф и царским жестом отдает мне грязные носки и подштанники. «Мы же должны были проверить, расследование провести, — говорит он мне. — А вдруг эти вещи были украдены у другого осужденного?» Пытаюсь понять, шутит он или говорит всерьез, и понимаю, что он говорит эту чушь на полном серьезе. Ошарашенный, я выхожу из кабинета.

На следующее утро, умываясь, я краешком глаза замечаю крадущегося в туалет начальника нашего отряда. Через секунду я услышу его победоносный вопль: «Ага, попался!»

Справедливости ради надо отметить, что туалет наш представлял собой совершенно убогое и печальное зрелище. Он вовсе не походил на заведение для справления естественных надобностей, а скорее напоминал подмостки разрушенного театра, где и разворачивалась эта комедия. На высоком постаменте было проделано восемь отверстий с вмонтированными

чашами «Генуя», как значилось в описи при входе в туалет. Так официально называются парашаи.

Я кидаюсь туда и вижу картину, которая меня потрясает. В ту минуту я пришел к окончательному убеждению, что в колонии работают неизлечимо больные люди. Пред моим взором предстал сидящий над чашей «Генуя» осужденный с сигаретой в зубах, мирно справляющий естественные надобности. Над ним коршуном вился майор Кузьмичев.

«Курение в неполюженном месте! Уже не в первый раз! — радостно кричал отрядник. — Теперь ты у меня в ШИЗО поедешь!»

И Виталий действительно в этот день уехал в ШИЗО — штрафной изолятор.

* * *

В колонии у каждого отряда свой день и час на помывку. Нам выпадает воскресенье. В назначенное время — после утренней проверки — у выхода из локального сектора собирается толпа. Мы ждем, пока дежурный прапорщик откроет дверцу и выпустит нас из клетки. В соседнем, локальном секторе шестнадцатого отряда, тоже в волнении толпятся эки. Они моются с нами в одно и то же время. Открывается дверь локалки, и мы организованной толпой, изображающей строй, бежим в сторону бани. Шестнадцатый отряд остается далеко позади. Впереди у нас еще одна преграда — стратегический объект под названием «банно-прачечный комплекс» надежно защищен высоченной решеткой с воротами, напоминающими ворота Зимнего дворца в Санкт Петербурге. Дневальный комплекса распахивает ворота и, чтобы не быть растоптаным толпой, отпрыгивает в сторону. Со свистом, криками и улюлюканьем толпа срывается с места. Толкаясь и обгоняя друг друга, эки бегут в душевую. Первые займут самые удобные места в тесной раздевалке, им удастся захватить пластмассовые тазики для стирки белья, и они первыми попадут в вожденный душ. Под одной лейкой скапливается три-четыре человека. Пока один намыливается, другой ополаскивается, а третий полощет в тазике белье. В клубах пара копошатся худые, изможденные, разрисованные тюремной символикой тела. От куполов и звезд рябит в глазах.

Аттракцион продолжается несколько часов. Мне удастся помыться и кое-как постирать в теплой воде свои вещи, после чего я возвращаюсь в отряд.

* * *

На промку поступает большой заказ на шапки, и мы выходим на работу. Опять начинаются рабочие будни.

Бок о бок со мной работает балагур и весельчак Юра С. Шутки льются из него бурным потоком, постоянно слышится задорный смех. Он занят ответственным делом — ставит на каждую шапку штамп «ОТК», проставляет размер и передает шапки мне. Руки заняты — языки свободны. Единственное развлечение эков — поболтать.

Юра ВИЧ-инфицированный, он ходит на промку зарабатывать УДО. Убежденный наркоман и серьезный бандит, приехал из города Волгограда на гастроли во Владимирскую область. Решили ограбить завод «Стекловолокно» и украсть оттуда ванну — восемьдесят килограммов чистой платины. Готовились долго и тщательно, предусмотрели все — даже знали, когда спит вахтерша, которая и нарушила их планы. Разоружив охрану, пробрались в проходную, но старая женщина, как назло, не спала, а смотрела по телевизору интересную передачу. Заметив незваных гостей, женщина нажала кнопку тревожной сигнализации и вызвала наряд милиции. Был настоящий бой. Юра оказался ранен, один из его сообщников — убит. В перестрелке погиб милиционер. Взяли всех. Юра получил тринадцать лет — он освободится по УДО. В Волгограде отбывает наказание его родной брат, осужденный по другому делу. В соседней колонии во Владимирской области сидит папа. Когда следователь с укором спросит его маму, кого она воспитала, та с гордостью ответит: «У меня самые лучшие на свете дети, и я самая счастливая мама на свете!»

«Счастливая мама» каждые три месяца берет отгул и самоотверженно объезжает все три колонии...

* * *

За разговорами быстро заканчивается смена, и мы возвращаемся в отряд. Я знакомлюсь с новыми людьми.

Рома К. из Мурманска осужден за разбойное нападение и двойное убийство. Ворвались в квартиру, связали хозяев. Взяв награбленное, удалились. Хозяев позже обнаружили убитыми. Рома утверждает, что не убивал, а их убил кто-то другой, позже заглянувший в эту квартиру.

Валера по прозвищу Винни. Добродушного вида увалень, осужден на двадцать три года за разбойное нападение и двойное убийство. Он остановил машину, в которой наркоторговцы перевозили собранную на точках выручку. Разговор был недолог. Два трупа и один раненый. К счастью для Винни, водитель выжил, иначе он бы получил пожизненный срок.

Рома Е. осужден на двадцать три года за двойное убийство. Окончил институт в Коврове, кандидат в мастера спорта по шахматам, работал крупье в казино. С другом по каким-то делам поехал в Нижний Новгород в гостиницу, зашел в номер к своим знакомым. На секунду отлучился в туалет, вышел — а в номере два трупа. И друг с молотком в руках, добивающий горничную, которая неосмотрительно прибежала на шум. Рома утверждает, что невиновен, что его подставили, чтобы завладеть изобретенной им схемой выигрыша в казино. Рома явно приставлен следить за мной — он не скрывает своей дружбы с оперативниками.

Каждый осужденный мечтает устроить свою личную жизнь. У некоторых эков она бурлит так, как на свободе многим и не снилось. Тысячи писем разлетаются из колоний в разные стороны — каждый надеется найти свою судьбу. И находят. Знакомятся по переписке, встречаются, завязывают отношения. Саша С. переписывался с несколькими женщинами одновременно, получая от них посылки. Николай К. осужден на двадцать три года за разбой

и двойное убийство. Сидеть ему еще четырнадцать лет! Он сумел устроить свою личную жизнь, расписался на зоне. Я специально ходил смотреть на эту самоотверженную женщину. Симпатичная интеллигентная русская женщина, учительница младших классов. Она добровольно взвалила на себя такой крест и несет его по жизни. Приезжает к Николаю на свидания, возит ему передачи. Была так счастлива, что поделилась счастьем с подругой, которую познакомила с другом Николая. Теперь на свидания они ездят вдвоем. Муж подруги осужден на долгий срок за убийство. Я не знаю, что связывает эти пары, что движет этими удивительными женщинами, и хочу лишь преклонить голову перед ними, ибо подвиг они совершают неизмеримый.

В отряде гнетущая атмосфера. Я вспоминаю слова санитаря из Матросской Тишины про ауру. Аура здесь очень плохая. За чашкой чифиря Зуев делится со мной своей болью и рассказывает о том, как получил последний срок. После освобождения он без приглашения пришел к мужу одноклассницы требовать долг. Тот ни в какую, схватил нож. Зуй отобрал нож и кинулся на своего должника. Удар и труп.

«Выбора не было, — оправдывается он передо мной. — Или я, или меня».

Связав одноклассницу, он подался в бега. Андрей не сожалеет о том, что не убил ее — она-то и сдала его милиции. Поступи он по-другому, его могли бы и не найти. По сравнению с другими осужденными за один труп ему дали чрезмерно много. Очень тактичный и вежливый, он становится моим сотоварищем. Рома Е. поделится со мной удивлением оперативников, которые с недоумением поинтересуются у него: «Что общего у Переверзина с этим неграмотным рецидивистом?» Этот неграмотный рецидивист был во сто крат честнее и порядочнее следователей и судей, засадивших меня сюда, и я ценил дружбу с ним. Все время, пока мы были вместе, он помогал мне выживать.

* * *

Я не забыл Андрея и ценю его дружбу и сейчас. Он отбывает наказание в колонии строгого режима в поселке Пакино Владимирской области, где я иногда его навещаю. Сидеть ему еще десять лет. Надеюсь, что мои посылки и передачи скрашивают его существование на зоне...

* * *

Мы часто общаемся с моим знакомым по карантину Мишей К., которому очень одиноко и тяжело. Он с трудом приспосабливается к обстановке и тяжело сходится с людьми, едва находит с ними общий язык. Когда он получает посылку или передачу, количество желающих пообщаться с ним резко возрастает, но оно уменьшается по мере исчезновения припасов. Прощедший войну, готовый поделиться с ближним последней рубашкой, он щедр и великодушен. Однажды взволнованный Миша подбегает ко мне и делится своей бедой:

«Иваныч! Представляешь, мне полосу повесили, как склонному к побегу!» И продолжает: «Вызывают в штаб опера и спрашивают: что, в побег хочешь уйти?»

Миша негодует от такой несправедливости и не понимает, о чем идет речь. Выясняется, что до оперативников дошла история, рассказанная им кому-то за чашкой чая во время разграбления его посылки. Большой знаток истории нуждался в слушателях. Без какой-либо задней мысли Миша рассказывал осужденным, открывшим от удивления рты, историю о герое Советского Союза, прославленном летчике Девятаеве. Попав в плен к фашистам, летчик сумел захватить вражеский самолет и сбежать из концлагеря.

История производит должное впечатление на всех, включая оперативников. Наличие Миши в отряде стали проверять каждые два часа круглые сутки.

Он тяжело болеет, очень нервничает и иногда срывается. Врачи над ним явно издеваются, прописывая азалеπτин, от которого он стоя засыпает. Запрет на сон и отдых на шконке для него пытка.

Я засыпаю на ходу без всякого азалеπτина. Спать я хочу всегда и везде. Но когда я добираюсь до шконки, я долго не могу уснуть. Ничего не меняет переезд на новое спальное место. Очевидно, по согласованию с оперотделом меня переселяют на нижнюю шконку, поближе к Роме Е. Так ему будет сподручнее наблюдать за мной. Я по-прежнему часто просыпаюсь ночами и вслушиваюсь в бормотание, вскрики, всхлипы и стоны окружающих. Сон многих осужденных отнюдь не безмятежен и, судя по крикам во сне, сопровождается кошмарами. Но некоторые спят спокойно и сладко. Мой сосед Рома относится к их числу.

Каждое утро, просыпаясь, эки здороваются за руку и желают друг другу доброго утра. Не понимая этой традиции, я категорически прошу окружающих доброго утра мне не желать. В моем понимании, доброго утра в этих стенах не может быть по определению. По крайней мере у меня. В минуты отчаяния, засыпая, я порой просил судьбу о том, чтобы не просыпаться...

* * *

Я начинаю адаптироваться и приспособливаться. Предновогодний визит в ларек приносит очередное разочарование. Имеющиеся на счете деньги надо умудриться потратить. После приобретения товаров по завышенным ценам, разрешенные две тысячи моментально испаряются. Я покупаю необходимые Зуеву сигареты, чай, сладкое, вафельный торт, который приберегу на Новый год. Оставшихся денег хватает на несколько банок консервов — рыба, шпроты, кукуруза, зеленый горошек. Здесь ассортимент не такой, как в московской тюрьме, но все же можно разгуляться. В следующий месяц у Зуева на счете появятся деньги, присланные моими друзьями и родственниками, и мы покинем убогий магазинчик с сумками, набитыми до отказа всякой всячиной.

Глава 26

Новый год

На новогодние праздники закрывается промка, и у меня появляется несколько выходных, которые я, как всегда, стараюсь проводить с пользой. Спорт и книги — вот мои настоящие друзья.

Размеренную жизнь омрачает череда предновогодних шмонов. Массовые обыски идут по всей зоне, не обходят они стороной и наш отряд. В одно прекрасное утро нас дружно выводят в клуб, а в барак заваливается толпа людей в военной форме. По возвращении мы видим следы погрома. Перевернутые постели, открытые баулы с перерытыми вещами, выброшенные из тумбочек вещи... Не смертельно, но неприятно. Мы с Зуевым долго наводим порядок. Сегодня Новый год! Нам разрешат смотреть телевизор до пяти утра, можно не идти в столовую на завтрак, а главное — можно спать до девяти! Я распланировал свой праздник. «Посидим, покушаем, встретим Новый год — и спать! Хоть высплюсь раз в год!» — мечтаю я.

Между сдвинутыми двухъярусными кроватями остается небольшой проход — проходняк, где стоят тумбочки арестантов. Это личное пространство эков, где протекает значительная часть их жизни. У себя в проходняке мы устраиваем импровизированный праздничный стол. На сдвинутых стульях появляются закуски и салаты, заботливо приготовленные Зуевым из продуктов, полученных мной в передаче. Ждет своего часа торт и конфеты. За короткое время в отряде я обзавожусь знакомыми, и мы получаем многочисленные приглашения зайти в гости в проходняк и поговорить за жизнь. Я тоже приглашаю людей, которые не упускают шанса этим воспользоваться. К нам в гости приходит Миша К. и Коля М., новый приятель Зуева по швейному цеху.

Коля — наглухо отмороженный товарищ. Отрубил топором голову своему соседу-субутьльнику. Однажды поссорившись, пошел к нему мириться. Тот ни в какую. Пришлось брать в руки топор. Но, несмотря на содеянное, он открыт, искренен и непосредствен как ребенок. В такой веселенькой компании я встречаю Новый, 2008 год. В полночь, услышав из ПВРки (помещения воспитательной работы) крики «Ура», мы встаем, дружно чокаемся кружками с чаем и желаем друг другу скорейшего освобождения. Я закрываю глаза и уже в четвертый раз — тихо, чтобы никто не слышал, — произношу свое заклинание: «Господи, сделай так, чтобы этот Новый год был у меня последним в этих местах». Тогда я не знал, что мое заклинание сработает лишь на седьмой раз...

Мы продолжаем отмечать праздник, разбредаемся по бараку. Нанеся несколько визитов вежливости и поздравив гостеприимных хозяев, я иду в умывальник, раздеваюсь и ложусь спать. Сквозь сон я слышу шум, разговоры возбужденных праздником осужденных, которые до упора будут сидеть в ПВРке и смотреть телевизор.

Новогодняя ночь проходит без происшествий.

«Странно, никто никого не убил, не зарезал! — любил пошутить я. — Не зона строгого режима, а пионерский лагерь какой-то».

Глава 27

Свободная пресса

Выходные пролетают незаметно и приятно, я успеваю немного отдохнуть и набраться сил. Наступают рабочие будни. Меня ждет работа, которую за столь короткое время я уже успел возненавидеть. Проклятые шапки убивают меня и вытягивают силы, и я прихожу в отряд в изнеможении.

В отряде меня ждет приятный сюрприз. На шконке лежит стопка газет и журналов. Почти каждый день библиотекарь приносит выписанную мной прессу. Ко мне выстраивается очередь из желающих почитать некоторые издания. «Коммерсантъ», «Ведомости» и «Эксперт» мало кого интересуют, но журналы «Maxim» и «Men's Health», газету «Московский комсомолец» у меня выхватывают из рук. Имея возможность подержать в руках, полистать полученные с воли журналы и газеты, я испытывал огромную радость. Пресса для меня является связующей нитью со свободой, глотком свежего воздуха. Я регулярно получаю «Бюллетень Европейского суда по правам человека», каждый номер которого внимательно изучаю.

Наблюдая за мной, осужденные начинают обращаться ко мне с просьбами их проконсультировать, написать надзорные жалобы на приговоры, с которыми они не согласны. Помогаю я не всем, но некоторым не отказываю и пишу всевозможные ходатайства и жалобы.

Моя «правозащитная» деятельность моментально привлекает внимание оперативников.

В один из вечеров за двадцать минут до отбоя в барак влетает оперативник, капитан Мишанов. Переполненный чувством собственной значимости, он требует выдать запрещенную литературу. Я не понимаю, что он имеет в виду.

«Ах так! Не хочешь по-хорошему!..» — говорит он и открывает мою тумбочку.

Между геркулесовыми и гречневыми хлопьями, рядом с банкой тушенки и чаем сиротливо стоит «Конституция Российской Федерации» и Уголовно-исполнительный кодекс. Увиденное раззадоривает капитана, и мы идем в каптерку шмонать мои баулы. Радости капитана не будет предела, когда он обнаружит на дне сумки несколько номеров «Бюллетеня Европейского суда по правам человека».

«Одевайся, пошли в штаб писать объяснительную», — приказывает он мне.

Меня ведут на допрос в кабинет к начальнику оперчасти. Их интересует, как мне удалось пронести на территорию колонии запрещенную литературу.

На столе у оперативника стоит картонная коробка с моими вещами. Они не поленились сходить на промзону и принести ее в кабинет. В коробке — перчатки, чай, ложка, кружка, крем для рук и общая тетрадь.

«Ты что, в побег собрался?» — сиреной взвыл оперативник.

Такая мысль мне в голову не приходила, о чем я ему честно сообщаю. Рассказываю ему и о том, как я выписываю эти журналы через библиотеку.

«Вы же сами мне эти журналы из штаба приносите», — пытаюсь я убедить его в своей невиновности.

Оперативники мне не верят и вызывают завхоза библиотеки, который с ходу выдает всю цепочку.

«В колонию с почты приходят газеты и журналы. Начальник воспитательного отдела или замполит вызывают меня в штаб, — дает свои нехитрые показания ничего не

понимающий библиотекарь, — и отдают прессу мне. А я раздаю газеты и журналы по спискам отрядов».

Я пишу «явку с повинной», где чистосердечно признаюсь, где я взял злополучные журналы. Оперативники, конфисковав журналы, отпускают меня в отряд. В тот вечер мне было очень плохо — и морально, и физически. Я размышлял всю ночь.

Уверен, что оперативникам и в голову не пришло, что они совершили уголовно наказуемое преступление — используя служебное положение, ограбили меня и лишили имущества на кругленькую сумму, достаточную для возбуждения уголовного дела. Каждый журнал стоил около девятисот рублей.

История доходит до начальника колонии и счастливо заканчивается. Начальник отряда торжественно возвращает похищенные у меня журналы и требует расписку об их получении.

Однажды в колонии произойдет массовое хищение газет. Осужденные не получают выписанный на личные деньги номер газеты «Ковровские ведомости», где была опубликована статья о начальнике оперативного отдела нашей колонии. Господин Пащенко был уличен в использовании рабского труда на собственной ферме. Несколько осужденных мирно трудились у него на даче. Речь шла о возбуждении уголовного дела в отношении доблестного майора. Уничтожив часть тиража, тюремщики спасли честь мундира...

* * *

Весь срок я мечтаю о работе в библиотеке, но мечта эта окажется неосуществима. Как в былые советские времена не брали на работу людей по пятой графе на секретные оборонные предприятия, так и меня с отметкой ЮКОС не взяли на работу в библиотеку.

Глава 28

Курс на УДО!

Взяв курс на условно-досрочное освобождение и приняв навязанные правила игры, я решаю, что буду делать для достижения освобождения все возможное.

За работу на промзоне осужденным дают поощрения в виде благодарности, дополнительного свидания или дополнительной передачи. Если у осужденного нет нареканий, то раз в квартал ему выписывают желаемое поощрение.

К тому времени я уже был наслышан о судебной практике предоставления УДО. Судья может запросто спросить вкальвающего многие годы осужденного:

«А почему в художественной самодеятельности не участвует? Не поет? Не пляшет? Ну поди, посиди еще».

Мужики, отпахавшие две смены и без сил приходившие в барак, возмущались таким раскладом и справедливо посылали многочисленные проклятья в адрес судей.

* * *

Исправительная колония. В названии заложен смысл и определена основная цель этого заведения — исправлять осужденных. Название не только не соответствует содержанию, но имеет прямо противоположный смысл происходящему. Чего здесь только не делают, но только не исправляют. Побывав в этих местах, человек теряет последнюю веру в справедливость. Изрядно «наисправляя» эков рабским трудом, прочно вбив в их головы мысль, что своим трудом денег не заработаешь, колонии выпускают толпы озлобленных, отчаявшихся, не приспособленных к нормальной жизни людей, большинство из которых возвращается обратно. Система выдает восемьдесят процентов брака. Не повод ли задуматься о состоянии системы, которая обходится бюджету в баснословные деньги? ФСИН поглощает средства, размер которых сопоставим с деньгами, выделяемыми на здравоохранение.

В недрах системы зарождаются так называемые воспитательные мероприятия. Придумываются, разрабатываются и внедряются в жизнь разные забавы и игрища для осужденных. Песни, пляски, театральные постановки, КВНы и спартакиады, бурно процветающие в колонии в Мелехово, не обошли стороной и меня.

* * *

Однажды дневальный отряда бросает клич: «В колонии проводится конкурс хоровой песни. Желающие принять участие могут записаться у меня. За участие — приз!» Под призом подразумевается поощрение.

Петь я не умею, да и желания это делать у меня нет. У других осужденных, видимо, тоже. Желающих набирается немного. Под угрозой честь мундира! Как же, осужденные петь не желают! Начальник отряда вызывает по одному к себе в кабинет отказников, коих набралось больше, чем пол-отряда. В их числе и я. Отстояв очередь, я захожу к нему в кабинет.

«Почему вы, Переверзин, отказываетесь принимать участие в воспитательных мероприятиях?» — спрашивает меня начальник.

«Я петь не умею», — честно отвечаю я.

«Поймите, это в ваших же интересах. Не пойдете — я в личное дело рапорт напишу, что отказались выполнять требования администрации, характеристика будет у вас плохая, на УДО не уйдете», — продолжает убеждать меня он.

Понимая, с кем имею дело, я соглашаюсь. «Хорошо, — говорю я, — спою»...

Запевалой был осужденный за нанесение тяжких телесных повреждений Антон К., который в моем понимании неплохо пел. Нам достается припев. После нескольких репетиций наш отряд в полном составе выходит на сцену клуба, пред очи скопища людей в погонах.

Антон затягивает:

И пускай наше детство не кончится,

Хоть мы взрослыми стали людьми,

Потому что родителям хочется,

Чтобы мы оставались детьми.

Хор, состоящий из маньяков, убийц, насильников, грабителей, разбойников, террористов, путая слова, подхватывает:

Родительский дом, начало начал,

Ты в жизни моей надежный причал.

Родительский дом, пускай добрый свет

Горит в твоих окнах много лет.

Песню по очереди поет вся зона. Мы занимаем второе место. Начальство колонии радостно отчитывается о перевоспитании осужденных. Из нас поощрение получает только отрядный запевала Антон, а мне удастся избежать рапорта о нарушении...

Когда я рассказал жене о том, что пою в хоре, сначала она мне не поверила. Потом, памятуя об отсутствии у меня слуха и голоса, долго смеялась. Смялся и я, когда смотрел на серьезные лица сотрудников колонии, которые внимательно слушали нас и оценивали выступление.

«Господи, куда я попал? — думал я в те минуты. — Это же настоящий дурдом!»

Как здесь не вспомнить эпизод из книги Алексея Толстого «Приключения Невзорова, или Ибикус». Вынужденные покинуть Россию после революции, герои открывают бордель в Стамбуле. На открытии полковник Ртищев просит Невзорова спеть.

«Но я же никогда не пел!» — отвечает граф.

«Я вам приказываю», — настаивает полковник.

Невзоров запеваёт. При первых словах Ртищев в отчаянии обхватывает голову руками, а пьяный деникинский офицер, сидевший неподалеку, говорит: «Расстрелять!»

Мне же хотелось сказать: «Господа офицеры, читайте русскую классику»...

После выступления в хоре мне было уже ничего не страшно, и я добровольно записался в участники спартакиады, посвященной 23 Февраля. Я подал заявку на участие сразу в нескольких дисциплинах — жим гири, перетягивание каната и биатлон. По хорошо знакомой мне по маршировкам аллее надо было пробежать на лыжах и снежками сбить мишени — поставленные на столы пустые бутылки.

Председатель спортивной секции — Андрей, осужденный за изнасилование и убийство, — бросает на меня оценивающий взгляд. Моя пополневшая за годы нахождения в тюрьме фигура не внушает ему доверия. Но уступая моему напору, почесав голову с вытатуированной мишенью на затылке, он нехотя включает меня в состав участников.

Администрация колонии со всей серьезностью подходит к подобным мероприятиям. Для их освещения (и прославления начальства) приглашается местная пресса. Любопытным журналистам в диковинку смотреть на дрессированных, бегающих и прыгающих эзков, которые моментально забудут об исполняемых ими трюках, едва их выпустят из клетки. Зрелище это привлекает толпы зевак из сотрудников колонии и осужденных, которые яростно болеют за команды из своих отрядов. Крики, шум и веселье царят в этот день в колонии.

Получив выдавшие виды лыжи и палки, надев чудом подошедшие мне ботинки, я выхожу на старт. Трасса начинается от локального сектора адаптационного отряда и идет по аллее в горку. Надо пробежать вверх, там развернуться, вернуться вниз и поразить приготовленными снежками цели. Все готово к эстафете, но погода подвела. Снег подтаял, и на аллее очень скользко. На старт выходит несколько участников сразу, но по команде «На старт, внимание, марш!» они не могут тронуться с места. Пробуксовывая на месте, они валятся друг на друга. Поднимаемые заботливыми товарищами, они встают на ноги и падают опять. Наблюдая за этой кучей-малой, я сам едва не падаю от смеха. Хохочет вся зона, наблюдающая эту комичную картину. Кое-как встав на лыжи, эски с трудом, по многу раз падая и вставая, преодолевают аллею и опять, падая и вставая, возвращаются назад. Судья из числа осужденных с секундомером в руке беспристрастно фиксирует результаты. Наступает моя очередь, и я выхожу на старт.

«Главное — увернуться от падающего соседа и оторваться на несколько шагов от конкурентов, — разрабатываю я стратегический план. — Ну а дальше — дело техники!»

Мой папа был тренером по лыжным гонкам, и я с детских лет много времени проводил в расположенном неподалеку от дома Битцевском лесопарке, где наматывал круги на лыжных трассах. Привычку эту я сохранил и в зрелые годы и не бросил ее после освобождения. Меня и сейчас можно встретить в том же парке, на тех же трассах.

Несмотря на набранный вес, со словами «Ну сейчас я вам покажу, как надо ездить» я сжимаю зубы и что было сил рву вверх по аллее коньковым ходом. Пролетев аллею на одном дыхании, я мигом возвращаюсь назад и, поразив снежками несколько целей, устанавливаю местный «мировой» рекорд. Это был мой звездный час!

Зрители немеют — от меня никто не ожидал такой прыти. Мой стремительный марш-бросок не остается незамеченным приглашенными журналистами. Они осветили это событие в местной газете, напечатав статью с моей фотографией под названием «Вместо Куршавеля — Мелехово...». Из надежных источников мне стало известно, что статья эта имела большой

резонанс в местных кругах и стала предметом обсуждения на коллегии и планерке УФСИН Владимирской области. Для меня статья обернулась профилактической беседой с сотрудниками оперативного отдела колонии, после которой я всегда обходил стороной многочисленных журналистов, полубивших приехать в нашу образцово-показательную колонию. К большому недовольству начальника оперативного отдела, его вызывали на ковер и ругали за то, что Переверзину в колонии курорт устроили! После такого разбора полетов количество недоброжелателей у меня увеличилось на еще одного человека, очень опасного и влиятельного.

Рекорд вызвал уважение среди осужденных и поднял мой авторитет в колонии. Андрей скажет мне, человеку, прозанимавшемуся полжизни борьбой: «А мы думали, что ты бумажный человек. Тяжелее ручки ничего не поднимал...»

Еще долго эки говорят мне: «Ну, Иваныч, ты даешь! Молодец!» — и жмут руку. Каждый день мне приносит новые знакомства, порой очень интересные. Я обрастаю связями в криминальном мире. Сотрудники колонии, напротив, мне кажутся все на одно лицо, и я долго не могу запомнить, кто есть кто. Я путаю режимника с оперативником, начальника воспитательного отдела с пожарником, и долго пристаю к Роме Е. Тыкая пальцем через решетку локального сектора в проходящих мимо людей в форме, я не устаю его спрашивать: «А это кто? А это?»

Мой рекорд был отмечен поощрением в виде дополнительной посылки или передачи. Получив заслуженную награду, я вернулся на шапочное производство. Здесь меня ждут другие рекорды...

Глава 29

Шапки

В колонии ждут представителей заказчика шапок. Приедут, будут ходить, смотреть, проверять качество. Шапки только с виду кажутся одинаковыми. На самом деле у каждой свой неповторимый облик. Идет много брака. Если мех плох, то на месте стыка или изгиба образуется залысина. И как ни натирал я это место железной щеткой, шапка лучше не становилась. От бригадира я получаю ответственное задание. Мне поручается наполнить несколько коробок отборными, идеально сделанными шапками. Польщенный таким доверием, я целую смену занимаюсь этим конкурсным отбором. Вскоре около меня появляется несколько коробок с готовым для показа товаром. Наступает ответственный момент, мой час пробил. В цех заходят женщины и идут ко мне. С ловкостью фокусника я задвигаю далеко под стол только что сделанные шапки, достаю и начинаю любовно расчесывать заранее приготовленные. Женщины удовлетворенно смотрят, берут у меня из рук изделия и довольно кивают. Открывают стоящие рядом коробки, тоже заранее приготовленные, и видят те же расчудесные шапки. Зря я не крикнул: «Караул, люди! Вас обманывают!» Зря я не достал коробочку с лысыми шапками! Не суждено мне сделать карьеру в этом цеху — впереди меня ждет черная неблагодарность...

В воздухе стоит взвесь пыли. Весь в пыли снаружи и внутри, я без усталости пакую шапки. Цех работает на полную мощность, выдавая свою продукцию. Закрывая очередной заказ, эки поднажали и выдали на ура дополнительное количество шапок, которые я физически не

успеваю обработать. Во время обеда с разрешения бригадира я остаюсь на своем рабочем месте и мирно продолжаю обрезать нитки, нежно причесывать и складывать в коробки шапки в непривычно пустынном цеху. Заходит несколько людей в форме, среди них — начальник режимного отдела колонии майор Морозов. Он торжественно объявляет мне, что я нарушил распорядок дня, не пошел на режимное мероприятие.

«Как же так? — пытаюсь оправдаться я. — А как же план, норма выработки?»

«Я к производству отношения не имею», — отрезает он и пишет на меня рапорт.

«Вкальываешь, как раб, и еще выговор за это получаешь!» — думаю я и возвращаюсь в отряд. Возмущению моему нет предела, во мне все кипит. В лице Миши К. я нахожу благодарного слушателя, готового выслушать мои излияния. Взамен мне приходится выслушивать его.

«Какие-то существа в черных мешках дают мне невысказанный срок! — громоподобным голосом возмущается он. — Какое они имеют на это право? За что?»

Мы говорим с ним на одном языке, и я его хорошо понимаю.

Через несколько дней меня вызывает начальник отряда и под роспись дает ознакомиться с постановлением о наложении взыскания. Я пишу: «С постановлением не согласен, буду обжаловать в суде».

«Не с того начинаете, Переверзин, — зловеще говорит он мне. — Не советую вам судиться с колонией — сразу обростете новыми взысканиями. Да и вообще, еще проверить надо, чем вы там занимались — может, подкоп рыли или ширпотреб шили».

* * *

Я жду адвоката и записываюсь на прием к хозяину. Он недавно сменился. Прежний, сделав головокружительную карьеру, стал начальником УФСИН Владимирской области. Его место занял экс-начальник производства, милейший человек, подполковник Окунев. Человек редкой интеллигентности для этой службы, он недолго проработает в системе. Случайно попав в тюремное производство и сделав неплохую для этой системы карьеру, он добровольно уволится по собственному желанию. Именно добровольно, так как с заметных должностей с такой формулировкой увольняют, как правило, за серьезные проступки, граничащие с уголовными делами.

К моему удивлению, я очень быстро попадаю к нему на прием. Отстояв небольшую очередь, я захожу в кабинет хозяина и вижу аквариум, в котором мирно плещутся пираньи. Он слышал о деле ЮКОСа и понимает его суть. Проявляя некоторое подобие сочувствия, он слушает мою историю о взыскании. Вопрос решается тот же час. Он при мне звонит начальнику цеха и приказывает выписать мне внеочередное поощрение, досрочно снимающее ранее наложенное взыскание. Довольный, что мне не придется судиться с колонией, я радостно возвращаюсь в отряд.

* * *

В отряде шум и гам, громко играет музыка, суета. Снуют туда-сюда эки, барак переполнен. Кто-то играет в нарды, кто-то сидит и пьет чай. Редко кого заметишь с книгой. ПВРка забита народом, просматривающим очередной боевик. То и дело в барак заходит начальник отряда. Он оглядывает свои владения и выискивает нарушителей. Одно из самых любимых его занятий — вытаскивание из-под матрасов трусов и носков, спрятанных осужденными. Каждые два часа в барак заходит дежурный прапорщик и пересчитывает склонных к побегу. Обстановочка еще та, не полежишь на шконке, не расслабишься после рабочего дня. Я то и дело ловлю взгляды дневального отряда — Саша Серебрякова. Он зорко следит за мной и докладывает обо всем увиденном и услышанном завхозу и отряднику. Агентурная сеть полностью охватила барак. Рома Е. пересказывает наши разговоры напрямую своему боссу — оперативнику майору Власову, которого он называет папой. Несомненно, «папа» был многодетным и имел множество «сыновей». Другой оперативник, капитан Мишанов, имеет своих агентов и регулярно заходит в каптерку к завхозу, где за чашкой чая они обсуждают происходящее в отряде. После его ухода в каптерку бежит дневальный и несет в умывальник мыть грязные чашки.

Однажды завхоз Фома спросит меня: «Знаешь, почему тебя так не любят мусора?»

Я не знал ответа на этот вопрос, так же как не знал и о том, что они меня не любят.

«Они считают, что ты государство ограбил!» — говорит он.

Понятно, что для них я был источником и первопричиной всех их несчастий — неустроенности в жизни, маленькой зарплаты, необразованности, алкоголизма и прочих бесчисленных бед.

Обстановка тяготила меня, и я хотел вырваться из этого окружения. Постепенно у меня сложилась четкая и очень подробная картина жизни колонии. Я узнаю о существовании на территории профилактория, где есть небольшой спортзал. Профилакторий — дом отдыха, где эки могут отдохнуть от режима. Сюда попадают передовики производства, активисты и прочие люди, нужные администрации. Попасть в дом отдыха становится моей мечтой на ближайшие полгода.

* * *

После инцидента в цеху по пошиву шапок и ругани с его бригадиром меня переводят в цех по производству фуражек. Такая же грязь и шум. Орет музыка, заглушая шум швейных машин и шипение утюгов. Я знакомлюсь с бригадиром. Владислав Б. (или Блин, как его называют) пользуется непререкаемым авторитетом у эков. Он сидит не в первый раз. Осужден на пятнадцать лет за несколько убийств. Был приговорен к расстрелу, но в связи с введением моратория на смертную казнь это наказание ему заменили на пятнадцатилетний срок. Мы находим общий язык, и он не один раз поможет мне. Чем он хуже судьи Ярлыковой, осудившей как минимум двоих невиновных?! Блин хоть не отрицает свою вину и честно говорит: «Ну да, разозлили они меня! Вот и пришлось ножичком немного помахать!»

К моему удивлению, он скажет мне следующее: «Иваныч, давно хотел спросить. Как же вы ЮКОС грабили, если там все Ходорковскому принадлежало?»

Ему, необразованному человеку, проведенному в тюрьмах полжизни, были видны нестыковки в нашем деле!

Я осваиваю новую тюремную профессию — обрезальщика ниток с готовых изделий. Теперь меня заваливают готовыми фуражками с торчащими со всех сторон нитками. Моя задача — аккуратно их обрезать и придать изделию товарный вид. Готовые фуражки через проделанное в стене окно я передаю в ОТК, где уже пристроился мой бывший партнер по шапочному цеху, похититель платиновых ванн Юра. Моя новая работа значительно легче предыдущей. Я больше устаю от бессмысленных разговоров, от вынужденного общения с не очень симпатичными мне людьми. Меня очень тяготит то, что я вынужден тратить свое время, годы своей жизни, на эти бессмысленные, идиотские, никому не нужные занятия. Юра беспрестанно шутит. «Кому расскажу, не поверят, что вот так, бок о бок, с поделником Ходорковского работал!» — говорит он и закатывается радостным смехом. Я грустно улыбаюсь и жду окончания смены и возвращения в отряд.

* * *

В колонии готовятся к прибытию очередной комиссии. Руководство решило блеснуть и сделать весну. Спешно убирается весь снег. Его соскребают до земли. Снегоуборочная команда долго — с помощью сумок — перетаскивает снег в снеготопилку. Группа эков срочно красит все бордюры. В отряде царит нагоняемая отрядником паника и суета. На построении он отдает приказ: «Всем навести порядок в тумбочках! А то в прошлый раз открыли тумбочку Переверзина, а там бардак!»

Ну да, в чьей тумбочке из ста интереснее всего копать? Конечно, в моей! Генералы и полковники не отказывают себе в удовольствии порыться в моих вещах!

Из тумбочек спешно убирается все «лишнее». В баулы прячется чай, консервы, конфеты. Остается только кружка, ложка и туалетные принадлежности.

В локальном секторе каждого отряда есть специально огороженное место для сушки белья. К приезду комиссии из сушилки всегда убирается белье. Кто не успел, тот опоздал. Дневальный отряда снимает с веревок недосушенные вещи. В мешок летят трусы, носки, полотенца, простыни. Так происходит всегда и везде — во всех колониях, где я побывал. За семь лет я так и не смог понять, для чего это делается. Загадка так и осталась неразгаданной.

Во время приезда комиссии находиться в спальном помещении отряда строжайше запрещается. Все свободные от работы осужденные набиваются в ПВРку, где тихо смотрят телевизор.

Во такие моменты я чувствовал себя лишним. Не понимая, для чего это все делается, мне представлялась фантастическая картина. В колонию приезжает комиссия. Из зоны убирают всех эков. Исчезли мы, испарились. Хозяин гордо показывает свои владения. Водит гостей по помещениям, показывает пустые бараки с заправленными кроватями, видны ряды

тумбочек, ни один осужденный не омрачает взор высоких гостей. Красота! Мечта любого начальника колонии!

Ну не нужны мы им там! Лишние мы. Вот и ненавидят они эков лютой ненавистью, не считая их за людей.

Глава 30

День открытых дверей

Я с удивлением узнал, что в колонии через две недели будет проводиться день открытых дверей. Нет, осужденных не собирались отправлять домой на выходные и даже не планировали выпускать за пределы территории колонии. Хотя закон дает такую возможность — в качестве поощрения администрация колонии может предоставить осужденному отпуск на родину. На практике, конечно, подобного не происходит. Зачем что-то делать, когда можно с таким же успехом не делать ничего? Я видел человека, отсидевшего семь лет, у которого за несколько месяцев до освобождения умер отец. Этот заключенный валялся в ногах у начальника колонии и просил отпустить его домой на три дня. Благо, жил в той же Владимирской области, чуть ли не в соседнем поселке. Ничего не мешало тюремщику сделать богоугодное дело — ничего, кроме собственной лени и негласного указания руководства ФСИН. Осужденному так и не дали возможности попрощаться с близким человеком...

Главная цель дня открытых дверей (или, как его еще называют, родительского дня) — показать родственникам осужденных, как хорошо им здесь живется. Для чего и организовывается данное мероприятие. Составляются списки гостей. Осужденный может пригласить только близких родственников — родителей, детей и жен. После тщательного обыска гостей заводят в зону. Под бдительным присмотром оперативников, в сопровождении замполита проводится экскурсия. Можно зайти в барак и посмотреть шконку, где спит ваш родственник. Можно посетить столовую и отведать специально приготовленную по этому случаю тюремную баланду. Посетители, одетые в гражданскую одежду, представляют здесь весьма странное для эков зрелище, привыкших видеть только людей в форме. На это время зона вымирает, запрещаются все передвижения, а эки загоняются в бараки. Но прибывшим гостям не удастся избежать любопытных глаз осужденных. В бараках облепляются все окна, и сотни внимательных глаз наблюдают за гостями. Маршрут заканчивается в библиотеке, где все готово к торжеству. В большом помещении расставлены столы и стулья, где можно посидеть с родственниками и выпить чаю со сладким, купленным в специально открытом по такому случаю буфете. Приводят после обыска осужденных. Для них такая встреча — дополнительная возможность увидеться со своими близкими, количество свиданий с которыми ограничено. Во время чаепития играет и поет самодеятельный ВИА из осужденных. Я никогда не участвовал в подобных мероприятиях и строго-настрого запретил жене приезжать в колонию на дни открытых дверей. Два-три раза в год я мог смириться с ее пребыванием в комнате длительных свиданий, но допустить ее прогулку по территории колонии было выше моих сил...

Однажды нас вывели из барака и построили в локальном секторе. В сопровождении оперативников к нам в барак на экскурсию зашли человек восемь трудных подростков —

воспитанников детского дома. Судя по растерянным и даже испуганным лицам ребят, урок не прошел для них даром и имел положительный эффект. Я с улыбкой вспомнил свое детство. В моей жизни до самого последнего момента на свободе ничто не предвещало такого поворота судьбы...

Глава 31

Вся жизнь — театр

Каждый год в колониях проводится смотр-конкурс художественной самодеятельности. Каждая колония своими силами готовит спектакль, на премьеру которого приезжает очередная комиссия. Они оценят актерское мастерство осужденных и выявят победителей. Во Владимирской области из зоны в зону перелетает хрустальная сова — переходящий приз за лучшую театральную постановку. Об этой сове мечтает замполит колонии, готовя очередной спектакль. Замполит в колонии сменился. Старый серьезно в чем-то провинился и, не досидев нескольких лет до пенсии, радостно уволился «по собственному желанию», довольный тем, что сам не попал на нары. Новый замполит — Чудин Алексей Владимирович. Один из немногих порядочных людей, которых я встретил в этой системе.

На дверях столовой появляется объявление: «Желающим принять участие в смотре-конкурсе художественной самодеятельности записываться у завхоза клуба».

Я читаю между строк: «В крепостной театр требуются актеры».

Знакомлюсь с завхозом клуба. Рома Г. осужден на пятнадцать лет за убийство. Здесь он отвечает за постановку массовых зрелищ и заведует местным театром. Если отбросить в сторону убийство, которое он совершил, то Рома — неплохой парень. Немного игравший на гитаре на свободе, здесь он становится звездой местного масштаба. Для услады всевозможных гостей и комиссий он целыми днями, по поводу и без повода, поет на сцене клуба. В свободное между песнями время Рома с помощью других осужденных пишет сценарии к спектаклям. Тема спектакля определяется приказом УФСИН по Владимирской области. Где-то наверху сказано, что год текущий — Год семьи. Приказано — сделано! Спектакль посвящается Году семьи. Для этих целей собирается труппа. Рома задумал поставить феерическое шоу, которое должно потрясти членов жюри. Не в пример пению в хоре, желающих получить поощрение за участие в спектакле находится довольно много.

Мне, как потенциально талантливому актеру, способному выучить наизусть достаточно большой кусок текста, обещана дополнительная награда — месяц жизни в профилактории. Недолго думая, я даю согласие. Так начинается моя головокружительная артистическая карьера. Каждый день, в любую погоду, отработав смену на промке, я обреченно тащусь в клуб на репетицию. Из нашего отряда записалось несколько человек. Действие спектакля переносилось то в прошлое, то в будущее и к заданной теме не имело никакого отношения. Мише К. досталась роль былинного богатыря. Без смеха я не могу на него смотреть. В шлеме из картона на голове он едва втиснулся в кафтан, сделанный из дермантина, по случаю содранного то ли с двери, то ли с сиденья старого автобуса. Он держит деревянный меч, который в его руках кажется детским. Я выгляжу не лучше. Играя роль военного времен Отечественной войны 1812 года, я получаю какое-то подобие мундира, сшитого из старых занавесок, и картонную шапку, которая едва держится на моей голове. Женские роли

исполняют угловые, или обиженные, согнанные со всей зоны. Они играют роли светских дам. В париках из новогодней мишуры и магнитофонной ленты, с накладными бюстами и веерами в руках с синими от татуировок пальцами они представляют собой ужасающее зрелище. Роль чеченского террориста, несмотря на то, что у нас сидят настоящие чеченцы, достается осужденному за убийство таджику Данияру. Какой чеченец без бороды? Тем более террорист! Носить бороды и усы в колонии запрещается. Кто будет обращать внимание на Уголовно-исполнительный кодекс РФ, если сам хозяин сказал: «Не носить тебе бороды!»? Между тем в кодексе черным по белому написано: «Осужденным разрешается носить аккуратно постриженную бороду и усы».

Искусство требует жертв. Данияр пишет заявление на имя начальника колонии следующего содержания: «В связи с участием в смотре-конкурсе художественной самодеятельности прошу дать мне разрешение на ношение бороды». К моему удивлению, он подписывает это заявление у начальника отряда, оперативника, режимника, начальника воспитательного отдела и замполита. Подпись начальника колонии на этом заявлении была шестой (!). Я своими глазами видел это заявление. Идет гордый Данияр по аллее, а дежурный его строго спрашивает:

«Вы что, гражданин осужденный, режим нарушаете? Небритым разгуливаете!»

«Не правы вы, гражданин начальник! — скажет он, доставая из широких штанин бумагу. — У меня разрешение есть!»

На премьеру приезжают чины из УФСИН Владимирской области, женщины из какого-то околочультурного учреждения, входившие в жюри, и журналисты. Зал заполняется осужденными из карантина, которым обещано, что чем больше они будут хлопать, тем меньше они будут топтать.

Спектакль, напомнивший мне мой судебный процесс, с треском проваливается. Мы занимаем предпоследнее место среди всех колоний Владимирской области. Хозяин нехотя подписывает всем участникам этого позорища обещанные поощрения. Мне, как и обещано, предоставляют место в профилактории, и я жду своей очереди, чтобы сменить обстановку.

Глава 32

День рождения — грустный праздник

Мелькают дни, похожие друг на друга как близнецы. Летят недели, складывающиеся в месяцы. Тот же отряд, та же промка, тот же швейный цех. Иногда во время перекура я выхожу с мужиками в курилку, чтобы пообщаться с осужденными из других цехов. Подлетает капитан — начальник цеха, по-хозяйски оглядывает всех зэков и обращается ко мне:

«Что-то ты, Переверзин, часто куришь!»

«Да я вообще не курю», — отвечаю я

«Ну тогда застегнись!» — произносит он и уходит по своим делам.

Я возвращаюсь на свое рабочее место обстригать фуражки. У меня завтра день рождения, который я собираюсь отпраздновать.

Настроение у меня не праздничное, а, скорее, совсем наоборот. На душе скребут кошки. Зуй берет на себя организационную часть мероприятия и накрывает стол. На сдвинутые табуретки выкладывается угощение — сигареты, конфеты, огромные банки чифиря и растворимого кофе. Барак гуляет. Меня осыпают поздравлениями, дарят открытки. С пожеланиями здесь все очень просто. Все хотят одного и того же — скорейшего освобождения. Я получаю такие поздравления четвертый год подряд. В ВИП-зону, в наш проходняк, приходят осужденные, с которыми мы наиболее близко общаемся. Заходит Коля М., друг и напарник Зуева по швейному цеху. Его приятель автоматически становится и моим. У Коли золотые руки, он мастерски шьет. Он блаженно улыбается и с детской непосредственностью озвучивает мне свою мечту и пожелания:

«Вован, на воле уже пьяным где-нибудь валялся бы».

«Коля, — говорю я, — пойми, я не пью вообще!»

Эта мысль не укладывается у него в голове, и он с недоверием переспрашивает:

«Что, совсем?»

«В твоём понимании совсем», — пытаюсь донести до него свою мысль.

Я мечтаю о том, чтобы это все побыстрее закончилось — этот день рождения, который меня совсем не радует, этот безумный срок. Праздник я традиционно заканчиваю проклятиями в адрес следователей Генеральной прокуратуры и судьи...

День подходит к концу, я смотрю на часы и с облегчением вздыхаю — скоро отбой. Завтра мне предстоит проставиться на промке и еще раз пережить поздравления. По кругу пускается кружка с чифирем. По тюремной традиции все эки по очереди пьют из одной кружки. Я ненавижу этот широко распространенный ритуал с самого начала своего заключения и, подавляя чувство брезгливости, беру кружку, выкручиваю ее так, чтобы найти место, к которому не прикасались губы других эков, и делаю глоток горького напитка. Некоторое время спустя на подобных массовых мероприятиях я смогу позволить себе пить отдельно из персональной кружки, не задевая и не оскорбляя чувств окружающих меня эков, которые будут смотреть на мою привычку как на небольшое чудачество.

Бригадир делает мне царский подарок — на время моего проживания в профилактории оформляет отпуск...

Глава 33

Дом отдыха

Я собираю свои вещи и переезжаю в профилакторий. Меня радует возможность сменить обстановку, отоспаться, отдохнуть от навязанного режима, от бесконечных шмонов и проверок.

Я временно счастлив. Профилакторий — гордость колонии, своеобразный оазис. Сюда можно привести любую комиссию и показать, как администрация заботится о эках. Две спальные секции по двенадцать кроватей не в силах вместить всех желающих, и сюда попадают лишь избранные и заслуженные эки. Мне очень повезло. Здесь есть небольшой спортзал и душ, где можно мыться каждый день. Днем можно спать сколько хочешь. Живи и

радуйся! Есть небольшая кухня с холодильником и плитой, где можно готовить еду, если есть из чего. Здесь же я вижу чудо из чудес, неслыханную роскошь для этих мест — стиральную машинку «Самсунг».

Рулит здесь всем (в том числе и стиральной машинкой) завхоз Сережа М. Он обладает несомненными организаторскими способностями и всегда занят воплощением своих идей, граничащих с безумством. То фонтан решит построить на территории профилактория, то памятник на фонтане. Идеи с радостью подхватываются сотрудниками колонии и воплощаются в жизнь осужденными — на их же денежки... Здесь все куплено и отремонтировано на деньги отдыхающих осужденных. Сережа бдительно следит за порядком. Стиральная машина работает без остановки, и я все жду, когда же она сломается от нещадной эксплуатации. Не подумайте, что это реклама, но я так и не дождался этого момента. Машина работает сутками, обстирывая местную знать. Сюда заходят простирнуть свои вещички не только обитатели профилактория, но и другие зэки — прибалтненные, увязанные — завхоз библиотеки и завхоз санчасти. Я радостно смотрю на свои белоснежные, наконец-то постиранные простыни и предвкушаю момент отбоя. Об обычном пододеяльнике я даже не мечтаю — по совершенно непонятным причинам он является в этих местах запрещенным предметом.

На кухне я пью чай и разговариваю с ребятами из автосервиса. Они частые гости в профилактории. Их рабский труд вознаграждается регулярным проживанием в этом заведении и продуктами, которые им поставляют с воли их крыша — начальник оперативного отдела. Обычная гречка, макароны и курица — предел мечтаний любого заключенного — их повседневный рацион. Они счастливы и довольны. Администрация тоже. Очень удобно. В автосервисе можно за бесценок отремонтировать себе и нужным людям автомобили, в швейном цехе — пошить себе костюмчик на заказ. Один капитан, по фамилии Пугин, гроза всех зэков и известный борец с расстегнутыми пуговицами, не постесняется притащить на промку старую треснутую деревянную пробку от ванны и приказать заключенному выточить на токарном станке ее дубликат из нержавеющей стали...

Мое пребывание в профилактории омрачается приездом особо важной комиссии. В колонию прибывает группа журналистов, включая репортера из The New York Times и еще каких-то иностранцев. Для колонии это событие мирового масштаба, и администрация готовится к встрече особым образом. Главное в нашем государстве что? Не ударить в грязь лицом, приукрасить происходящее и пустить пыль в глаза. Замполит лично отбирает интервьюируемых осужденных и согласовывает ответы на возможные вопросы. К моему облегчению, мне приказано на пушечный выстрел не подходить к журналистам и под страхом смерти с ними не общаться. Когда журналисты заходят в помещение профилактория, я, отпрыгнув в сторону, чудом успеваю увернуться от случайно направленного на меня фотоаппарата.

«Не бояться!» — услышу я фразу на ломаном русском языке... Журналисты с любопытством ходят, смотрят и слушают восторженные рассказы заключенных о том, как хорошо им здесь живется. Послушаешь, и хочется спросить: «Дружок, если здесь все так замечательно, стоит ли вообще тебе освободиться?» Один специально отобранный зэк, работающий в экспериментальном швейном цехе, где осваивают пошив новых заказов и

заодно обслуживают личные интересы руководства колонии, взхлеб рассказывает о высокой зарплате. Он единственный из полутора тысяч заключенных получает показательную зарплату в десять тысяч рублей, что для колонии очень много...

В профилактории, где журналистов напоследок щедро угощают чаем с конфетами (естественно, купленными на деньги осужденных), им очень нравится. Довольные журналисты покидают нашу дивную колонию, а администрация с нетерпением ожидает хвалебных статей. И они появляются! К великой радости тюремщиков, «Московский комсомолец» печатает большой репортаж о красивой жизни в Мелехово. Появляется и статья в The New York Times. Одна незадача — статья на английском языке. Меня вызывают в штаб и просят перевести ее на русский.

«Колония унаследовала лучшие традиции ГУЛАГа, — дословно перевожу я слова автора. — Заключенные живут в перенаселенных, неотремонтированных бараках, построенных в тридцатые годы прошлого века...»

Замполит произносит фразу, слыша которую, я не могу сдержать смех: «Надо же, и как он узнал? Вроде показывали ему все самое лучшее, водили по образцовым отрядам...»

Замполит явно расстроен и растерян. Он быстро берет себя в руки и просит меня: «Не говори никому, забудь».

Я согласно киваю, даю устную подписку о неразглашении тайны и, едва сдерживая смех, возвращаюсь в профилакторий.

Глава 34

Побег и кошки

Вечерами в профилактории меня ждет еще одна напасть. В спальной секции стоит телевизор, который отдыхающие эки смотрят допоздна. Всевозможные бесконечные сериалы и боевики помогают заключенным убить время. У меня свободного времени почти нет. Понимая, что через месяц мне придется выходить на промку и стричь фуражки, я стараюсь с пользой использовать все свободное время. Меня интересует спортзал, душ и книги.

Изрядно помучавшись под звуки приглушенного телевизора, мне в конце концов удается уснуть.

Едва проснувшись, мы понимаем, что в колонии что-то случилось. Промка закрыта, эков не выводят на работу. В колонию сбежалась вся милиция. Тревога! Мы не можем понять, что происходит. Доходит слух, что в колонии кто-то совершил побег. Кто-то из третьего отряда.

«Не меня ли ищут?» — думаю я.

Все быстро встает на свои места. Ищут Николая К., осужденного на двадцать четыре года за двойное убийство и разбой. Я хорошо знаю Колю. Родом из Белоруссии, он давно перебрался в Россию на заработки. В детстве занимавшийся спортивной гимнастикой, к своим тридцати пяти годам он необыкновенно физически развит и подвижен, ни грамма лишнего жира. За его плечами уже есть один дерзкий побег из наро-фоминского суда. Когда

его привезли в суд, он бросил в глаза надзирателю заранее приготовленную смесь — побелку со стены, смешанную с солью. Двух других охранников он столкнул лбами и... перемахнул через забор с колючей проволокой высотой два с половиной метра. И был таков. Преодолев леса и болота, он добрался до Москвы, где через несколько суток его поймали.

Он был первым и последним человеком, с которым я едва не подрался в отряде. В первые дни моего пребывания в отряде в умывальнике он, очевидно, видя во мне потенциальную жертву, бросил мне фразу: «Жаль, я тебя на свободе не встретил!»

«Еще не поздно, давай сейчас поговорим, — ответил я. — Что ты мусорами прикрываешься?»

Не успев вспыхнуть, конфликт был быстро погашен окружающими зэками, и мы с Колей начали общаться. В отряде Николай промышлял ремонтом. Он ремонтировал все — стены, двери, замки. Прикреплял отвалившиеся дверные ручки, что-то красил, белил бордюры. Чинил обувь осужденным. Он мог приделать подошву от старых кроссовок к эковским ботинкам и наоборот. Его умелые руки могли заштопать все что угодно. Одним словом, в отряде Коля был палочкой-выручалочкой и находился на хорошем счету.

Получив разрешение на длительное свидание со своей гражданской женой, он отправился в комнату свиданий. Здесь проверка два раза в день — утром и вечером. Осужденные выходят из номеров и выстраиваются в коридоре, где дежурный милиционер проверяет их наличие. Номера здесь разные — одни получше, другие похуже; одни побольше, другие поменьше. Коля получил хороший номер с видом на... свободу. Под окном дежурка — помещение для охранников — и небольшой дворик, где они перезаряжают оружие. Глубокой ночью Коля выломал решетку, бросил свою несостоявшуюся жену и кинулся в бега. Наверное, чтобы не выносить сор из избы, беглецов сначала пытались ловить силами ФСИН. На этот раз Николаю не удалось далеко уйти. Для дезинформации была запущена легенда о том, что Колю взяли тепленьким, буквально свалившимся из окна на головы недремлющих милиционеров. На самом деле ему удалось добраться до свинарника при нашей же колонии, где его повязали силами роты охраны колонии. Собака взяла нужный след в нужное время.

Дворик профилактория вплотную примыкает ко двору штаба, и я, заняв стратегически выгодный пункт наблюдения, с интересом наблюдаю за происходящим. Вижу бледную заплаканную женщину, приехавшую к Коле на несостоявшееся свидание. Ее ведут в штаб на допрос. Чуть позже туда же тащат основательно побитого Колю. На момент побега из двадцати четырех лет он отсидел три года. За попытку побега ему добавляют еще три. Срок начинается сначала...

Но самое интересное происходит на следующий день. После случившегося администрация колонии уже не может жить по-старому, как ни в чем не бывало. Надо же что-то делать! Не миновать проверок и комиссий, которые могут спросить: «А что вы после побега предприняли? Что сделали?»

После подъема по тревоге поднимается группа осужденных, работающих в ремонтной бригаде колонии. С болгарками наперевес, со сварочными аппаратами в руках они срезают и уничтожают по всей колонии спортгородки. Срезанные турники, брусья, самодельные

гантели и штанги загружаются на трактор и вывозятся за территорию колонии. Пункт приема металлолома в поселке Мелехово в этот день перевыполняет план на год вперед — очевидно, до следующего побега. Осуществив первую часть своего плана, администрация колонии приступает к выполнению второй его части, не менее важной. Помимо осужденных в колонии проживает много всякой неучтенной живности. Голуби, сороки, крысы и мыши не привлекают внимания администрации. А вот кошки и коты...

Кошек в колонии проживает великое множество. Они любимы заключенными, разочаровавшимися в человеке. Некоторые зэки так привязываются к своим питомцам, что после освобождения забирают любимых кошек и котов с собой на волю. Кошки для зэков — порой единственная любовь и последняя отрада. Осужденные их лелеют и всячески балуют. Кошки свободно передвигаются по зоне, перебегают из одного локального сектора в другой и, щедро подкармливаемые осужденными, чувствуют себя значительно лучше находящихся здесь людей. Я часто завидовал старому черному коту по кличке Буча, живущему в нашем отряде. Буча лениво потягивается во сне, когда в барак заходит высокое начальство. Ему не надо вставать и здороваться с каждым контролером — сержантом или прапорщиком, постоянно бродящими по нашему бараку. Он делает все что хочет.

В каждом отряде, в каждом цехе, на каждом объекте колонии живет своя любовь и гордость, а то и не одна. За редким исключением, котов и кошек называют человеческими именами. Каждое утро, по вторникам и четвергам, осужденных у дверей столовой встречает огромный красивый кот Сеня. В эти дни за завтраком выдают куриные яйца, положенные в соответствии с нормами питания, рассчитанными НИИ ФСИН России. К неопишуемому восторгу и радости осужденных, которые отдают ему последнее, кот пожирает яйца прямо со скорлупой, в огромных количествах. Несмотря на свои габариты и аппетит, Сеня — аутсайдер в кошачьей иерархии. В многочисленных битвах за территорию и любовь редких здесь кошачьих особей женского пола Сеня всегда в последних рядах. Зато наш отрядный Буча — признанный лидер.

Из штаба приходит срочная директива: «Всех кошек и котов посчитать, переписать и зарегистрировать». Срок три дня. Кто не успел, тот опоздал. Кошек без регистрации истребить. «Хорошо хоть не расстрелять», — язвительно добавляю я. Хотя, наверное, нерасстрелянных кошек без регистрации ждала худшая судьба. Они были собраны в большой мешок и вывезены за территорию колонии тюремщиком с погонами офицера на плечах. О дальнейшей судьбе этих несчастных животных история умалчивает. В колонии котов также подстерегала опасность. Дежурный по промышленной зоне в чине капитана, в свободное от работы время увлекающийся гиревым спортом, в колонии свое время коротал охотой на кошек. На работу он приходил с рогаткой и, заряжая ее стальными шариками от подшипников, увлеченно расстреливал кошек, радуясь каждому трофею. Год его службы шел за полтора, как на войне...

Завхоз профилактория пишет заявление на имя начальника колонии: «Прошу вас дать разрешение на проживание в профилактории колонии кота черного цвета по прозвищу Патрон». Заявление визируется оперативниками, режимниками и воспитателями. Подобные заявления сыплются в штаб из всех отрядов, из клуба, бани, санчасти. Бригадир цеха по пошиву шапок, мой бывший шеф из числа осужденных, в заявлении придумает разумное

объяснение необходимости совместного жития с любимым котом: «В целях воспрепятствования уничтожению и порчи шапок мышами прошу вас разрешить содержать в цеху по производству оных кота по кличке Барсик». Некоторое время спустя я увижу гордо прогуливающегося по территории швейного цеха Барсика с ошейником, на котором красуется надпись: «Кот Барсик. Швейный цех № 3. Участок “Шапки”». Барсик не умел читать и жил по своим, кошачьим, правилам. Иногда он отклонялся от возложенных на него обязанностей по уничтожению мышей и метил готовые изделия...

После побега Николая количество кошек в колонии резко сократилось. Но ненадолго. Не ограниченные никем и ничем, кошки быстро расплодятся и восстановят свою численность. Меньше чем через полгода кошек в колонии станет больше, чем было, а про ошейники все забудут. Очевидно, до очередного побега очередного осужденного. По настоятельным просьбам осужденных были восстановлены и спортгородки.

Глава 35

Возвращение

За чередой событий месяц в профилактории пролетает как один день, и я возвращаюсь в третий отряд, от которого уже успел отвыкнуть. Здесь ничего не изменилось. Те же лица, тот же начальник отряда. Тот же безумный режим. У меня не укладывается в голове, почему нельзя разрешить людям просто поспать или полежать на кровати.

В реальность меня возвращает очередное бессмысленное мероприятие — инвентаризация. «Как будто специально меня ждали!» — мелькает у меня фантастическая мысль, которую я моментально отбрасываю. После подъема в барак вваливается толпа недовольных сотрудников. Многие оттрубили смену и собирались домой, но из штаба был дан приказ — провести инвентаризацию. Мероприятие абсолютно идиотское и бессмысленное, требующее времени и нервов — как со стороны сотрудников, так и со стороны эков. Неприятная и болезненная процедура растягивается на весь день. Осужденные понуро собирают все свои вещи и выходят в локальный сектор. Из барака выносятся все — сумки, матрасы, личные вещи. Помещение пустеет. Все, что остается в бараке, выкидывается и уничтожается. Вход обратно — через шмон. На улицу выносят столы из ПВРки, где сотрудники колонии просматривают и пересчитывают вещи осужденных. Пересчитываются трусы, носки и майки. Лишнее изымается. В заранее приготовленные мешки летят лишние полотенца и простыни. Туда же попадают пластиковые контейнеры, полученные в посылках и передачах. Подходит моя очередь. Я еле отрываю от земли сумку с консервами и ставлю ее на стол. Изобилие и многообразие продуктов потрясает воображение контролера — молодого сержанта, очевидно, не желающего ни учиться, ни работать.

«Зачем тебе так много?» — любопытствует он.

«Я их ем», — отвечаю я.

Он в задумчивости перебирает банки. Уголовно-исполнительный кодекс ему не знаком, иначе он повел бы меня взвешивать этот баул. Осужденному разрешается иметь при себе не более пятидесяти килограммов продуктов. Сержант переходит к личным вещам. Пластиковый контейнер с крышкой, в котором я заливаю кипятком геркулесовые хлопья,

привлекает его внимание. Его рука уже тянется за добычей. Но мое знание того же кодекса остужает его охотничий азарт. Я хорошо знаю перечень запрещенных предметов, которые осужденный не имеет права иметь при себе. Контейнеры там не значатся, о чем я ему вежливо сообщаю. Сержант молод, ленив и не очень сообразителен. В нем не чувствуется агрессии, а просматривается желание побыстрее от меня избавиться. Но не все еще осмотрено. Мы переходим к личным вещам. Три махровых полотенца приковывают его взгляд.

«Переверзин, зачем тебе три полотенца?» — спрашивает он.

Мой ответ обескураживает его и полностью деморализует:

«Одно — для тела, второе — для лица, а третье — для ног».

На секунду задумавшись, сержант выдает:

«Переверзин, ну мне же надо у тебя что-нибудь изъять! Сам отдай мне чего-нибудь», — жалобно просит он меня.

В знак согласия я великодушно бросаю на алтарь тюремной системы грязное полотенце и собираю баулы. Мне очень повезло, и я легко отделался, пройдя через это испытание без потерь. Таких добрых людей, как этот сержант, здесь встретишь не часто.

Другие осужденные еще долго будут ругаться и сожалеть о понесенных утратах. Столкнувшись с более ретивыми и кровожадными сотрудниками, они лишаются дорогого сердцу имущества...

* * *

Мне часто хотелось спросить сотрудников колонии: «Зачем? Для чего вы это делаете? В чем смысл подобных мероприятий?»

Странно, что им самим не лень заниматься подобными глупостями, требующими сил и времени. Что изменится, если у осужденного будет в бауле на одно полотенце больше нормы или лишняя майка?

* * *

Лишь к концу безнадежно испорченного выходного дня жизнь в отряде возвращается в свое русло. Застилаются железные кровати, заполняются нехитрым скарбом тумбочки. Мы с Зуевым разбираем свои пожитки и идем праздновать мое возвращение в отряд. Скоро ужин, и нам надо успеть закончить свое пиршество до выхода на режимное мероприятие. Выход в столовую обязателен: если остаешься в бараке, то сразу получаешь взыскание. Контролеры-надзиратели обходят бараки и выявляют нарушителей режима. В отвоеванный пластмассовый контейнер я выкладываю банку зеленого горошка и банку скумбрии, купленной в тюремном магазине. Оливковое масло из посылки завершает этот кулинарный шедевр. Зуй старается меня не объедать и тактично отказывается от трапезы. Попивая чифирь, улыбаясь, он говорит мне: «Запомни, Вова, здесь пионерский лагерь». Зуев за

двадцать девять отсиженных лет объехал всю Россию и знает, о чем говорит. Мордовия и Челябинск вызывают у него содрогание...

Довольные, мы строимся у локального сектора и идем в столовую. Сегодня на ужин макароны — весьма популярное здесь блюдо. Зуев с удовольствием съедает две порции, за себя и за меня. Рацион не отличается особым многообразием. По тюремным меркам в этой колонии кормят вполне приемлемо. Чем жестче режим, тем лучше питание. Сечка и перловка на комбижире — важные составляющие нашего рациона и надежный источник витаминов. Реже подается картошка и макароны. Выдают весьма приличный хлеб, испеченный эсками в тюремной пекарне. Положенные осужденным немного мяса или рыбы добавляются в первое, куда досыпается то перловка, то макароны, то капуста. Готовое блюдо, состряпанное эсками, не назовешь ни супом, ни борщом... Одно слово — баланда.

Глава 36

Как я стал хорошим евреем

После ужина отряд дружно строем возвращается в барак. Я любил эти минуты. До отбоя два часа. Личное время. Можно читать, смотреть телевизор, пить чай. Как всегда, нельзя того, чего больше всего хочется, — лежать и спать. Зуй заваривает чай, и мы мирно беседуем. Рядом ходит Умед Ч., осужденный за убийство. Он часто просит у меня почитать разные газеты и журналы. Я никогда никому не отказываю. Однажды Умед попросит меня достать ему Коран, что я и сделаю. В очередной посылке мне приходит желаемая книга, и я бескорыстно отдаю ее правоверному мусульманину. Умед пытается влезть в наш разговор, делает какие-то ремарки. После инвентаризации все эски злы и раздражены. Для конфликта достаточно искры. Разговор переходит на повышенные тона, а потом, как мне кажется, утихает. Но стоит мне отойти на несколько минут, как ко мне бежит Рома Е.

«Иваныч, Зуй с Умедом пошли в раздевалку на разговор», — на ходу кричит он мне.

«Быть беде, если вовремя не вмешаться!» — с этой мыслью я срываюсь с места и бегу к месту разборок. Открываю дверь и вижу клубок человеческих тел. Ни секунды не раздумывая, я разрываю клубок на две части и хватаю Умеда. Зуй стоит и тяжело дышит. Следом за мной вбегают дневальные отряда — осужденные, работающие на администрацию. В нашем отряде они все как на подбор. Все осуждены за изнасилования и убийства, все члены секции дисциплины и правопорядка. Один хуже другого. За дневальными бежит милиция... Не вмешайся я в конфликт, неизвестно, чем бы эта драка закончилась. На лицах участников потасовки видны следы недавнего конфликта. Под охраной нас ведут в штаб к оперативникам на допрос. Я говорю, что не видел драки, а когда зашел в раздевалку, обнаружил лишь мирно беседующих осужденных. Зуй и Умед косвенно подтверждают мою версию, и меня отпускают в барак... Оперативник покажет мне объяснительную, написанную Умедом, где тот доверительно сообщает администрации причину конфликта: «Зуев с Переверзиным обсуждали, как хорошо было бы выпить бутылку водки и перерезать половину отряда». У меня нет слов...

Зуй с Умедом возвращаются в отряд через десять дней, которые они проведут в ШИЗО. Умед несколько дней не смотрит в нашу сторону и не здоровается. Мы живем своей жизнью и тоже делаем вид, что его для нас не существует. Однажды ко мне неожиданно подходит

парламентарий — один осужденный, мой товарищ по занятиям в спортгородке. Немного помявшись, он скажет:

«Умед просил тебе передать... Скажи, мол, Иванычу, что он хороший еврей».

Я не сразу понимаю, о чем идет речь. Но секунду спустя осознаю, что таких комплиментов мне не делали ни разу за всю мою жизнь. С тех самых пор я стал хорошим евреем.

* * *

В один из выходных дней в клубе колонии проводится массовое воспитательное мероприятие. Осужденным демонстрируется фильм «Россия с ножом в спине». Через расположенную на территории колонии церковь фильм попадает на зону вместе с православной литературой. Церковь построена руками и на деньги осужденных и названа в честь канонизированного Александра Невского — к слову сказать, весьма сомнительной личности. И расплавленный свинец он лил в рот своим единоверцам — тем, кто осмеливался слово сказать против татаро-монгол, и на коленях полз на поклон к хану монгольскому... Но, впрочем, речь сейчас не о нем, а о фильме. Его создатель, Константин Душенов, именно за этот фильм был осужден по статье 282 (разжигание межнациональной розни) и приговорен к трем годам колонии-поселения, а его творение было признано экстремистским. Фильм в колонии имел оглушительный успех. Его показывали несколько раз, но потом (не без моего участия) сняли с проката. Но он успел принести свои плоды, так как идеи, в нем изложенные, попали на благодатную почву. Не могу не процитировать некоторые выдержки из фильма: «Состояние Абрамовича каждую минуту увеличивается на пять тысяч долларов США, в то же время каждую минуту в России умирает один россиянин. Значит, смерть каждого россиянина приносит Абрамовичу пять тысяч долларов...» Таких «логических» умозаключений фильм содержит бесконечное множество, на чем, собственно говоря, и основан. Не буду пересказывать все реплики заключенных после просмотра этого фильма, но поверьте, некоторые особо агрессивно настроенные зэки (осужденные, кстати говоря, за разбой и убийства), неожиданно осознав первопричину своих бед, предполагали продолжить свою деятельность после освобождения исключительно по национальному признаку, о чем и публично заявляли, и клялись замочить по одному, а то и по несколько представителей иудейской веры.

Ты живешь с этими людьми в одном помещении, бок о бок, слышишь их комментарии, разговоры. Однажды я не выдерживаю и вежливо спрашиваю одного воинствующего антисемита из Литвы по фамилии Прижевойтс: «Скажи мне, пожалуйста, а что тебе конкретно сделали евреи?» Человек впадает в ступор, долго думает и выдает следующую фразу: «Они владеют всем золотом мира!»

Евреев здесь не любят. Москвичей тоже. Всегда удобно во всех своих несчастьях обвинить кого-то другого. Ты всегда находишься с этими людьми в одном помещении, в одном бараке и вынужден с ними общаться. Людей с подобным мировоззрением, людей, желающих сбросить атомную бомбу на Москву, чтобы жизнь во Владимирской области стала лучше, в колонии находится очень много.

* * *

Я всегда был далек от национального вопроса. Родился в Москве в 1966 году. Мама, Корюхина Зоя Сергеевна, — уроженка Рязанской области, папа, Переверзин Иван Иванович, родом из далекого села Алтайского края. Детство и юность я провел в безмятежном неведении о существовании национального вопроса, абсолютно не задумываясь об этом, хотя относился к титульной нации, к большинству. В более зрелом возрасте, придя к справедливому выводу, что у подлецов, мерзавцев и негодяев национальности не существует, с удивлением обнаружил, что в абсолютном выражении по количеству мерзостей и пакостей, в том числе и самим себе, равных представителям титульной нации у нас нет...

Играют два мальчика, один из них — сын моего друга. Играют долго, хорошо общаются. Вдруг старший из них доверительно сообщает сыну моего друга: «Знаешь, а я евреев ненавижу». На что последний с гордостью отвечает: «Знаешь, а я как раз и есть еврей». Дружба, слава Богу, на этом пока не закончилась.

* * *

Я считаю себя православным человеком, но в церкви, которая находится в колонии, не был ни разу. Чтобы туда попасть, надо записаться у дневального отряда. Он составляет списки и относит их в штаб. Списки утверждаются начальниками оперативного и режимного отделов. Далее осужденных, предварительно обыскав, строем выводят в церковь, а по окончании службы таким же образом возвращают в отряд.

Глава 37

Прощай, третий отряд!

Я нахожусь в третьем отряде уже больше года. Забыт карантин, хотя ежедневно я вижу марширующих эков. Пообщавшись с осужденными, проживающими в других отрядах, я прихожу к выводу, что хуже третьего отряда — только карантин и СУС (строгие условия содержания). Бронированный, как называют осужденные начальника отряда майора Кузьмичева, изрядно омрачает и без того безрадостную картину жизни отряда. Месяц, когда он уходит в отпуск, осужденные проводят в радости и согласии. Нет, режим не меняется. В барак так же без конца заходят контролеры, нельзя лежать и тем более спать на кроватях. Но атмосфера заметно улучшается, и дышать становится легче. Нет человека в офицерских погонах, который ходит, высматривает, выискивает, к чему бы придраться. Некоторые эки по-своему шутили над майором, специально оставляя под матрасом грязные изношенные носки. «Зачем я буду их сам выбрасывать? — бахвалились они. — Кузьмичев придет и утащит». Он действительно приходил с мешком и складывал туда вещи, неосторожно оставленные заключенными на спальных местах. Часть похищенных вещей можно было получить обратно у него в кабинете, написав объяснительную и прослушав лекцию.

Я не понимал, для чего он вообще нужен. Какие функции и задачи он выполнял? От него, на мой взгляд, исходил только безмерный вред. Ну убери ты таких горе-сотрудников,

которых здесь большинство, повысь зарплату другим, более-менее нормальным. А таких, как наш отрядник, самих лечить надо, а не то что направлять других перевоспитывать... Меня всегда интересовал вопрос: а какие они там, по ту сторону колючей проволоки, во внерабочее время? Как они ведут себя на свободе, с обычными людьми? Наш экземпляр был не женат и проживал с мамой в городе Коврове.

Сейчас, когда я пишу эти строки, я испытываю жалость к этому несчастному. Но когда он оформлял злосчастное взыскание, лишая меня шансов на УДО, я испытывал к нему чувство лютой ненависти и презрения. Факт, что от этого человека зависело мое освобождение, меня возмущал и коробил.

Я давно поставил себе цель — перевестись из третьего отряда. Находясь в профилактории, я успел обрести нужными связями и познакомиться с местной «знатью» — завхозами нескольких отрядов. Артур К., завхоз первого отряда, осужденный за убийство, предложил мне перевестись в его отряд. Зуева туда не брали как склонного к побегу. Мне не хотелось расставаться с Андреем, но, понимая, что в третьем отряде у меня жизни не будет, я дал согласие и написал заявление.

В первом отряде проживает бригада по производству тротуарной плитки и шлакоблоков. Там освобождается одно место. Я успешно прохожу собеседование с бригадиром, молодым розовощеким парнем с заплетающимся языком. Вася меня сразу предупреждает, что все мужики у него в бригаде работают одинаково и никто не имеет никаких поблажек. Я согласен на все, лишь бы уйти из третьего отряда. Одна радость — работа сезонная. Зимой наша продукция никому не нужна, и поэтому декабрь, январь и февраль работяги сидят в отряде и занимаются своими делами. Мне всегда есть чем заняться, и я радуюсь таким перспективам.

Артур устраивает все лучшим образом. Он дружен с оперативником — майором Власовым, которого навещает каждый день. Майор, поинтересовавшись у Артура «А что, Переверзин правда собирается там работать?» и получив утвердительный ответ, визирует мое заявление. Он знает, что я буду в надежных руках, под надзором его агента, и каждое сказанное мною слово будет известно в штабе. Мое заявление ложится на стол начальнику колонии, который, не глядя, ставит свою подпись на визу оперативника.

В один из дней на проверке я не слышу своей фамилии. К моей великой радости, моя учетная карточка перекладывается в другой отряд. Майор Кузьмичев нервничает и рвет в штаб. Ему почему-то не очень хочется со мной расставаться. Но уже поздно. Приказ о моем переводе в другой отряд подписан, изменить ничего нельзя. Операция по моему переводу была проведена в обстановке строжайшей секретности. Если бы об этом заранее стало известно нашему начальнику отряда и его подручным из числа осужденных, то не избежать бы мне серьезных пакостей, и остался бы я навечно в третьем отряде как склонный к побегу...

Я опять временно счастлив. Мне грустно расставаться с Зуевым, но ничего не поделаешь. Мы будем иногда видаться и общаться. Сейчас мы пьем чай и собираем мои вещи. Прощаемся. Внизу у локального сектора меня ждет дневальный первого отряда, который помогает донести до барака сумки с вещами.

Глава 38

Приличные люди из первого отряда

Серое трехэтажное здание примыкает к стадиону колонии, на котором проводятся всевозможные спортивные мероприятия. Стадион с высокой оградой представляет собой странное зрелище. Решетка, местами залатанная листами железа, а местами арматурой, отделяет стадион от общей территории колонии. Вход на стадион — через огромные железные ворота. Покрытие стадиона не менее жуткое, чем его ограждение. Изначально бетонное, оно изгрызено временем и непогодой. Бесчисленные ямы, кое-где засыпанные щебнем или залитые асфальтом, не избавляют осужденных от опасности получить травму во время очередных игр. Руины огромного полуразрушенного цеха, виднеющегося с промзоны, довершают печальную картину. У меня сложилось впечатление, что когда-то на территории колонии велись боевые действия, очевидно, завершившиеся победоносным налетом вражеской авиации, который и поставил точку в этой неизвестной войне. Я вспомнил пленных немцев, построивших этот лагерь. С тех пор здесь мало что изменилось...

Стадион занимает значительную часть моей жизни. Каждое утро под музыку здесь проводится зарядка. Три сотни эков в черном, в предрассветный час приседающие и машущие руками под классическую музыку, производят странное и незабываемое впечатление. Два раза в день на стадионе проводится проверка. Осужденных строят и пересчитывают, проверяя их наличие. Три раза в день на этом месте эки строятся по отрядам и шествуют в столовую.

Я захожу в здание. Здесь на каждом этаже расположено по отряду. На первом находится первый отряд, на втором — девятый, на третьем — шестнадцатый, где живут осужденные, работающие на швейном производстве. Дневальный Саша по прозвищу — точнее, с погонялом — Хмырь проводит экскурсию по отряду. Надо отметить, что в тюрьме нет прозвищ и кличек, ибо таковые имеются только у кошек и собак: в местах лишения свободы имеет место быть только погоняло. Что, впрочем, сути не меняет. По сравнению с третьим отрядом это пятизвездочный отель. Я вижу чистый умывальник, где есть горячая вода, вижу белые унитазы... Мне уже здесь нравится.

Хмырь — молодой парень небольшого роста, рецидивист, за что и попал на строгий режим. Сидит по редкой здесь статье — кража металла, за что его называют металлистом. Природа щедро одарила его физическими данными. Хмырь крутится на турнике без остановки и подтягивается бесчисленное количество раз. В юности он крутил солнце сто тридцать раз за один подход. Тренировал вестибулярный аппарат, часами катаясь на аттракционах. Потехи ради по кабелю перебирался с девятиэтажного дома на соседний пятиэтажный. На всевозможных празднествах Масленицы, участвуя в конкурсах, забирал первые призы. Хмырь без особых усилий взбирался на столбы и получал заслуженные награды. Ему бы в цирке выступать или в космонавты пойти, а он... Кусачки в зубы и... на любимые столбы для линий электропередачи. На следственном эксперименте Хмырь гордо продемонстрирует свое мастерство удивленным милиционерам. На один столб у него уходило двадцать пять секунд. Взобраться, перекусить провода и вернуться на землю. У него был установлен личный рекорд — три километра проводов за одну ночь. Без допинга, правда, не обходилось. Хмырь категорически не признает наркотики и предпочитает натуральные

продукты — чистый медицинский спирт и родниковую воду. Благо мама работает в аптеке. Выпьет стакан — и на дело. Прошел квартал, смотал добычу в бобину, спрятал в лесу и опять за допингом. После чего за дело. И так всю ночь...

Публика здесь попрличнее, чем в третьем отряде, — прихожу я к неожиданному и приятному выводу.

Меня селят на почетное, нижнее место у стены. Теперь мне не придется спать на одном боку, чтобы во сне случайно не уткнуться в лицо спящего на соседней шконке, вплотную придвинутой к твоей. Надо мной пустая шконка, где никого нет. Мне достается персональная тумбочка, где я могу хранить свои припасы. В соседях по проходняку оказывается уже знакомый мне новый начальник — бригадир Вася, осужденный по самой популярной в колонии статье 105 часть 2 (убийство). Вася — добрый малый. Он щедро угощает меня чаем и многочисленными продуктами. Поздний ребенок в семье, он горячо любим родителями и старшей сестрой. Организованный его папой бесконечный караван посылок и передач никогда не останавливается. У его папы, егеря в местных лесах, хорошие связи. Начальство УФСИН Владимирской области, любящее порезвиться в лесу, становится постоянным клиентом егеря. В обмен Вася получит УДО (и так вполне им заслуженное), в ожидании которого ему дарована возможность есть самодельную тушенку, сделанную из убитой на охоте дичи.

Сезон работы еще не наступил, и я коротаю время в отряде. Книги и занятия спортом увлекают меня, я немного оттаиваю и прихожу в себя после третьего отряда. В отряде такой же режим, но нет той шизофрении, что присутствовала в моей прошлой обители. Начальник отряда, майор, из-за сокращения в рядах вооруженных сил прибил к тюремной системе и ждет пенсии. Он — вполне приличный человек, уважаемый эками. Никто не позволяет себе лишнего — ни эки, ни он сам.

Постепенно я знакомлюсь с многочисленными обитателями барака. Все они работают. В соседнем проходе устроились рабочие пекарни, днем и ночью вкалывающие на благо всей зоны. Напротив спят рабочие ремонтной бригады, устраняющие (порой в авральном режиме) многочисленные неполадки. Ломается все, всегда и везде. Нет то воды, то света, то и того, и другого сразу. Ремонтники никогда не сидят сложа руки.

Это были мои самые счастливые дни. Каждый день я иду в спортгородок. Турник, брусья, штанги, гантели — все идет в дело. Я занимаюсь до изнеможения. Все проблемы уходят на задний план, я строю планы на будущее. Спорт помогает мне выжить.

Я знакомлюсь с Димой. Двадцатидвухлетний громила ростом под два метра собирает все веса в одну кучу и с легкостью ворочает чудовищные штанги. Этим делом он увлекался на свободе, где качался. Выращенный бабушкой в деревне на всем натуральном, он очень любит сметану и молоко. Природа, с одной стороны, наградила его ростом и физической силой, а с другой — сделала не очень сообразительным. В поселке, где он жил, работал единственный зал игровых автоматов, который Дима решил ограбить. Надев маску и взяв в руки бейсбольную биту, он пошел на дело. С ходу оглушил охранника и забрал всю выручку. Немного — около пяти тысяч рублей. Я удивляюсь, как Дима с его силищей не убил несчастного. Несомненно, повезло обоим. Налетчика искали недолго. Через пару часов Диму

вычислили и пришли к нему домой. Под описание разбойника в поселке подходил только один человек...

В колонии Дима трудится в автосервисе и неплохо себя чувствует.

Глава 39

Раб на галерах

Василий знакомит меня с другими членами нашей дружной бригады. Все как на подбор осуждены за убийства. Сережа К., Васин земляк, застрелил из охотничьего ружья своего оппонента. Илья тоже грохнул кого-то по пьяни. Мне со своими «украденными тринадцатью миллиардами» даже как-то неловко перед ребятами... Из них я самый старший, мне сорок четыре. Скоро, по весне, потребуется наша продукция. Я еще не представляю, что меня ждет, и продолжаю в блаженном неведении витать в облаках и наслаждаться своим пребыванием в отряде. Витать остается недолго.

Не успевает растаять снег, как у нашей бригады появляются заказы. Похоже, администрация колонии имеет на нас особые планы. Завтра нас выводят на работу.

Мой первый рабочий день. Подъем, разминка, то есть зарядка. Завтрак. Развод на работу.

* * *

Какой-то осужденный, пытаясь оспорить законность правил внутреннего распорядка, обязывающих эков делать зарядку, написал жалобу в Верховный суд. На что Верховный суд ответил: «В соответствии с конвенцией ООН о правах человека каждый осужденный имеет право на занятия спортом. Зарядка — это реализация такого права!» Надзиратели внимательно следят за соблюдением этого «права». Откажешься — будешь избит и брошен в ШИЗО. Каждое утро во время зарядки я вижу кого-нибудь из администрации колонии, лениво прогуливающегося по стадиону и наблюдающего за соблюдением наших прав. Особенно лютовал один младший лейтенант. Он внимательно следил, чтобы у всех были застегнуты пуговицы и опущены воротники на телогрейках. Уверен, что за зоной он вел себя тише воды ниже травы. Скидывал форму и становился другим человеком, которого легко не заметить.

Я давно обратил внимание на то, что чем собака меньше, тем она больше лает. Порой бежишь по Битцевскому лесопарку и, увидев здоровенную собаку, например, овчарку или ротвейлера, невольно сбавляешь темп. А она даже носом не поведет, не посмотрит в твою сторону. Маленькая же собачка будет гавкать и долго бежать за тобой.

В местах лишения свободы водились не только маленькие, но и большие собаки, способные нанести серьезный вред человеку. Здесь с людьми происходят странные метаморфозы. Бывший начальник колонии Новиков, будучи в чине подполковника, приказал своему крепостному, то есть осужденному, написать огромный портрет. Тот неплохо рисовал и под мудрым руководством хозяина изобразил последнего на белом коне в генеральском мундире с девочкой на руках. Девочка — дочка начальника колонии.

В каждом отряде на стенах висят стенды с разнообразной информацией для заключенных. Адреса правозащитных организаций и прокуратуры по надзору за соблюдением законов в местах лишения свободы больше интересуют местных сотрудников и предназначены для приезжающих комиссий. Ни одна жалоба не покинет стены колонии без ведома оперативного отдела. Разглядывая стенд, я с удивлением узнаю, что в УФСИН Владимирской области есть сотрудник, отвечающий за соблюдение прав заключенных. Это целый полковник с очень подходящей фамилией — Секрет Василий Иванович. За пять лет моего пребывания во Владимирской области для меня так и осталось секретом, чем занимается этот полковник...

* * *

Осужденные строятся перед железными воротами промышленной зоны, за которыми я еще ни разу не был. Нарядчик, обычный осужденный, пользующийся особым доверием у администрации, составляет списки работающих и отдает их милиционерам. Те, называя фамилию, перекладывают твою учетную карточку в соответствующее место. Карточка всегда следует за тобой. Один зэк — одна карточка. Просто и надежно, и никаких компьютерных записей. Так было сто лет назад, и так будет всегда. Перед воротами тебя ожидает шмон. Сонные милиционеры проверяют, нет ли у тебя с собой чего лишнего.

В некоторых колониях развод на работу происходит под звуки оркестра, сколоченного из числа осужденных. Играют «Прощание славянки» или иной бравурный марш. Слава Богу, в Мелехово до этого пока не додумались.

Впервые я ступаю на эту территорию. Примерно так я представлял себе Сталинград после великой битвы. Огромные полуразрушенные цеха. В советские времена здесь находился филиал Владимирского тракторного завода. Зброшен цех, где делали обмотку электродвигателей. В нем и сейчас можно увидеть запылившиеся электродвигатели, еще не растащенные на цветмет.

Всеобщая разруха и бардак царят здесь не только в цехах, но и, как сказал великий Булгаков, в головах. Возглавляет это хозяйство майор с подходящей фамилией Ошибкин.

В наше распоряжение отдан бывший гальванический цех. К нему ведет дорога, поднимающаяся в гору. По пути ты видишь заборы, отделяющие колонию от свободы, видишь колючую проволоку. Видишь лес. Грибные места привлекают многочисленных собирателей, и я представляю, какой живописный вид им откроется, когда в поиске очередного белого они выйдут на опушку леса перед нашим «царством». Я понимаю, почему на промзону не выводят осужденных, склонных к побегу.

Огромное неотапливаемое помещение с протекающей крышей производит зловещее впечатление. Высота потолков под тридцать метров — вверху я вижу многочисленные гнезда ласточек. Совсем скоро они вернуться в цех и будут весело летать и подбадривать нас своим щебетом. Цех поделен на две части. В одной половине работает мини-производство металлических изделий. Официально здесь делают металлические шкафчики, а неофициально — разборные мангалы для шашлыков. Весьма симпатичный мангал

представляет из себя чемоданчик из нержавеющей стали, который легким движением руки мгновенно трансформируется в устройство для жарки шашлыков. Эксклюзивная продукция пользуется постоянным спросом. Я то и дело видел людей в форме, выходящих из нашего цеха с железными чемоданчиками в руках.

Наша половина цеха заполнена огромными кучами песка и щебня, которые регулярно завозятся самосвалом ЗИЛ, свободно заезжающим в цех. Недалеко от куч размещается бетономешалка, а в конце цеха стоит вибростол для производства тротуарной плитки. Свободное пространство позволяет разместить на полу цеха двести тридцать шлакоблоков и полторы тысячи пластмассовых формочек для тротуарной плитки разной конфигурации. Это фронт наших работ.

Еще темно, еще нет семи утра, и я, несмотря на многочисленные утренние процедуры, еще не полностью проснулся. Но рабочий день начался. Утро начинается с разминки. В небольшой комнатенке мы переодеваемся в старую рабочую одежду и идем за цементом на склад, где под семью замками и запорами хранится необходимый нам стройматериал. Загружаем трактор. В телегу влезают восемьдесят мешков по пятьдесят килограммов. В довесок летят еще несколько мешков с красителем и один с надписью «Пластификатор. Ядовито». Вася залезает в телегу, где принимает и укладывает мешки, которые мы втроем подтаскиваем. Я притащил двадцать восемь мешков. Нести недалеко, метров пятнадцать. Но каждый мешок надо аккуратно взять, водрузить на себя, донести и выгрузить на трактор. Двадцать восемь раз по пятьдесят килограммов. Суммарно почти полторы тонны. Трактор заезжает в наш цех, где мы повторяем все действия в обратном порядке. На мою долю выпадают те же полторы тонны цемента. Никто не сачкует, все работают. Снаружи я быстро покрываюсь цементной пылью, часть которой оседает в моих легких. Я чувствую, что, несмотря на холод, тело покрывается испариной, и я скидываю телогрейку.

Это была легкая разминка. Теперь надо заполнить бетономешалку водой, щебнем и песком. Все переносится в ведрах, сделанных из сорокалитровых банок из-под краски. Принес два ведра воды — вот тебе еще восемьдесят килограммов. Один из нас берет лопату и наполняет ведра щебнем и песком. Мы дружно заполняем драгоценный сосуд нужными ингредиентами и заводим машину. Пока бетономешалка работает, мы отдыхаем. Смесь готова. Стоп, машина! Под бетономешалкой поддон, куда сливается цемент. Совковыми лопатами мы быстро наполняем тачку смесью и везем ее к машине для производства шлакоблоков. Машина эта — агрегат еще тот! Рассчитана на четыре шлакоблока сразу. Закидал в нее раствор, завел, поднял противовес килограммов в двадцать, а через минуту дребезжания и механической утряски цемента опустил и опять поднял. Свинцовый груз выдавит из формы заготовку. И ты едешь дальше. А на месте останутся четыре шлакоблока, напоминающие куличики — как в детской песочнице.

Но есть нюансы: куличик может развалиться, если раствор жидковат или наоборот — суховат. Он развалится, если противовес поднять слишком быстро или слишком медленно. Руки быстро привыкают к работе, и все куличики остаются целехонькими. На четыре шлакоблока уходит полторы тачки цемента. Загрузил, привез, выгрузил. Постепенно свободное пространство цеха заполняется свежесделанными шлакоблоками. В

бетономешалке быстро заканчивается раствор. Опять лопата, ведра, вода, песок, щебень. Я сбиваюсь со счета, сколько я всего перетаскал и перекидал.

Перекур десять минут. Можно выпить чаю. Администрация идет своим рабам навстречу и великодушно разрешает на рабочем месте пользоваться кипятильником и пить принесенный с собой чай. Скоро обед. «Еще час продержаться, а там до конца смены рукой подать!» — с облегчением думаю я. До обеда мы успеваем вылепить еще штук тридцать шлакоблоков. Пронзительный вой сирены прерывает наши упражнения, и мы идем на обед. Я чувствую голод и мигом сметаю поданную баланду. И первое, и второе. Хлеб съедается без остатка. Все уместается в двадцать пять минут, за которые я немного прихожу в себя.

Мы возвращаемся в цех. Бесконечный производственный цикл продолжается. Звук машины звенит у меня в ушах, даже когда ее выключают. Каждые десять минут я с вожделием поглядываю на часы. Тридцать минут, двадцать минут, десять минут до окончания смены. Ура! Три часа дня! В соседнем цехе можно быстро принять душ и переодеться. Заканчивается моя первая рабочая смена, и я еле живой возвращаюсь в отряд. Завтра меня ждет тротуарная плитка.

Несмотря на уверения Васи, что на следующий день у меня будет все болеть, я просыпаюсь в добром здравии. Меня очень интересует вопрос о скрытых ресурсах человеческого организма, и я прикидываю, сколько сможет выдержать мой...

Следующее утро ничем не отличается от предыдущего. Подъем, зарядка, завтрак, развод на работу. Радует то, что сегодня не будет разминки — цемента хватит больше чем на неделю. Шлакоблоки сохнут несколько дней, и их увезут на третьи сутки. За это время нам нужно налепить как можно больше облицовочной и тротуарной плитки. Работа эта более тонкая, чем производство шлакоблоков. Щебенку надо просеять через специальное сито, чем мы и занимаемся.

В остальном технология похожа. Ведрами заполняется бетономешалка. Песок, щебенка, вода, щебенка, песок. У меня рябит в глазах от постоянных перебежек с ведрами. Готовится раствор, в него добавляется ядовитый пластификатор и краска. Готовая смесь лопатами перекидывается в тачку и везется к вибростолу. На стол выкладываются пластмассовые формы, смазанные отработанным маслом, которое в неограниченных количествах поставляется нам из местного автосервиса. Включается мотор, и стол начинает вибрировать мелкой дрожью, утрамбовывая изделия. Глубокие формы идут на тротуарную плитку, в мелких, глубиной по два-три сантиметра, изготавливается облицовочная плитка. Мы заливаем все формы и относим их в сторону, где они будут сохнуть несколько дней. К тому моменту, когда мы заливаем все формы, высыхают шлакоблоки. Пока мы делаем новую партию шлакоблоков взамен увезенных, подсыхает тротуарная плитка. С ней надо еще повозиться — каждый кирпичик нужно аккуратно вытащить из формы, а саму форму почистить и смазать маслом. Процесс бесконечен: не успев закончиться, все начинается заново.

Тротуарная плитка пользуется бешеным спросом. Похоже, ею решили вымостить всю зону. Шлакоблоки тоже идут нарасхват. При изготовлении очередной партии начальник цеха, лейтенант, просит нас особо постараться, так как эта партия пойдет бывшему начальнику

колонии Новикову, тому самому, что на белом коне на портрете... Мы не знаем, как расстараться, хочется разве что плюнуть в бетономешалку. Мне приходит мысль вложить в бетон какую-нибудь записку или поставить на готовый кирпич собственное клеймо — ЮКОС, например. Мы на ура выдаем эту партию, ни на грамм не отклонившись от технологии. Облицовочную плитку тоже вырывают из рук.

Месяц пролетает как один миг, и я получаю первую зарплату — восемьсот рублей... С возмущением и негодованием я узнаю, что мы не выполняем нормы выработки, умышленно завышенные. В стоимость шлакоблока заложена наша зарплата — четыре рубля на четверых. Руководство колонии продает эти шлакоблоки на волю по тридцать семь рублей за штуку. Неплохая рентабельность! За счет использования рабского труда руководство колонии получает приличную прибыль. Это массовое явление как заразная болезнь охватило всю систему. При этом сотрудники ФСИН, ненавидящие эков и не считающие их за людей, живут исключительно за счет последних. Не будет осужденных — и пропадут ведь люди, не привыкшие к иной жизни!

Я предлагаю модернизировать наше убогое производство: перенести бетономешалку поближе к вибростолу и источнику воды, откуда можно будет заполнять емкость шлангом. Бригадир Васе не нравится эта идея, а мое предложение сходить к начальнику производства майору Ошибкину самому воспринимается им как попытка его подсадить и захватить власть в бригаде, став ее официальным руководителем. Вася вкалывает наравне со всеми, я тоже не отстаю, а порой работаю даже больше других. Серега, Васин земляк, рассказывает мне о подозрениях бригадира. Я успокаиваю молодого и честолюбивого Василия и честно говорю, что меня не интересует карьерный рост в бригаде, что я готов, не ропща, делать все, что он мне скажет.

Мы продолжаем работать. Можно было бы сбавить темп, делать поменьше плитки, но Вася все гонит и гонит. Что им двигало? Непомеренные амбиции, стремление выслужиться? Я так и не понял его мотиваций. Серегу очень возмущало такое поведение своего земляка. Как-то мы тихо сидели и умиротворенно доставали из форм облицовочную плитку. Делать это было непросто. Наливалась ванна с горячей водой, куда складывались готовые формы. Держа форму под водой, нужно было слегка выгнуть пластмассовую форму и вытащить плитку. Иногда плитки лопались. Вася решил провести эксперимент и сократил время сушки. В руках Сереги плитки ломались одна за другой. Бригадир решил сделать Сереже замечание. С этой секунды время пошло как при замедленной съемке. Серега вскочил и схватил лопату. Замахнулся. Вася не успел встать и полностью выпрямиться, как лопата обрушилась на его голову. В последний миг Васе удалось увернуться, и лопата со свистом ударила его в плечо. Серега замахнулся для следующего удара. Я увидел себя как бы со стороны, прыгающего на Сергея. Мне хватило сил отнять у него лопату и скрутить его. В самый кульминационный момент этой сцены в цех зашел завхоз профилактория Мартын в сопровождении дневального. Они пришли за облицовочной плиткой, а стали свидетелями душераздирающей картины. Непрошенные зрители застыли с открытыми от изумления ртами...

* * *

Разжалась пружина, наружу выплеснулось все, что накопилось. Сказались бесконечные унижения, издевательства, маршировки, этапы. Сорвался человек, не выдержал. Я сам очень боялся вот так сорваться. Одному Богу известно, сколько и чего во мне накопилось. Бессовестный и несправедливый суд, потеря отца, чудовищный срок... Ты все время себя сдерживаешь. Сдерживаешь свой гнев и возмущение, не говоришь то, что хочешь сказать. За годы накопилось очень много всего, что лежит снежной лавиной и ждет своего часа для схода...

Многие не могли поверить, что «подельник» самого Ходорковского, главный финансист ЮКОСа, укравший миллиарды, горбатится со шлакоблоками и тротуарной плиткой. Некоторые сотрудники колонии специально приходили поглазеть на меня. Увидев грязного осужденного в цементной пыли и песке, они, удовлетворенные увиденным, уходили по своим важным делам.

Глава 40

Ошибка производства

После произошедшего инцидента Сергея переводят в третий отряд, а к нам в бригаду вливается новый зэк. Мы продолжаем свои трудовые подвиги. Суббота и воскресенье — выходные. Я знакомлюсь с промышленной зоной. Сразу за воротами, у входа располагается огромный швейных цех, подходы к которому вымощены плодами моего труда. Заглянув внутрь помещения, я вижу многочисленных осужденных, склонившихся за швейными машинками. В помещении с тридцатиметровыми потолками они кажутся необычайно маленькими и напоминают муравьев. Здесь шьют все необходимое для системы — форму для милиции и заключенных. Посередине цеха торчит вышка с надзирателем внутри — он наблюдает за шьющими зэками. Напротив нашего ангара работает цех по производству обуви — для милиции и осужденных. В ста метрах от него виднеется цех по деревообработке, где строгают рамы для окон, двери и прочие деревянные изделия.

Неожиданно под навесом рядом с нашим цехом появляется странный аппарат. Он по своему красив и даже изящен. Из железяки размером метра три в длину рядами торчат многочисленные крючочки из нержавеющей стали. Я с интересом начинаю изучать этот неопознанный объект и теряюсь в догадках насчет его назначения. Очевидно, что он не летающий... Мой приятель, осужденный из девятого отряда, работающий мастером на швейном производстве, раскрывает загадку. Миша — москвич с высшим образованием, инженер, рассказывает мне следующую историю. Оказывается, майору Ошибкину в голову пришла идея наладить в колонии производство чулок и носков, для чего в Иваново была куплена списанная чулочно-носочная машина. Съездили, купили, привезли. Но не смогли наладить и завести. Ну не хочет машина плести носки и чулки, что поделаешь! Может, в Мелехово климат не тот, или что-то другое мешает. Идея, как и машина, вскоре была заброшена, а я получил возможность каждый день лицезреть чудесный экземпляр производственного дизайна. Миша делится со мной еще одной историей. Его однажды попросили подключить какой-то агрегат. Миша рисует схему, со знанием дела рассказывает, что надо сделать, что следует купить. Главное, нужно десять метров медного провода определенного сечения, говорит он. Майор решает сэкономить — вместо медных покупает алюминиевые провода.

Сгорает все — провода, аппарат, а заодно и небольшое помещение. Ошибкин, бывший начальник отряда и воспитатель осужденных, волей судьбы брошенный руководить тюремным производством, остается целым и невредимым.

Здесь действительно живешь в другом измерении, в зазеркалье. И все происходящее вокруг кажется большой ошибкой...

Глава 41

Мертвые души

Колония продолжает жить своей зазеркальной жизнью. Неожиданно я узнаю, что в ШИЗО сажают старшего нарядчика. Нарядчик в зоне — фигура видная и значимая. Он делает много полезного для сотрудников колонии и за них. За это ему дано право жить в нарядной — служебном помещении, где он делает всю работу по учету и передвижению многочисленного населения колонии. Ему разрешается иметь телевизор, магнитофон, электрическую плитку и чайник. Нарядчик наслаждается всеми перечисленными благами, неслыханными для простых заключенных, вполне заслуженно — он загружен работой. Ему простили бы и мобильный телефон, запрещенный здесь под страхом смерти. Но происходит что-то из ряда вон выходящее... В колонии есть много штатных должностей для осужденных. Часть из них остаются вакантными. Сообразительный Костя официально оформил на эти должности нескольких зэков, которые, не работая, стали получать зарплату. Регулярно у тюремного магазина он забирал свою долю продуктами...

Оперативники вычислили банду расхитителей. Кто-то из сообщников, недовольный своей долей, возмутился, и информация пошла в оперативный отдел. Преступники пойманы. Костю изгнали из нарядчиков, долго били и посадили в ШИЗО. Меня потрясла формулировка постановления о его водворении в штрафной изолятор. «За драку» — однозначно гласила бумага.

Осужденных, которые дрались на самом деле, что частенько случается в отрядах, сажали в ШИЗО с формулировкой «за курение в неположенном месте». Одного осужденного, моего соседа по производству, делающего мангалы, посадили в изолятор за «нецензурную брань и пререкания с администрацией». Так был обозначен проступок зэка, посмевшегося поставить и испробовать брагу...

Почему нельзя называть вещи своими именами, я так и не понял. Очевидно, это симптом одной болезни, охватившей всю систему. Кто сказал, что система не исправляет?!

Здесь очень хорошо учат врать, обманывать и лицемерить...

* * *

Я ни секунды не жалел о том, что попал на производство, вырвавшись из третьего отряда. Несмотря на многие минусы, я видел и плюсы. Атмосфера в отряде была значительно лучше, да и режим помягче. Запретив осужденным все, что только можно, администрация иногда позволяла осужденным вздохнуть. После проверки, с 16:30 до 17:30, осужденным негласно позволялось лежать на кроватях.

После очередного тяжелого рабочего дня я сижу в проходняке и, попивая чай, мирно беседую с Васей. Он добрый и трудолюбивый парень, но подвела его чрезмерная любовь к спиртному. В пьяном угаре разгорелся спор, в котором Василий поставил окончательную точку, зарезав оппонента. О чем спорили, он не помнит или не хочет говорить...

* * *

Ты можешь как раб вкалывать на промке, быть примерным эком, иметь поощрения, но это ничего не значит. По просьбам осужденных я лично писал многочисленные ходатайства на УДО, а потом видел немотивированные отказы. И колония ходатайствует за заключенного, и срок небольшой он хочет оставить, и поощрения за труд в личном деле имеются. Ан нет! Судья посмотрит-посмотрит и спросит: «Почему в художественной самодеятельности не участвовал? Не пел, не плясал?» И откажет в УДО! Я видел слезы на глазах взрослого мужика, который несколько лет вкалывал в пекарне сутками напролет за две тысячи рублей в месяц. Работа адская — жара, мешки с мукой, подносы с хлебом. Выдержит не каждый. Олегу откажут в УДО на том основании, что у него не было поощрений за участие в художественной самодеятельности.

«Как же так? — процедит он сквозь зубы. — Работаю посменно, по ночам. Когда мне в художественной самодеятельности участвовать? Что еще им надо? Сволочи!»

Глава 42

Серые будни

Я продолжаю жить в первом отряде. Надо отдать должное Артуру — он ничего с меня не просит и не вымогает. Он передает мне слова оперативника о строжайшем запрете брать от меня широко распространенную в колонии гуманитарную помощь. Как лицо, заинтересованное в улучшении условий жизни в отряде, я по собственной инициативе делаю Артуру предложение купить для отряда холодильник и телевизор. Мы успешно проворачиваем операцию по приобретению необходимых предметов, к которым я вроде бы не имею никакого отношения. Моим делом было лишь организовать перевод необходимой суммы родственникам одного осужденного, а они уже организовали доставку товара от своего имени.

Передо мной забрезжили радужные перспективы. Появилась надежда сменить профессию и сферу деятельности. Нет, библиотека и школа по-прежнему были недоступны, но представилась возможность стать рабочим хозяйственного двора. Мой спаситель Артур делает головокружительную карьеру в колонии — становится комендантом. Теперь он отвечает за обустройство жилой зоны колонии. Ремонт, побелка, покраска — его задачи. Поскольку в колонии ломается все и всегда, Артур становится востребованным и нужным администрации эком. Его задача — организовать осужденных и тем самым облегчить жизнь тюремному начальству. Хоздвор — ведомство Артура. Разгрузить машину с краской или плиткой, предназначенной для ремонта бараков, или машину с любимыми мною мешками с цементом — обязанность приписанных ко двору рабочих. Откопать и закопать прорванную трубу, почистить снег, починить крышу на библиотеке, починить отвалившуюся от старости

дверь, спилить старое дерево, угрожающее упасть на головы осужденных, выложить тротуарную плитку — далеко не полный перечень обязанностей немногочисленной бригады. Склад с хозяйственными припасами тоже входит в епархию Артура. Своего верного оруженосца Винни Артур ставит на складское хозяйство. Ни один гвоздик, ни одна баночка с краской не уйдет без его ведома. Он проявляет недюжинные организационные способности и неуемную энергию. Ни один объект не остается без внимания, Артур с закрытыми глазами покажет, где и что надо подчистить, подмазать и отремонтировать. Возможно, в других условиях он был бы неплохим прорабом...

Артур сделал мне много добра, и я принимаю его помощь. Мы продолжаем общаться. К своему куратору из оперативного отдела Артур ходит каждый день, как на работу, ежедневно притаскивая ему пачку сигарет и шоколадку. О чем они разговаривали, навсегда остается для меня загадкой. Лишь однажды, не выдержав, Артур похвастается передо мной тем, что оперативники удивляются, как, мол, ему — в отличие от Фомы (завхоза третьего отряда) — удалось найти со мной общий язык.

«Какие же они придурки», — в очередной раз обреченно подумая я.

Жизнь в отряде идет своим чередом. Сменяется завхоз отряда. Место Артура не без его помощи занимает хорошо знакомый мне завхоз клуба Рома Гурбо. Он с радостью покидает хлопотное место в клубе, найдя себе замену. Хороший и приятный парень, он был мне симпатичен. Получив кусочек власти, он не берет на себя лишнего и остается обычным эзком. Многие на подобном месте дуреют, теряют голову и перестают ощущать себя осужденными. От завхоза в отряде зависит многое. Любая, самая дурная инициатива найдет поддержку у сотрудников колонии. Что-нибудь запретить, отобрать, придумать очередную пакость осужденным — все становится подвластно счастливому обладателю должности завхоза отряда или, как она официально называется — старшего дневального. Мне еще предстоит увидеть чудовищные примеры трансформации личности осужденных, получивших власть от сотрудников колонии. А пока я просто живу и тяну свой немаленький срок. Живу от выходных до выходных, от посылки до посылки, от свидания до свидания. Я много читаю и размышляю. Никто и никогда не мог заставить меня изменить образ своих мыслей, и я внутренне всегда остаюсь свободным человеком.

Время неумолимо идет вперед. Я регулярно получаю поощрения за добросовестный труд и участие во всевозможных воспитательных мероприятиях. Мне приходит мысль попытаться перевестись на улучшенные условия содержания. Осужденный, переведенный в такие условия, продолжает жить в том же бараке, но получает большее количество свиданий и передач, может потратить больше денег в тюремном магазине. Подобные вопросы в колонии решает комиссия, регулярно собирающаяся в штабе. Здесь решают серьезные вопросы. Достоин ты УДО или нет — тоже определит комиссия. Начальник колонии — ее председатель. Ее члены — начальники воспитательного, оперативного и режимного отделов, а также начальники отрядов.

Меня вызывают в штаб, где я жду своей очереди. Я, в отличие от других осужденных, совсем не волнуюсь — мне это, в общем-то, и не очень надо. Свиданий мне хватает, больше четырех раз в году жена ездить не может, с посылками и передачами я тоже решаю вопрос, выменивая право на посылки на сигареты у других заключенных. Волнуются осужденные,

ожидающие решения об УДО. Будет ли дан тебе зеленый свет на УДО, поддержит ли колония твое ходатайство — решится здесь и сейчас. Зачитываются характеристики, учитываются поощрения. Во всех колониях требуют стандартный набор документов, включая справку с будущего места работы (!). Как человек, отсидевший лет шесть за убийство, может, находясь в колонии, устроиться на работу? Что за маразм?! Но маразм этот цветет буйным цветом и культивируется. Руководство колоний с маниакальной настойчивостью требует с осужденных подобные справки, заранее зная, что они будут фиктивными. Не придет в голову руководству ФСИН самим способствовать трудоустройству своих подопечных, ну да, видно, у них более важные задачи...

Наступает моя очередь, и я предстаю пред очами людей в погонах. В члены комиссии каким-то образом затесался мой старый знакомый — начальник третьего отряда майор Кузьмичев.

«Разнорабочий? — разочарованно спрашивает он, теребя в руках мое личное дело. И добавляет с издевкой: — И что, Переверзин, это весь ваш потенциал?»

«Это весь ваш потенциал! — не сдержавшись, брякаю я. — Будь я осужден за убийство или изнасилование какое, давно бы работал в библиотеке или школе!»

В тот день комиссию я не прохожу — в просьбе мне отказывают...

* * *

Служить надо закону, а не начальству, как принято в России. Если бы каждый делал то, что должен делать, то жизнь стала бы значительно лучше.

Глава 43

Великое переселение

У нас часто так бывает — есть закон писанный на бумаге. А жизнь идет своим чередом мимо этого закона. Но вот грянет гром или начальник сменится, и все сразу встает на свои места. Пока не будет особых инструкций и указаний вышестоящего начальства, закон так и останется бумажным...

Не буду отходить далеко от темы и обсуждать Конституцию России — она у нас замечательная.

Возьмем, например, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, статья 80 которого гласит: «Лица, впервые осужденные к лишению свободы, должны содержаться отдельно от осужденных, ранее отбывавших лишение свободы». Надо сказать, гласит она об этом достаточно давно. Гласит и гласит. Кто у нас обращает внимание на то, что писано? В России много чего провозглашается, но не соблюдается. Найдется тысяча придворных толкователей норм и законов, которые почитают между строк и в угоду хозяевам назовут яйцо помидором, а кофейную чашку утюгом.

Начальник ФСИН Ю. Калинин на этот пункт внимания не обращал, был занят более важными делами. При нем в Челябинской области во время приема этапа погибло четверо

заклученных. Они якобы, только сойдя с поезда, напали на сотрудников колонии, за что и были жестоко избиты. В соответствии с официальной версией сотрудники колонии правомерно применили необходимые меры самообороны, но были виноваты лишь в том, что вовремя не оказали медицинскую помощь ими же избитым заключенным. История попала в газеты, и Калинин пришлось покинуть свой пост, сменить сферу деятельности и... стать членом Совета Федерации. Сейчас судьба опять ему улыбнулась. Заслуженный человек, награжденный правительственными орденами и медалями, он возглавил кадровую службу компании «Роснефть»... Когда во ФСИН вместо Калинина пришел ныне уже уволенный Реймер, он, видимо, подумал-подумал и надумал: а почему бы ему не соблюсти провозглашенную ранее норму? И пошло дело — вернее, поехало. Началось великое переселение. Понеслись столыпинские вагоны и автозаки по России, перевозя осужденных из одной колонии в другую. Впервые осужденные люди — налево, а не впервые, то есть второходы — направо.

* * *

Мне очень хотелось бы, чтобы однажды произошло нечто подобное с нашей заМЕЧТАтельной Конституцией. Пришел бы новый начальник, ну или на худой конец старый опомнился бы, прочитал, например, статью 2 Конституции, которая гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». И начнет вдруг с этого момента Конституция неукоснительно соблюдаться, и неожиданно станут у нас все равны перед законом, и не будет более равных среди прочих равных, и станет наконец-то Россия действительно цивилизованным демократическим государством...

* * *

Был дан приказ и установлены сроки на переселение осужденных. Мы долго жили в подвешенном состоянии, пока в УФСИН Владимирской области решали, какие колонии оставить для первоходов, а куда отправить второходов. Я уже практически начал паковать свои баулы, как с облегчением узнал, что в ФБУ ИК-6 в поселке Мелехово будут отбывать свои срока впервые осужденные. Второходам предназначались колонии в поселках Пакино и Вязники той же Владимирской области. Момент для эков очень волнительный. Как я уже упоминал, уклад жизни в колониях определяется не законом, а степенью самодурства ее руководства. По слухам, в Вязниках, где присутствовали элементы самоуправления, экам жилось неплохо. А поселок Пакино у осужденных пользовался самой дурной славой. Именно сюда отправляли на перековку самых строптивых эков. Позже в личных делах появлялись фотографии улыбающихся уже бывших блатных с метлами в руках или с порезанными венами и разрезанными животами. Говорят, в этом районе самая высокая раскрываемость преступлений в России — сто десять процентов. В одном и том же преступлении могут сознаться сразу несколько незнакомых друг другу человек, ибо система выбивания показаний отлажена и работает бесперебойно.

Начали составляться списки на этапирование. По вторникам развозят в Вязники, а по четвергам — в Пакино. Многие занервничали. Когда тебя срывают с насиженного места, это само по себе неприятно, а тем более в местах лишения свободы — тут любое перемещение способно обернуться катастрофой. Более-менее налаженная жизнь в колонии может рухнуть в один миг. Особенно это актуально для некоторых осужденных. Я вижу дневального третьего отряда Славу, несущегося сломя голову в штаб. Его включили в списки этаплируемых в Вязники, что для него смерти подобно. Он сам, по собственной инициативе гадил и доносил на своих сотоварищей начальнику отряда. Бывало, увидит Слава, что кто-нибудь приляжет на шконочку после тяжелого трудового дня — тут же летит в кабинет к начальнику отряда на доклад. Майор Кузьмичев пулей выскакивает из своего кабинетика и мчится на место преступления. Так они и работали на пару, выискивая и вылавливая нарушителей... Зачем Слава это делал? Что им двигало в тот момент, когда он закладывал других зэков? Чувство собственной значимости и исключительности? Осужденный за изнасилование и убийство, член секции дисциплины и правопорядка, дневальный Слава знал, что, попади он в колонию в Вязники, где жизнь не так сильно контролируется администрацией, у него возникнут проблемы. Осужденные спросят с него за такое поведение и жестко накажут. Слава валялся в ногах у оперативников и умолял их не отправлять его в Вязники. Его увезут в колонию строгого режима в Пакино, где он найдет себя. Таким образом система формирует доверенные кадры. Такой осужденный сделает все, что угодно администрации, подпишет любую бумагу, даст любые нужные показания.

Многие мои сотоварищи по колонии готовятся к переезду. Валера Герасимов, Винни, добродушный увалень, в упор расстрелявший троих, прижимает к груди котенка Яшку и, осыпая его поцелуями, что-то ему шепчет. До меня доносятся его слова: «Ну как же ты, маленький, будешь здесь без меня?»

Увозят моего верного друга Андрея Зуева. Он приходит прощаться и говорит мне: «Хороший ты мужик, Вова. Спасибо тебе за все»...

Выходит новая директива — переселение ускорить и закончить до Нового года. Автозаки набивают до отказа, впихивая в каждый по тридцать-сорок человек. К нам в обмен тоже везут новеньких. Зона встречает их не очень-то гостеприимно. Ничего не поменялось с момента моего приезда. Такой же жесткий прием, та же метла или лопата для уборки снега. Методы убеждения все те же... На колонию посыпались жалобы, которые доходят до журналистов. Кому-то приходит в голову пригласить телевидение и показать всему миру, как на самом деле проходит прием этапа. Не зря наша колония брала в области призы за участие в конкурсах художественной самодеятельности. К воротам колонии подъезжает автозак, который снимается журналистами. Вновь прибывших осужденных с ходу загоняют на несколько часов в ШИЗО, где их прячут от любопытных глаз, а вместо них с баулами из карантина подтягивается массовка, которая сыграет роли вновь прибывших. Осужденные лихо выпрыгивают из автозака, делая счастливый и радостный вид. Не хватает только красной ковровой дорожки и хлеба с солью...

Глава 44

Первое чудо

Уезжает Зуев, уезжает Винни. Артура, несмотря на то, что он был ранее судим, оставляют в нашей колонии как особо ценного специалиста. В моей жизни ничего не меняется. Я — рабочий хоздвора. Каждое утро я иду на работу, где иногда мне приходится разгрузить машину или для видимости перетащить что-нибудь с места на место. Артур не нагружает меня работой, и я могу просто сидеть в его комнатенке и читать книги. Я достиг вершины своего благополучия в колонии. Лучше мне не будет никогда.

До окончания срока остается пять лет. Ты помнишь это всегда. Дату начала и конца срока ты произносишь дважды в день на утренней и вечерней проверках, эти даты написаны на бирке, прикрепленной к кровати. В то время я жил и надеялся на чудо, которое неожиданно наступает. Выходят поправки в Уголовный кодекс России. По статье 174.1 (легализация денежных средств), по которой я был осужден, меняются сроки наказаний. Когда меня судили, по этой статье давали от десяти до пятнадцати лет. В новой редакции УК пороги наказания уменьшаются с семи до десяти лет. Это уже серьезно. Во-первых, статья переходит из категории особо тяжких в тяжкие, что означает смену строгого режима на общий и переезд в другую колонию. Но самое главное, мне должны снизить срок, приведя мой приговор в соответствие с новым законом.

На первый взгляд, арифметика здесь очень простая. Мне дали по данной статье десять с половиной лет, то есть на полгода больше минимального срока наказания. Следовательно, берем минимум в новой редакции, то есть семь лет, и прибавляем к ней полгода. Получаем семь с половиной лет. То есть **по закону** мне должны снизить срок на три года. **По закону!** По закону я вообще не должен находиться там, где живу последние пять лет, поэтому я не испытываю особых иллюзий. Но чудо все-таки происходит. По ходатайству моего адвоката о приведении приговора в соответствие с поправками к Уголовному кодексу Российской Федерации судья Ковровского суда снижает мне срок на два с половиной года! Это настоящее чудо.словно в детской игре, бросив кубики, я неожиданно передвигаюсь на несколько клеток вперед и одним махом приближаюсь к вожаделенной свободе на два с половиной года. До конца срока остается чуть более двух лет. Замаячила перспектива условно-досрочного освобождения, для чего у меня имеется все необходимое, заработанное потом и кровью, — хорошая характеристика и поощрения.

И вот я уже собираю вещи и готовлюсь к этапу. Я знал, что во Владимирской области есть две колонии общего режима. Одна, закрепленная за неоднократно осужденными, или второходами, находится на окраине славного города Владимира. А другая, предназначенная для впервые осужденных, мирно расположилась в городе Покров, между болотом и фабрикой по производству шоколада «Alpen Gold». Господа тюремщики не торопятся соблюдать писанный для них закон, и меня депортируют в колонию общего режима в город Владимир, в ФБУ ИК-5. Я полон самых радужных планов.

«Общий режим, расслабуха», — мечтательно думаю я, радостно собирая баулы. Памятуя об опыте прошлых лет, я набираю два баула. От остального, немалого количества вещей, я избавляюсь, оставив богатое наследство Артуру и Роме. Мысль о том, что я покидаю Мелехово, радостно бьется в моей голове, а моя душа поет от счастья... В последний раз с баулами в руках я шагаю по исхоженной мною аллее в сторону ШИЗО, где меня ждет последний в этой колонии шмон. На мой вопрос «Что искать будете?» сержант-

контролер не отвечает, а только нехотя бегло просматривает мои вещи. Каши, сухофрукты, орехи, книги, документы, одежда, туалетные принадлежности, спортивный костюм и кроссовки — этот нехитрый скарб полностью заполняет два баула.

После обыска я попадаю на сборку, где ждет своей участи зэк из шестнадцатого отряда — его везут на больничку. Мы абсолютно разные люди, но единодушно сходимся в одном — в отношении к администрации учреждения. Он счастлив, что его хоть на некоторое время увозят из Мелехово, а я счастлив потому, что навсегда покидаю это место. Я смеюсь от радости. Смеяться мне остается недолго... Подъезжает пустой автозак, и нас передают под роспись конвоем. Мы вдвоем с относительным комфортом размещаемся в большом отсеке. Дорога до железнодорожного вокзала Коврова не отличается плавностью и, к счастью, занимает немного времени — около часа. Я слышу звуки вокзала и чувствую его запах. Автозак заезжает на пустынный перрон. Нас перегружают в пустой столыпинский вагон, где мы занимаем отдельное купе.

«Практически СВ», — думаю я и тут же слышу голос конвойного: «Вещи к досмотру!»

Опять шмон. Наш поезд от Коврова до Владимира идет около часа, в течение которого и длится обыск. Конвойный не успевает до конца просмотреть мой багаж — поезд прибывает к месту назначения. Железнодорожный вокзал Владимира приветствует нас шумом пригородных электричек и проходящих поездов. Я с наслаждением вдыхаю запах вокзала, поездов дальнего следования, с которыми у меня связаны приятные детские воспоминания. На пустынной платформе нас уже ожидает привычный автозак и неприветливый конвой. Остервенелый лай срывающихся с цепи собак и охранники с автоматами в руках возвращают меня в реальность — это не загородная поездка на каникулы...

Видавший виды автозак, со скрипом переваливаясь, ползет по неведомой мне дороге, делая многочисленные остановки на светофорах. Первая большая остановка — больничка, Моторное. Мы заезжаем на ее территорию, и мой попутчик, попрощавшись, покидает меня. Я слышал много жутких историй об этом месте, о трупах осужденных, сваленных под лестницей, о хирургических операциях, не соответствующих диагнозу... Осужденные склонны к преувеличению, но в данном случае, столкнувшись с тюремной медициной в колонии, я не сомневаюсь в правдивости услышанных историй.

Следующая остановка — моя. ФБУ ИК-5 общего режима УФСИН Владимирской области.

Глава 45

Общий режим

Слышится скрежет открываемых металлических ворот — мы въезжаем на территорию колонии.

Я живо выпрыгиваю с баулами из автозака и слышу команду:

«На корточки, головной убор снять, руки за голову, лицом вниз».

Я ставлю баулы на землю и делаю то, что мне говорят.

«Что, на рынок приехал?» — слышу я незнакомый голос.

Я молчу.

«Фамилия, статья, срок, кто по жизни?» — боковым зрением я вижу людей в камуфляже, по-хозяйски прогуливающих вокруг меня с дубинками в руках.

Я представляюсь, называю статью и срок. У меня редкая для этих мест статья и большой для общего режима срок — восемь с половиной лет. Держа в руках мое необъятное личное дело, неизвестный любопытствует:

«А что это за статья — 160?»

«Хищение», — неохотно отвечаю я.

«Наверное, много похитил, раз дело такое большое», — развивает свою мысль надзиратель.

Не склонный к каким-либо дискуссиям, я неопределенно отвечаю:

«Наверное...»

«Так кто ты по жизни?» — потрясая дубиной, настойчиво продолжает интересоваться надзиратель.

Я знаю, что стоит сказать что-нибудь не то (например, что ты порядочный арестант), как на тебя обрушится град ударов. Если тюремщики переусердствуют, то составят акт о том, что я упал с лестницы или сам напал на них, а они оборонялись, и десяток прикормленных сук с радостью подтвердят и подпишутся под каждым их словом.

«Мужик», — отвечаю я, что соответствует действительности в моей тюремной жизни.

Ответ его устраивает, и меня заводят в помещение для обыска и приема этапов. Большая комната выложена кафельной плиткой. До меня привезли несколько осужденных, и я вижу здоровых голых мужиков, стоящих на растяжке — вплотную лицом к стене, с поднятыми руками. Ладони вывернуты наружу, а ноги широко расставлены. Стоять в такой позе неудобно, хочется сдвинуть ноги. Я вижу человека в гражданской одежде с резиновой дубинкой в руках, который тщательно следит за тем, чтобы осужденные испытывали неудобства. Он щедро осыпает их ударами. Никита Крашанов — завхоз карантина, в прошлом бывший блатной, смотрящий за одной из колоний общего режима Калужской области. Ему здесь хорошо, и он, наверное, не чувствует себя эком. Несколько сотрудников с погонами на плечах увлеченно роются в вещах осужденных. Содержимое баулов вытряхивается на парты, падает на пол и разлетается в разные стороны. Я не минуя участи остальных и подробно изучаю кафельную плитку на стене. Широко раздвинув ноги и вскинув руки в стороны вверх ладонями наружу, я пытаюсь вслушаться в происходящее. Слышу треск баула и грохот высыпаемых вещей. Надзиратели особо не церемонятся с моим багажом.

«Да он дневники ведет!» — слышу я чей-то возмущенный голос за спиной. Они нашли тетрадь с моими записями, которую я не увижу больше никогда. В любых записях они видят угрозу своей личной безопасности и благополучию. Очевидно, ими движет подспудное опасение: а вдруг кто-нибудь узнает обо всех творимых ими пакостях и подлостях?

Обыск превращается в банальное воровство. Тюремщики не гнушаются ничем. У меня пропадает несколько шариковых ручек, витамины, майки, сигареты, крем для рук. Официально у меня изымается только спортивный костюм и кроссовки. Местные самодуры приравнивают полученную в посылке в Мелехово спортивную одежду к запрещенным предметам. Я с ужасом взираю на разбросанные и перевернутые вещи, перепутанные документы, любовно и аккуратно сложенные мной перед этапом. Кое-как я складываю свои вещи в баул и следую за завхозом карантина.

За дверью — баня, которую и душем-то назвать нельзя. Несколько кранов с горячей и холодной водой, пластмассовые тазы, которых не на всех хватает... Пользуясь случаем, я развожу в тазике теплую воду и обливаюсь. После чего вытираюсь полотенцем, одеваюсь и в сопровождении полузэка-полумилиционера Крашанова иду в помещение карантина. Прибывшие до меня осужденные уже там. Холл со стендами, небольшое спальное помещение человек на двадцать и комната для приема пищи — вот наш ареал обитания на ближайшую неделю. Я с облегчением узнаю, что осужденных держат здесь не больше недели, после чего распределяют по отрядам. Меня ждет еще один шмон, который с пристрастием, лучше всякого милиционера, проводит дневальный карантина, осужденный Мухин. Достойный сын уволенного сотрудника ГАИ, конченый наркоман, попавший в колонию за кражу. Он окажется честнее людей при погонах — на этот раз у меня ничего не пропадает, а только выпрашивается тюбик зубной пасты... Время убивается зарядкой, ежедневной маршировкой, постоянной уборкой и без того уже вылизанного помещения, заучиванием правил внутреннего распорядка и тупым сидением в комнате для приема пищи.

Опытный зэк, я припас мало кому интересную здесь биографию Пастернака, написанную любимым мной Дмитрием Быковым. Книга меня спасает. Открывая и перелистывая страницы, я мгновенно переношусь в то время и ощущаю себя частичкой описываемых событий. Но реальность возвращает меня назад, в помещение карантина. Нас десять человек. Один из прибывших в этот день, Михаил Марьин, переметнулся в дневальные карантина. Сын подполковника КГБ, бизнесмен средней руки, владелец автобазы во Владимире, он осужден за соучастие в хищении имущества. По его словам, его подставил заместитель, хранивший на территории его автобазы краденые автомобили. Скорее всего, осужденный за дело, он был уверен в моей виновности. Миша сделает в колонии головокружительную карьеру. Хорошо зарекомендовав себя в карантине, он вскоре станет старшим дневальным первого отряда, то есть завхозом столовой, заменив прежнего, который освободится по УДО. Как-то он, чуть ли не плача, пожалуется мне на свою судьбу:

«Знаешь, как мне было трудно переступить через себя и начать избивать зэков? Я буду делать все, что мне скажет администрация! Скажут убивать — буду убивать! Ради своей семьи, ради своих детей, которые ждут дома своего любимого папочку...»

Миша быстро войдет во вкус и сильно продвинется в искусстве истязания осужденных. Видимо, где-то глубоко внутри жил в нем нереализовавшийся садист, барин или крепостной одновременно. Здесь, в местах лишения свободы, проснется в нем барин, встанет в полный рост садист, и он, расправив плечи, гордо пойдет совершать по колонии свои подвиги. Миша — автор и исполнитель системы телесных наказаний, практикующихся во вверенном ему первом отряде. По отряду он передвигается плавной поступью, с барской вальяжностью.

Мне же своей сытой и лоснящейся физиономией он больше напоминал полицаю из фильмов о Великой Отечественной войне... Самое печальное в этой истории то, что, будучи вполне обеспеченным человеком, Миша вполне мог достичь желаемого результата и получить блага не за счет нещадной эксплуатации и унижения других заключенных, а просто внеся определенный денежный взнос, который он все равно сделал, чтобы находиться на своей высокой должности...

На третий день меня вызывают в штаб, куда я следую в сопровождении завхоза карантина Крашанова. Меня заводят в кабинет начальника оперативного отдела, предлагают присесть. Моего провожатого, по-хозяйски собирающегося расположиться рядом, выпроваживают из кабинета.

После шести с половиной лет относительно спокойной жизни в местах лишения свободы ко мне приехали высокопоставленные гости. Один — оперативный сотрудник УФСИН Владимирской области, двое других — представители ФСБ. Меня потрясает их дремучесть и невежество. Беседа начинается с вопроса:

«Как тебе, Переверзин, удалось срок снизить?» — спрашивает неизвестный, упомянувший, что у него экономическое образование. У меня рассеиваются последние сомнения в его принадлежности к известному ведомству.

Гости явно раздражены и недовольны тем, что мне снизили срок. Вопрос задается таким тоном, как будто я украл лично у них зарплату за несколько месяцев, а то и за целый год.

Мне хочется пошутить и сказать: «Как? Договорился с Медведевым, он утвердил поправки к Уголовному кодексу, в результате чего мне и снизили срок».

Мне хорошо известно, что такие люди не понимают шуток, а юмор их только озлобляет. На всякий случай я вежливо рассказываю о принятых поправках, о статьях, по которым меня осудили. Пытаюсь сказать несколько слов о деле ЮКОСа, о том, что по делу сидят невинные люди, и натываюсь на стену. Нет, не недопонимания, а на стену полной неосведомленности...

«Нечего было государство грабить», — скажет человек в гражданском с высшим экономическим образованием.

«Россию ограбил, а теперь в Страсбург побежал», — резюмирует он свой взгляд на мир.

Неожиданно фээсбэшник продемонстрирует хорошую осведомленность о моих планах.

«Что, в Москву собираешься, свидетелем? Не сидится тебе спокойно, приключений ищешь?» — спрашивает он.

Я не отвечаю на его комментарии и молча смотрю в окно. Разговор окончен.

Крашанов, сгорая от любопытства, спрашивает меня:

«Чего, чего они хотели?»

Я не придумываю ничего лучшего, как сказать:

«Про тебя спрашивали, интересовались положением дел в карантине, обстановкой. Спрашивали, не бьют ли здесь зэков».

Он на секунду как-то съежится, подожмет хвост и, вспомнив о том, что все творимое им происходит по велению и с благословения сотрудников колонии, вернется в свое привычное состояние — ощущение собственного величия и исключительности.

Глава 46

Второй отряд

В карантине я нахожусь пять дней, после чего меня распределяют во второй отряд. Как выяснится, это практически худший отряд в колонии. Хуже только первый... Надуманные и ничем не оправданные порядки и правила унижают осужденных и отравляют им жизнь, делая ее невыносимой. Хуже я ничего не видел. Происходящее очень напоминает мне карантин в Мелехово. Опять шмон — дневальный отряда по прозвищу Вампир проверяет содержимое моих баулов. Сейчас мне кажется, что такого не могло быть, потому что такое просто невозможно придумать. Переполненный барак, расшатанные сдвоенные кровати стоят так близко друг к другу, что я не могу протиснуться к спальному месту даже боком. Одна маленькая тумбочка на четверых человек. Личные вещи хранятся в коробках из-под двадцатикилограммовых посылок, в тумбочках можно держать только туалетные принадлежности. За соблюдением установленного порядка зорко следит осужденный дневальный, который ежедневно проверяет содержимое тумбочек. До коробки с личными вещами можно добраться три раза в день, отстояв очередь. Мы с вечера распределяем очередность заправки постелей. Замешкаешься — не успеешь умыться. Утро начинается с диких воплей дневальных:

«Встаем, быстрее, быстрее, выходим на зарядку!»

После зарядки — умывание и заправка кроватей. Время ограничено, все торопятся и, подгоняемые дневальными, толкаются. Нужно побыстрее, к определенному часу освободить спальное помещение для того, чтобы час тупо в тишине сидеть в помещении воспитательной работы. Разговаривать нельзя — за стеной в отдельном помещении спит местный царек — Сережа Жукин, или Жук, осужденный за нанесение телесных повреждений. Его сон охраняют дневальные. Нарушители тишины будут жестоко наказаны — избиты. Наркоман на свободе, здесь он посчитал себя великим спортсменом. Сережа целыми днями поднимает железяки и горстями пожирает анаболики, принесенные оперативниками. Он без усталости отрабатывает удары на груше, дневальных и провинившихся зэках. Ему неизвестно, что такое очередная посылка или передача. За его заслуги оперативники персонально для него заносят в колонию сумки с едой без каких-либо ограничений. Нельзя только спиртное и наркотики. Впрочем, передачи Жуку особо не нужны, он и так прекрасно питается. Его друг, коллега и соратник по пресс-хате Владимирской тюрьмы Виноградов по кличке Фанат, ныне завхоз столовой, обеспечивает усиленное питание Жука и его бесперебойное снабжение продуктами. Персональный повар, осужденный, готовящий еду для милиции из украденных у заключенных продуктов, делает свое дело качественно и доброту. Ворованной еды хватает всем — и сотрудникам колонии, и дневальным.

Таким образом система порождает монстров. Люди с завышенной самооценкой, уверенные в собственной исключительности, неспособные к труду, привыкшие командовать направо и налево, безнаказанно избивающие себе подобных, выходят на свободу и совершают новые преступления.

Мы же, обычные осужденные второго отряда, вынуждены находиться в ПВРке и сидеть на скамеечках. Отряд по полной программе реализует статью 106 Уголовно-исполнительного кодекса. Каждый осужденный обязан отработать не менее двух часов в неделю на работах по благоустройству территории. Понятие «благоустройство» тюремными юристами трактуется широко и вольно. Оно включает в себя разгрузку продуктов, привезенных в тюремный магазин, разгрузку бревен и досок на промышленной зоне. Добраться до прорванной трубы, вскопать контрольно-следовую полосу на запретной зоне — тоже наша обязанность. Два часа в неделю превращаются в бесплатный восьмичасовой рабочий день. Многие осужденные с радостью хватаются за любую подвернувшуюся возможность уйти из отряда, для чего здесь умышленно создается невыносимая атмосфера. В туалет — строго по одному и с разрешения дневального, поэтому из желающих справить нужду выстраивается очередь. В перерывах между сидением в душной комнате два раза в день можно выйти на улицу в локальный сектор на перекур. После шести вечера — час личного времени, когда можно заняться своими делами и погулять по небольшому локальному сектору.

Из окна ПВРки видны вышки, забор с колючей проволокой и свобода. После тюремных пейзажей Мелехово вид из окна мне кажется райским. Вдалеке виднеется трасса, знаменитая пекинка, связывающая Москву и Нижний Новгород. Наблюдать за проезжающими вдали автомобилями становится моим самым любимым занятием.

Я обзавожусь новыми знакомствами. Несколько позже один дневальный признается мне, что получил указание от завхоза следить за мной и подслушивать все разговоры. Другой осужденный, Денис Розмарило, любивший со мной поболтать, будет вызван на ковер к завхозу, где ему запретят общаться со мной. Понимая, что долго здесь не выдержу, я считаю дни до УДО и этапирования в Москву, на процесс к Ходорковскому в качестве свидетеля защиты. Адвокат уже подал ходатайство о моем условно-досрочном освобождении, и я жду решения. Формальных оснований для отказа мне в УДО у судьи нет, и я надеюсь на положительный исход этого предприятия.

«Главное, чтобы это произошло до моего отъезда в Москву!» — мечтаю я.

Я продолжаю общаться с осужденными и узнаю много интересного и о колонии, и об отряде. Здесь по несколько недель незаконно живут осужденные к отбыванию наказания в условиях колонии-поселения. Ждут, живут, терпят и не смеют пожаловаться. Боятся. Наш отряд — своего рода безопасное место, куда перебегают осужденные из других отрядов, проигравшиеся в карты или попавшие в непонятки. Сюда же переводят из других отрядов особо провинившихся эков — в наказание. Я автоматически попадаю во вторую категорию — особо провинившихся осужденных. Как говорится, я виноват лишь в том, что кому-то захотелось выслужиться...

Здесь не Мелехово, здесь другое государство со своими порядками и законами. Каждое утро встречает нас живой музыкой. Гимн исполняет духовой оркестр из осужденных, краса и

гордость хозяина. Худощавый полковник Никифоров, ежедневно подруливающий к колонии на «БМВ Х5», производит странное впечатление. Мне казалось, что он и не знал, что происходило в колонии, где всем рулил его зам по безопасности и оперативной работе Александр Андреевич Рыбаков. Никифоров же довольствовался ежедневным прослушиванием попурри, исполняемого оркестром для услады его слуха. В 15:00 и в 17:00 начиналась музыкальная вакханалия. Репертуар варьировался от «Мурки» и «Если б я был султан...» до «Дня победы». Музыканты старались и выбивались из сил, но при этом страшно фальшивили и играли невпопад. Всегда кто-то отставал или забегал вперед. Из музыкального ряда вылезал то барабан, то труба, то фанфары. Я был в шоке от услышанного.

Колония, находящаяся в черте города и имеющая огромные производственные помещения и толпы свободных рабочих рук, готовых работать практически бесплатно, представляла собой весьма прибыльное предприятие. Швейный цех, автосервис, цех деревообработки и линия по расфасовке сухих пайков позволяли занять работой некоторое количество осужденных. Цех деревообработки, помимо всего прочего, выдавал оборудование для детских площадок (качели и игрушечные домики) и производил прикроватные тумбочки для осужденных. Убогая тумбочка, наспех сколоченная из ДСП и окрашенная в серый цвет, являлась образцом примитивизма. Но при этом стоила весьма дорого — двенадцать тысяч рублей. По крайней мере именно по такой цене эти тумбочки были проданы в соседнюю колонию общего режима в город Покров Владимирской области. Операция «Тумбочка» была реализована УФСИН России по Владимирской области и принесла приличную прибыль. При примерной себестоимости тумбочки около восьмисот рублей навар тюремных предпринимателей оказался весьма высок.

Глава 47

Я — дебошир!

Несмотря на погрузки, разгрузки и прочие бесполезные занятия, время в отряде тянется очень медленно. Мое ожидание прерывает начальник отряда, лейтенант Беликов, который, протягивая мне лист бумаги, как ни в чем не бывало говорит:

«Распишись за нарушение!»

У меня темнеет в глазах.

«В смысле? За какое нарушение?» — недоумеваю я.

«Там все написано».

Я читаю: «Постановление о наложении на осужденного Переверзина выговора за создание конфликтной ситуации и нецензурную брань во время приема этапа».

У меня отвисает челюсть. Я не чувствую ни злобы, ни раздражения и могу только произнести:

«Но этого же не было!»

«Я ничего не знаю, все вопросы к Рыбакову. И скажи спасибо, что тебе бумагу эту вообще показали. А то пришел бы на судебное заседание, и только там узнал бы о нарушении», — отвечает мне начальник отряда. Такое часто случается в тюремной системе.

Подаешь ходатайство на УДО, а в суде узнаешь о наложенных на тебя многочисленных взысканиях. На постановлении о наложенном взыскании вместо своей подписи видишь запись сотрудника колонии: «Подписывать отказался»...

Недалекий человек, он не раз спрашивал меня:

«Переверзин, кто тебя заказал?»

Лейтенант внутренней службы Беликов Евгений Алексеевич подался в тюремщики, чтобы откосить от армии. Молодой и ленивый лейтенант не утруждал себя ничем. Спихнуть свою работу на осужденных — в колонии самое обычное дело. С самого утра в его кабинете, расположенном в помещении отряда, сидит дневальный — осужденный, делающий за него всю работу. Дима — и секретарь, и официант в одном лице. Он же — правая рука начальника отряда, а также и левая. Все документы и многочисленные формуляры составляются и заполняются именно им. Отряднику остается лишь подписывать готовые документы, да и то не всегда. Дима частенько сам выполняет за него эту процедуру, чтобы лишний раз не беспокоить человека в погонах, в некотором роде тоже отбывающего наказание, но совершенно добровольно...

Сказать, что объявленное взыскание меня расстраивает — значит ничего не сказать. Оно гранитной глыбой ложится на моем пути к вожделенной свободе, означает крушение всех планов и надежд. Я решаю бороться. Пишу жалобу в прокуратуру по надзору за соблюдением законов в местах лишения свободы, пытаюсь оспаривать наложенное взыскание в суде. Мой адвокат проводит собственное расследование и узнает обо мне много интересного. Оказывается, взыскание было наложено на меня на основании докладной дневального карантина осужденного Мухина, которого я увидел только в помещении карантина. Однако в бумажонке той было написано примерно следующее: «По прибытии в колонию в помещении для помывки осужденных Переверзин оскорблял его, Мухина, обзывал последними словами и, нецензурно выражаясь, провоцировал на драку». Фантазия оперативника, состряпавшего бумагу, бурлила: «Прибежавшие милиционеры пытались его уговорить, но не смогли этого сделать. На замечания Переверзин не реагировал и продолжал дебоширить».

К докладной приложены рапорты сотрудников колонии, подтверждающие написанное...

Н-да... От прочитанного у меня кружится голова. Мне кажется, что я схожу с ума.

А может, у меня амнезия случилась или раздвоение личности? Надебоширил и забыл?

Даже адвокат, знающий меня многие годы, переспросит:

«Точно этого не было? Ну, может, сорвался...»

«Не было этого, не было», — я продолжаю настаивать на своем...

К этому времени автор записки, осужденный Мухин, условно-досрочно освобождается. Мой адвокат, в прошлом работник правоохранительных органов, находит бывшего зэка и встречается с ним.

«А я этого не писал, — говорит тот, с удивлением рассматривая докладную, написанную от его имени, — и почерк не мой, а Крашанова...»

Я до сих пор не понимаю: зачем они так поступили? Попроси оперативник самого Мухина написать докладную, он бы с радостью это сделал!

Адвокат фиксирует показания Мухина на видеокамеру и берет его образцы почерка для экспертизы. Она подтверждает — докладную писал не Мухин, а другой человек.

Глава 48

Путешествие из Владимира в Москву

В Москве в полном разгаре суд над Ходорковским, где я заявлен свидетелем защиты. В любой день меня могут вызвать в суд и этапировать в Москву. Я живу в ожидании событий.

В то лето горели торфяники, и дым застилал нашу колонию. Ходили слухи о том, что обсуждается вопрос об эвакуации осужденных. Думали-думали и решили оставить всех как есть, на свой страх и риск и на русский авось. Ну угорят ээки в крайнем случае, не велика потеря. Существуют особо секретные инструкции о том, что делать с тюремным населением в случае непредвиденных обстоятельств — катастроф и военных действий. Например, что делать с ээками во время войны, когда враг готовится захватить кусочек нашей родины вместе с колонией строгого или общего режима. На этот случай (и на многие другие) имеются многочисленные директивы...

Я каждый день ждал этапа в Москву и вслушивался в объявления, звучащие по дребезжащему громкоговорителю.

«Иванов, Сидоров — в дежурку, с вещами, на этап», — слышал я и продолжал ждать своего часа.

В один из вечеров ко мне подходит дневальный и сообщает, что меня заказали на этап. Утром, к шести, я должен быть в дежурке с вещами.

«Ура! Наконец-то дождался!» — думаю я, собирая вещи. Беру только самое необходимое, чтобы ехать налегке. Поутру, после подъема, в сопровождении дневального с одной сумочкой прибываю в дежурку. Несмотря на ранний час, уже начало припекать солнце. Разморенные надзиратели бегло, для проформы, осмотрев мои вещи, сажают меня в клетку. Ждать приходится недолго — минут через двадцать за мной приезжает машина. Меня с пухлым личным делом передают на руки конвою.

«Статья, срок?» — я слышу привычные вопросы, ответив на которые, бодро забираюсь в автозак. Автозак работает как маршрутное такси. В клетках несколько пассажиров, я сажусь к ним. Это блатные, едут с крытой тюрьмы на строгий режим в Пакино. Пол уставлен вещами. Телевизор, магнитофон, одежда. Я знаю, что крытую тюрьму они будут вспоминать как лучшее место за годы своего заключения во Владимирской области. В Пакино их не ждет ничего хорошего. Мы знакомимся. Мне есть что рассказать в ответ на стандартные вопросы: кто сам, где сидел, с кем пересекался, где какое положение. Обычные арестантские разговоры. В автозаке уже жарко, хочется пить. Меня укачивает. Мужики просят курить... Не проходит и двух часов, как автозак заезжает на территорию колонии и останавливается.

Мужики по очереди выпрыгивают и выгружают свой багаж. Я прыгаю последним. Надзиратель сверяет личные дела и отводит меня в сторону. Меня ждет другой автозак, следующий на железнодорожный вокзал города Владимира. Я прощаюсь с братвой, желаю им удачи.

В новом автозаке меня ждут новые попутчики. Из них еще никто не осужден, и я, в черной зэковской одежде, со своими восемью с половиной годами срока, произвожу на них сильное впечатление. Дорога до Владимира занимает около часа и проходит незаметно. Знакомый вокзал приветствует меня, столыпин ждет, мы пересаживаемся в вагон. В купе нас шестеро, у каждого своя полка. Повезло, что в Москву идут не переполненные вагоны. После шмона я устраиваюсь на верхней полке и стараюсь не шевелиться. Каждое движение сопровождается ручьями пота. За окном — август 2010 года. Мне не хочется ни есть, ни пить. Стук колес убаюкивает, и я проваливаюсь в сон. Мерное покачивание вагона будит приятные детские воспоминания. В голове всплывают каникулы, поездки в Крым. Вспоминаю полустанки, где можно было выйти и купить мороженое, чувствую его холод и приторно сладкий вкус...

Резкая остановка поезда выводит меня из состояния неги. Мне не хочется возвращаться обратно в это купе и видеть лица попутчиков, я хочу обратно в сон... Поезд продолжает движение, и я возвращаюсь в настоящее. Мы подъезжаем к Москве. Автозак поджидает нас на отдаленном перроне Курского вокзала. Опять пересадка. В клетку я забираюсь насквозь мокрым от пота. Уже стемнело, и улицы Москвы опустели. Ничем не примечательный автозак быстро довозит нас до тюрьмы. Узнаю Матросскую Тишину. Выгрузив всех осужденных во дворе общего корпуса, меня везут в спецкорпус, в тюрьму в тюрьме, в СИЗО 99/1. Как мне кажется, я был пожизненно закреплен за этой тюрьмой, о чем в моем личном деле наверняка имелась какая-нибудь специальная метка. За четыре года здесь ничего не изменилось. Те же надзиратели, тот же режим. Я ловлю себя на мысли, что рад их всех видеть. Шмон продолжается несколько часов. Без внимания не остается ни одна бумажечка, ни один пакетик. Все мое имущество тщательно переписывается. Уже поздно, два или три часа ночи. Мне выдают белье и матрас, сажают в одиночную камеру. Я раскладываю матрас на железной кровати и пытаюсь уснуть.

После завтрака меня переводят в другую камеру, где сидят совсем свежие люди интеллигентного вида. Дима и Стас находятся под следствием и обвиняются в экономических преступлениях. Для них я бывалый, выдавший виды зэк, и они с жадностью ловят каждое мое слово. Встретили меня очень тепло и радушно. Накормили, напоили. Дима подарил мне одежду, в которой я появлюсь в Хамовническом суде. Белая спортивная кофта с надписью «BMW Sport racing team» с его плеч... В этой камере я нахожусь два дня. Контингент не мой. Обычно меня держат с убийцами...

Так и есть. Меня переводят в 610-ю камеру, где когда-то сидел Ходорковский. Сейчас я попадаю в компанию двух парней. Один, совсем молодой, обвиняется в нападении на инкассаторов и их убийстве. Другой — профессиональный киллер, работающий на Курганскую преступную группировку. Мы быстро находим общий язык. Андрей В. родом из Кургана, работал жестко и серьезно. За его плечами не одно убийство. После разгрома банды тринадцать лет был в федеральном розыске. Жил под чужим именем, с чужими документами,

в чужом городе. Взяли случайно. Багаж тянет не на одно пожизненное заключение. Андрей соглашается на сделку со следствием — особый процессуальный документ, после подписания которого он получает особый статус. Поможешь следствию — получишь не больше двух третей от максимального срока наказания по наиболее тяжкой статье. По Уголовному кодексу максимальный срок составляет двадцать пять лет. Андрею грозило около восемнадцати. Он сильный духом, собранный и волевой человек. Очень жесткий. Мы долго и много разговариваем.

«Андрей, что ты чувствовал, когда убивал?» — спрашиваю я.

«Это была война, — жестко отвечает он. — Убивали наших пацанов, мы убивали их...»

В СИЗО я отъезжаю, отсыпаясь и набираюсь сил. Я готовлюсь к выступлению в суде и пишу речь. Может показаться странным, но мы не согласовывали с адвокатами Ходорковского и Лебедева никакие вопросы, а тем более не обсуждали возможные ответы. Все и так ясно и понятно. И не надо ничего придумывать.

Утром 31 августа за мной приходит конвой, и я залезаю в новенькую «газель» с надписью «милиция» на борту. С таким комфортом я еще не ездил. Я сижу в клетке, напротив двери, и смотрю на улицу. От увиденного у меня захватывает дух и кружится голова. На расстоянии нескольких метров я вижу автомобили, лица незнакомых водителей, спешащих по своим делам. Передо мной московские улицы. Дорога от Матросской Тишины до Хамовнического суда занимает около часа. Мы едем по Садовому кольцу, проезжаем площадь Киевского вокзала, мост, набережную. Я вижу сияющий торговый центр «Европейский» с катком на крыше. Я отвык от таких пейзажей, и увиденное завораживает меня. Я вспоминаю, как здесь, на этом самом месте, я проезжал за рулем собственного автомобиля, и мне не верится, что это когда-то было со мной. Кажется, протяни руку — и все вернется. Но от свободы меня отделяет еще почти два года...

«Газель» лихо заезжает во дворик суда, и в сопровождении нескольких милиционеров я выдвигаюсь в здание. В просторном подвале я жду своего часа. И он наступает. Прикованный наручниками к милиционеру, я захожу в переполненный зал судебных заседаний. В зале я вижу несколько знакомых лиц. В аквариуме сидят Ходорковский и Лебедев. Хороший повод познакомиться со своими «подельниками». Работая в ЮКОСе, я никогда не общался ни с тем, ни с другим. Меня подводят к трибуне, и начинается допрос. Я рассказываю свою историю. Пронесется годы жизни. Банк «Менатеп», Кипр, ЮКОС. Я подробно описываю момент, как попал в дочернюю компанию ЮКОСа на Кипре, рассказываю о том, что предложение о работе поступило от финансового директора ЮКОСа, американского гражданина Мишеля Сублена. Говорю об административной работе, о поисках офисов для компании, об аудиторах. Не забываю упомянуть и о том, что ни разу не сделал ни одного платежа и даже не имел права распоряжаться банковскими счетами. Что, впрочем, не помешало осудить меня по статье 174.1 (легализация денежных средств).

Мой рассказ не укладывается в канву обвинения, и прокуроры явно раздражены. Лахтин заметно нервничает. Моя история наглядно показывает всю ущербность сфабрикованного дела. На моем примере становится особенно очевидна абсурдность предъявленных обвинений и глупость так называемых доказательств. Дело продолжает

трещать по швам. Людям в погонах очень хочется сохранить хорошую мину при плохой игре, и они из кожи вон лезут, чтобы оправдать свое существование. Я подливаю масла в огонь и заявляю о том, как на меня давили во время следствия и предлагали в обмен на условный срок оговорить присутствующих здесь Ходорковского и Лебедева.

«Всего-то признай вину, скажи, что знал Ходорковского и Лебедева, получал от них указания, и иди на все четыре стороны», — вспоминаются мне слова следователей.

После этих слов прокурор Лахтин забился в истерике и потребовал прекратить мой допрос. Но допрос продолжался. Судья не может лишить Лебедева и Ходорковского права задавать мне вопросы. А позже, во время вынесения приговора, он сделает свое черное дело и проигнорирует все доводы защиты и показания свидетелей.

Прокуроры не находят себе места, когда Лебедев начинает задавать мне вопросы. Всплывает наглая ложь, состряпанная сотрудниками Генеральной прокуратуры. Лебедев зачитывает мне выдержки из своего обвинительного заключения:

«Лебедев, Платон Леонидович, находясь на своем рабочем месте, определил на должность директора кипрской компании “Рутенхолд Холдингс Лимитед” члена преступной группы Переверзина Владимира Ивановича».

Такая наглость следователей потрясает меня, и я говорю открытым текстом, что это наглое вранье.

Впору хоть самих прокуроров хватать, арестовывать и затаскивать в клетку вместо нас...

Напоследок я успеваю назвать прокурора Лахтина штатным лжецом, после чего в судебном заседании объявляется перерыв, и меня уводят в казематы. Я спускаюсь в подвал суда, где еще долго хожу из угла в угол в состоянии крайнего нервного возбуждения. Мне хочется передушить следователей и прокуроров. Всех сразу.

Свидетеля допрашивают две стороны — сторона защиты и сторона обвинения. Защита меня допросила, и я жду допроса обвинителей. Меня опять приковывают к милиционеру и проводят в зал.

«У стороны обвинения нет вопросов к свидетелю», — слышу я голос прокурора. Они не знают, как от меня избавиться, и, наверное, дай им волю, с радостью бы меня сожгли.

Я не хочу уходить, я еще не все рассказал, у меня есть сюрприз для обвинения, но меня уже выводят из зала.

Люди встают и аплодируют мне. Этот яркий момент я запомнил навсегда.

Наше уголовное дело легло в основу второго дела Ходорковского. Наше дело его и разрушит.

* * *

В камеру я возвращаюсь к вечеру в изнеможении и ложусь спать. В тюрьме я пробуду еще два дня — до момента, когда меня закажут на этап. Возвращаться во Владимир, где меня ждут разборки с администрацией колонии, мне совсем не хочется. Меня охватывает щемящее чувство тревоги и непреодолимой тоски. Я молча собираю вещи на этап.

На этот раз я прощаюсь с тюрьмой навсегда. Последний шмон, сборка. Через час автозак увозит меня на вокзал. Вагон набивается битком. Опять шмон, и мы рассаживаемся в купе. Нас человек десять. Это не очень много. Поезд трогается. Этап развозит осужденных, только что получивших сроки. Я единственный арестант со стажем. Все ребята осуждены в первый раз и едут на строгий режим. Их везут в Мелехово. Мои рассказы об этом лагере будут им очень полезны, и мы проводим всю дорогу в разговорах. Этап проходит на редкость мирно и спокойно. Нас по очереди даже выводят в туалет и дают кипяток для чая. Нам повезло с конвоем, они из Владимира. Дурной репутацией пользуется кировский и мордовский конвои.

Во Владимире, под лай собак, нас перегружают в автозак и везут по тюрьмам. Партию вновь прибывших арестантов завозят на «копейку», пересыльную тюрьму города Владимира, где эки будут ждать дальнейшего этапа на зону. Меня персонально довозят до места назначения. Автозак заезжает в ворота колонии, и я нехотя выбираюсь из машины. Меня уже знают и ждут. Встречают контролеры, дежурный и оперативник. Рядом стоит завхоз отряда Жук, который отводит меня в отряд.

«Эх, вот и закончилось мое путешествие», — грустно вздыхаю я.

Глава 49

Тучи сгущаются

После моего возвращения из Москвы события развиваются с пугающей быстротой.

Меня вызывают в штаб, куда на выездное судебное заседание приехали прокурор и судья, чтобы рассмотреть вопрос о моем условно-досрочном освобождении. Я с любопытством рассматриваю судью. Молодая симпатичная женщина, при других обстоятельствах, очевидно, хохотушка-веселушка. Она ясно дает понять, что при наличии непогашенного взыскания на УДО меня не отпустит. У меня внутри все закипает:

«Как же так? Три года бегал, прыгал, был рабом на галерах, заработал кучу поощрений и благодарностей, а здесь из-за какого-то фальшивого взыскания меня лишают свободы?! Неужели один выговор перевесит все мое арестантское прошлое?»

Оказывается, перевесит.

Не исправила меня система. Не потерял я веры в людей и надежды на справедливость. Осужденный нагло и цинично, по полному беспределу, я надеялся хоть на какую-то справедливость. Мне хотелось, чтобы одна маленькая капелька справедливости упала на меня...

Адвокат просит перенести судебное заседание, в чем нам не отказывают. Мы ждем судебных разбирательств с колонией. Я знал, что бороться с ними сложно и опасно. В каждой

колонии администрация ведет себя по-своему, и все в конечном счете решает личностный фактор.

Мне известно о многочисленных расправах над заключенными, об избиениях. Колонию потрясает случай с уроженцем города Ставрова Алексеем Пашуниным. Молодой парень после беседы с оперативником нашего отряда Куликовым Ильей Алексеевичем падает с лестницы, разбивается и умирает. Да, он нарушил режим и даже, возможно, сидел за совершенное преступление. Но это не повод прыгать с лестницы. После отбоя его не было на спальном месте, что заставило сотрудников колонии изрядно перенервничать. Его нашли в другом бараке, в расположении другого отряда, где он мирно пил чай со своим земляком. С ним долго «беседовали» в дежурке, куда его приволокли разгневанные сотрудники. Потом Алексея передали на перевоспитание во второй отряд, где лейтенант Куликов тоже провел убедительную профилактическую «беседу» с осужденным, после которой несчастный упал с лестницы. Не сомневайтесь, все подтверждается и объяснительными, написанными осужденными, и прокурорской проверкой, проведенной после несчастного случая!

Если посмотреть статистику ФСИН, то можно только удивиться количеству падающих с лестниц осужденных. Не повод ли задуматься о происходящем и отремонтировать все лестницы во всей системе?

Тучи надо мной начинают сгущаться. Звонить мне не разрешают, хотя я вижу у завхоза отряда мобильный телефон. Два раза в неделю ко мне приходит местный адвокат. Приходит с единственной целью — увидеть меня и удостовериться, что я жив, здоров и «не упал с лестницы». Я неукоснительно соблюдаю безумный режим и стараюсь держать себя в руках, что делать, поверьте мне, было очень нелегко... Ты варишься в этом котле, общаешься с осужденными, проводишь с ними все время. Время начинает тянуться долго и мучительно. Раз в неделю — не душ и не баня. Я не знаю, как назвать этот помывочный процесс. Омовение, наверное, или помывка. Время ограничено. Количество кранов с горячей и холодной водой тоже. Хватает только тазиков, в которых надо успеть помыться и постирать вещи... Своими глазами я видел мужиков, надевающих мокрые, только что постиранные штаны. Стирать и сушить в отряде — целая искусственно созданная проблема. Раз в неделю — обязательное «воспитательное мероприятие» — маршировка с песней. «А я в Россию, домой хочу, я так давно не видел маму!» — громко топя, орут ээки...

Один ээк поделится своей бедой. Его ночью вызывали на беседу завхоз и оперативник Куликов. Выбивали явку с повинной. Регулярно в колонию приходят ориентировки о совершенных преступлениях. Закрывать такую ориентировку — дело чести оперативника, а также вопрос денежного вознаграждения. Саше предложили сделку — взять на себя кражу, которую он не совершал.

«Много все равно не добавят, а мы тебя на УДО потом отпустим», — убеждал его оперативник.

По рассказам местных жителей, старшего оперуполномоченного лейтенанта Куликова в выходные дни можно встретить на рынке Владимира, где он подрабатывает торговлей розами...

Вопрос о снятии с меня взыскания затягивается. Сначала судья уходит в отпуск, потом беременеет и опять уходит — уже в декрет. Назначается новый судья. Я считаю дни. Атмосфера накаляется. Адвокат, каждый раз приходя в колонию, подписывает у начальника или его заместителя ордер на мое посещение. Начальник колонии, полковник Никифоров, не стесняется открыто угрожать, призывая меня к своему, тюремному, порядку:

«Он что, на дыбы встал? — спросит он моего адвоката. — Да мы ему еще пять нарушений навешаем!»

Арсенал методов воздействия на осужденного, решившего пойти против системы, обширен и многообразен. К тебе могут подойти блатные и «вежливо» попросить не жаловаться на администрацию колонии, так как это негативно скажется на общем положении. В красном отряде методы воздействия иные. После собеседования с печально известным оперативником Куликовым дневальный Вампир резко меняет ко мне отношение. Если раньше он любил поумничать и похвастаться передо мной прочитанными трудами Ницше, то теперь двадцатитрехлетний юноша прилюдно оскорбляет меня и провоцирует на конфликт. Мне очевидно, откуда растут ноги. Понимая, к чему ведет словесная перепалка, понимая, что долго так продолжаться не может, я осознаю, что буду вынужден дать ему в морду. Последствия сего поступка для меня легко предсказуемы — рапорт, заявление, выговор, а то и новый срок за нанесение легких телесных повреждений.

Я пишу заявление на имя начальника колонии с просьбой о переводе в безопасное место. Меня сажают в ШИЗО, где я в одиночестве провожу десять суток. Там будет гораздо лучше, чем в отряде. Я остаюсь наедине со своими мыслями и крысами, которые в изобилии водятся в канализационных трубах ШИЗО. Отверстие параши я затыкаю свертком, скатанным из старых простыней и обмотанным целлофановым пакетом. Однажды я имел неосторожность вытряхнуть из тарелки в канализацию остатки каши. Так я приманил в камеру все крысиное население ШИЗО. Я отчетливо слышу их голоса и возню. Они разговаривают и общаются между собой, а возможно, пытаются сказать что-то и мне. Крысы грызли и выпихивали снизу затычку, пытаюсь зайти ко мне в гости... Как-то днем я задремал на деревянном полу, а проснулся от крысиных прикосновений. Молодая крысиная парочка вовсю резвилась на полу камеры в лучах дневного света, задевая меня огромными хвостами... За окном слышалась живая музыка, обожаемая начальником колонии: «Если б я был султан, я б имел трех жен...»

За время вынужденного одиночества я о многом передумал и сумел привести в порядок свои мысли и немного успокоиться. В камеру приходит оперативник и показывает мне постановление комиссии о переводе в первый отряд, обслуживающий столовую. Собрались сотрудники колонии, подумали и решили. Куда же определить человека не с одним высшим образованием и имеющим проблемы со здоровьем, как не к баланде! Не в библиотеку же его на работу брать!

«Откажешься идти в отряд — останешься в ШИЗО», — предупреждает меня оперативник и ждет моего решения.

«Обложили, гады, со всех сторон», — думаю я и неохотно соглашаюсь.

«Пошли!» — говорю я и делаю первый шаг.

Глава 50

И снова — раб на галерах

При первом взгляде отряд производит гнетущее впечатление. Знакомый мне по карантину Миша Марьин, ныне завхоз отряда, с ходу выдает мне:

«Нам нужен твой отказ от работы! Пиши заявление, что отказываешься работать и едешь в ШИЗО или идешь работать на мойку!»

Я выбираю последнее и в очередной раз становлюсь рабом на галерах. Рабочий день от подъема до отбоя, по пятнадцать часов в воде. Мойка — самый тяжелый участок, куда в наказание ссылают провинившихся баландеров или определяют людей, ни на что другое не способных. В бригаде, включая меня, трое штрафников и двое штатных посудомоев. По единогласному решению бригады мне достается самый легкий участок — ополаскивать уже помытые тарелки и относить их на раздачу. Но и эта работа нелегка. Через амбразуру, разделяющую мойку и помещение столовой, где обедают зэки, нас заваливают тарелками, поварешками и бачками. Конвейер не останавливается ни на минуту. У нас ни секунды покоя. Мужики плачут — в буквальном смысле слова. За плохо помытый бачок или поварешку грозит наказание — подача, как ее здесь называют, то есть удар палкой для перемешивания каши в котле. Палка формой и размерами скорее напоминает весло. Наказание исполняется на месте завхозом цеха, завхозом отряда Мишей и старшим поваром Димой. Часто исполнение наказания откладывается до вечера и с лихвой отрабатывается в кабинетике Марьина. Дима держит зэков за руки, а Миша бьет специально припасенной для этих целей гибкой пластиковой трубкой.

Самое ужасное, что, приди любая комиссия в эту колонию, в этот отряд, спроси прилюдно осужденных, издевается ли кто над ними, будет дан отрицательный ответ. Наедине, без присутствия сотрудников колонии, лишь некоторые решатся рассказать о происходящем. Подтвердят все лишь те, кто окажется на свободе.

«Комиссия приедет и уедет, а вам здесь еще сидеть», — зловецкий шепот угрожающе будет звучать у них в головах.

Можно по-разному относиться к этим людям: осуждать их, вешать на них разные ярлыки, типа «они сами такого заслуживают, раз позволяют к себе подобное отношение». Здесь стоит остановиться, на секунду задуматься о происходящем и задать себе такой вопрос: а может ли общество считать себя цивилизованным, если допускает такое? Кем становятся люди, прошедшие такую вот «школу»?

Я с ужасом наблюдаю за происходящим вокруг.

«Осталось чуть-чуть, надо только немного продержаться и не сорваться», — успокаиваю я себя.

Я пишу очередную жалобу на сотрудников колонии. Не соблюдается Трудовой кодекс, не платится зарплата, рабочий день превышает все допустимые нормы. Мы звоним во все колокола, рассылает жалобы во все инстанции. Адвокат пишет письмо на имя начальника ФСИН России Реймера с требованием о моем переводе в другую колонию.

Администрация не собирается сдаваться и отвечает очередным взысканием, объявляя мне выговор. Два раза в день в отряде проводится проверка. Звенит звонок, зэки выбегают со своих рабочих мест, строятся во дворике столовой, а услышав свою фамилию, в ответ называют имя и отчество, после чего разбегаются по рабочим местам. На очередной проверке звонок не зазвенел. По всем цехам, кроме нашего, прошел дневальный и тайно вывел весь отряд во двор на проверку. Дежурный, капитан Трясцин, терпеливо ждал, пока построится весь отряд. Он заранее обо всем договорился с оперативником лейтенантом Куликовым, который и организовал данное лицедейство. Мы же, увлеченные мытьем посуды, не заметили расставленной ловушки. Очнулись мы только тогда, когда на мойку с истощенными воплями вбежал дневальный и сообщил нам о том, что отряд построен и ждут только нас. Для отвода глаз выговоры объявили всем членам нашей бригады — естественно, включая меня. Осужденные долго шептались и удивлялись произошедшему. Один зэк бесхитростно и откровенно прокомментирует события:

«Это ж надо было столько людей задействовать, чтобы Переверзину выговор объявить!»

Я сам был шокирован происходящим и ждал развития событий. Мой партнер по бригаде Леша признается мне, что за несколько дней до моего появления его вызвал к себе завхоз Марьин и попросил спровоцировать на драку человека, который придет в отряд... Провокаторов, пригодных для исполнения этой роли, здесь было несколько. Я жил в состоянии постоянной боевой готовности. Разобрав несколько станков для бритья, я вооружился лезвиями. Привязав ниточку к лезвию, я надежно спрятал его в нагрудный знак. Дернешь за ниточку, и лезвие мгновенно окажется в твоих руках. Другое спрятал в ботинок, а третье — в изголовье кровати. Нет, вооружался вовсе не для того, чтобы кого-то поранить, а лишь для собственной безопасности. Старый и проверенный зэковский способ. Чтобы остановить насилие и беспредел, направленный на тебя, надо переломить ситуацию, разрезав что-нибудь себе самому — например, вены. Я уже чувствовал гнетущую атмосферу вокруг — разговоры, враждебные взгляды... Партнер по бригаде и сосед по шконке Ваня расскажет мне, как его после отбоя отведут к завхозу на беседу, выпрашивая о моих планах.

Всех осужденных, которые имеют неосторожность поговорить со мной, ждет такая же участь. Стоит мне с кем обмолвиться словом, как этого бедолагу тянут на допрос к завхозу.

Марьин беседует и со мной.

«Ну зачем тебе все это нужно?! Прекращай народ баламутить, отзывай свои жалобы и живи спокойно в отряде!» — пытается урезонить меня Миша, чередуя посулы с угрозами. «Кончится терпение у Рыбакова, расправятся с тобой мужики, и уже никто тебе не поможет», — продолжает он свою песню.

Редко какой вечер обходится без криков наказываемых. Однажды ночью после отбоя кого-то жестоко бьют. Несчастный орет так, что перекрикивает включенный в кабинете завхоза на полную мощность музыкальный центр.

«Как убить-то не боятся?» — недоумеваю я.

На следующий день Рома Ш. на проверку не встает, а остается на шконке, не в силах шевельнуться. В санчасть его тоже не поведут, так как нужно оформлять какие-то бумаги. Если умрет — напишут, что упал с лестницы. А выживет — все равно жаловаться не будет, а будет — ничего не докажет. Миша Марьин хвастается мне своими заслугами перед оперативниками. Это лично он вывел на чистую воду Рому, работающего на раздаче диетического питания для осужденных. Рому взяли с поличным при передаче мобильного телефона из одного отряда в другой.

«Ну ты и сука!» — не выдержав, бросаю я в лицо Марьину.

Оклемавшись, Рома займет мое место в бригаде посудомоев. Меня же, чудом добравшегося до врача, по медицинским показаниям переведут на другой, не менее важный участок — цех по чистке овощей, или овощегрызку, как ее называют осужденные. Основное занятие — чистка картошки. Чтобы я не отставал от других и не расслаблялся, мне ставят персональный бачок для очищенной картошки. Я быстро осваиваю искусство чистки и делаю работу не хуже других. Мне, единственному из столовой, удается отвоевать восьмичасовой рабочий день. На меня заводится личная тетрадь учета рабочего времени, где я торжественно расписываюсь после каждой смены. Я не вписываюсь в коллектив, так как, отработав свои восемь часов, иду в барак, где сижу на скамеечке, в то время как оставшиеся вынуждены доделывать за меня норму...

Неожиданно появляется возможность посетить тюремный магазин. Мне особо ничего не нужно, и я иду туда как на экскурсию. Из тщательно охраняемого локального сектора выходим по списку, строимся и следуем в ларек. В ларек попадают немногие, далеко не у всех несчастных есть деньги на счету. Но и эту немногочисленную группу осужденных бдительно охраняют преданные завхозу дневальные — чтобы те не разбежались. Такое бывает. Иногда, не выдержав унижений и истязаний, кто-нибудь из баландеров совершает побег из столовой. Бегут в лагерь, в штаб — в надежде, что им там помогут. Но увы, всех возвращают назад. Позже, когда я впервые увижу своего гонителя — господина Рыбакова, заместителя начальника колонии по оперативной работе, — он мне с гордостью скажет: «Первый и второй отряд — это мои детища!»

На мой вопрос «А зачем же так издеваться над людьми?» он философски заметит: «А как же иначе их работать заставить?»

В этом ларьке примерно тот же ассортимент, что и в Мелехово. Я покупаю чай, кофе, конфеты и сигареты. Много беру не для себя, а для товарищей по несчастью. У ребят нет ни чая, ни сигарет. Одна сигарета выкуривается на двух-трех человек. Раздав сигареты, я невольно навлекаю на себя гнев завхоза Миши. С изумлением я узнаю, что правом одаривать несчастных обладает только он! Вечером, в день ларька, он выдает осужденным сигареты, якобы купленные на свои личные, а на самом деле на украденные у них самих деньги... По команде дневального ээки хором благодарят довольного, лоснящегося завхоза: «Спасибо, Львович!»

Хозяйство у завхоза действительно хлопотное и важное. Кроме того, что необходимо накормить осужденных, надо обеспечить питанием и сотрудников колонии — естественно, выкроив продукты у осужденных. Кто заметит отсутствие двух-трех килограммов мяса в

огромном котле для варки баланды? Мясо везут сюда не первой свежести, из государственных резервов. Заканчивается срок годности — и мясо привозят неприхотливому потребителю. Неофициально в столовой работает официальный административный повар — осужденный, который готовит еду для сотрудников колонии. Если в колонии ждут какую-нибудь комиссию или высокое начальство, то бачки с едой для сотрудников прячут далеко и глубоко. И все шито-крыто. Как только комиссия за порог — начинается вакханалия. Гуляй за счет осужденных, ешь-пей — не хочу! Здесь тебе открывается целый ресторан навынос. Столовая принимает заказы от сотрудников! Меню не отличается особым разнообразием, но спрос на халяву высок и стабилен. Официант (тоже осужденный) с утра до ночи, в любую погоду тащит сумки с блюдами оперативникам, режимникам и прочим желающим. Система работает бесперебойно, и ее отцу-основателю есть чем гордиться. Кто уследит, что осужденных положено кормить по два раза в неделю гречкой и макаронами? Хватит с них и одного раза! В другой раз их покормят сечкой, которую и есть мало кто будет. А сэкономленные продукты пойдут сотрудникам колонии...

Случались, правда, маленькие сбои. Однажды в котлетки, поданные на стол оперативникам, попали стекла. Как ни старался Миша Марьин, виновных не нашли. Наказали всех. На всякий случай били всех, кто мог это сделать, но так никто и не сознался...

Приближается дата судебного разбирательства с колонией. Миша Марьин, выступающий посредником в переговорах, вызывает меня на очередную беседу. Взывает к моей совести, опять старается меня вразумить:

«Из-за тебя страдает весь отряд! Мужиков лишили сна, выгоняют работать по 106-й статье! Опомнись, одумайся, отзови из суда свои жалобы! — вещает завхоз. — У тебя уже проблемы! Подумай, ты же взрослый человек! От меня ничего не зависит, я не смогу тебе ничем помочь. Упадешь с лестницы — и все...»

На следующее утро завхоз ведет меня к самому зампобору Рыбакову. Молодой рослый мужчина в чине капитана ясно и доходчиво объясняет мне свою позицию:

«Или я отзываю жалобу, или у тебя будут проблемы».

Он не выдержит и спрашивает:

«Интересно, сколько ты денег забашлял в Мелехово за характеристики и поощрения?»

Капитан воспринимает весь мир через призму своих понятий и не может допустить мысль о том, что я все заработал собственным трудом...

Глава 51

Харакири

Понимая, к чему все идет, и не секунды не сомневаясь в реальности угроз, я давно принял решение. Хотелось жить, но жалобу из суда отзывать я не собирался. Что делать? Надо сделать так, чтобы меня увезли из этой ненавистной колонии. От осужденных я слышал много историй о разрезанных венах, вспоротых животах и перерезанных горлах. Зэки калечили себя, чтобы уехать из зоны и попасть в тюремную больницу. Более экзотические способы — поедание иголок или гвоздей, закатанных в хлебный мякиш, — я не

рассматривал. Хотя, конечно, способ надежный. Проглотишь, и спасет только операция... Я долго ломал голову, на чем остановиться, и после глубоких раздумий сделал нелегкий выбор. Меня терзала мысль о том, что подумает мой сын, если попытка окажется неудачной, а точнее — слишком удачной. Я не хотел, чтобы меня считали самоубийцей. Мой план был расписан по шагам...

Вечерняя проверка. Сумрачный зимний день, идет небольшой мокрый снег. В ожидании звонка осужденные спокойно прогуливаются по небольшому дворику. Зазвенит звонок, зэки встанут в строй и начнется проверка. Я спокойно прогуливаюсь среди зэков и делаю вид, что участвую в разговоре. На самом деле я не слышу, что они говорят, я весь в своих мыслях. Под застегнутой телогрейкой — голое тело. Роба расстегнута и подвернута так, чтобы не мешать задуманному. Холодный ветер покусывает кожу. В правой руке между пальцами я сжимаю лезвие. В нагрудном кармане спрятано еще одно, на всякий случай. Слышится звонок. У каждого зэка свое место в строю. Мы строимся и ждем. Бешено колотится сердце, мне не хватает воздуха.

«Иванов!» — кричит дежурный.

«Петр Николаевич», — отвечает осужденный и выходит из строя.

Я слышу фамилии: Николаев, Лизочкин, Панин.

Следующей идет моя фамилия.

«Переверзин», — доносится до меня.

«Владимир Иванович», — ору я и выхожу из строя, считая шаги.

Раз, два — повернувшись спиной к дежурному, я удаляюсь из строя, на ходу расстегивая телогрейку.

Три, четыре — я с удивлением смотрю на свой оголенный живот и лезвие в правой руке.

Пять, шесть — лезвие входит в живот, словно в масло.

Первый удар был самым трудным — недостаточно глубоким, но самым важным. После него тебя накрывает волна адреналина, и ты, не чувствуя боли,ходишь в раж...

Я планировал вскрыть брюшную полость и вывалить свои кишки со словами: «Что, крови моей хотели? Натe, жрите, сволочи!»

Далее я вижу все будто со стороны — откуда-то сбоку и сверху. Изумленные лица дневальных, с застывшими в криках ртами... Дневальные со всех ног несутся ко мне, окружают, набрасываются и облепляют со всех сторон. У меня нет сил — да и, наверное, желания — сопротивляться, и я лишь слабым голосом хриплю: «Свободу политзаключенным!...»

Раны оказались недостаточно серьезными, и все осталось на своих местах. Внутренности на своем месте, а я на своем, в колонии. Правда, уже в другом отряде — одиннадцатом: с улучшенными условиями содержания осужденных.

На память о произошедших событиях у меня на животе остались шрамы...

Мне недолго пришлось наслаждаться улучшенными условиями одиннадцатого отряда. Сработало письмо Реймеру о моем переводе в другую колонию. И я опять собираюсь на этап.

На прощание капитан Рыбаков говорит мне: «Ну что ты нам, нехороший человек, гадил, жаловался на нас?! Мы здесь ни при чем! Нам лично на тебя наплевать, нам из Москвы звонили и просили тебя прессануть!»

Я не сразу поверил, что у кого-то в Москве имеется такой нездоровый интерес к моей персоне...

Глава 52

Сладкий запах ванили

Автозак под завязку набивается осужденными, следующими в колонию общего режима. Везут в город Покров. Шутки, смех и веселье царят в автозаке, который, кажется, вот-вот развалится. Наученный горький опытом, я не строю никаких планов и иллюзий. По слухам, зона здесь черная и расслабленная. Принимают жестко. Раз на раз не приходится. Я еду налегке, с одним баулом в руках. После многочисленных приключений и грабежей количество моих вещей резко сократилось.

На прием этапа собираются все находящиеся в зоне сотрудники. Открывается дверь автозака, ты выпрыгиваешь и попадаешь в строй тюремщиков. То, что надо бежать, осужденный сразу понимает, без всяких криков. Быстрее пробежишь — меньше ударов получишь. Мне достается три вполне чувствительных удара резиновой дубинкой. По спине и по бокам. Нам повезло, это мягкий прием. Нас заводят в помещение ШИЗО, где проводят прием этапа. По одному выводят на шмон. Прошедший через сотни шмонов, я не вижу здесь ничего запредельного. Обычный шмон, что уже хороший знак. Через всю зону нас строем ведут в помещение карантина. Из локальных секторов на нас устремляются тысячи любопытных глаз, выискивающих знакомых и земляков.

Неуютное помещение карантина встречает нас холодом, сквозняком и комарами. Я не сразу соображаю, что точки у меня на лице — это следы укусов от комаров. На дворе, между прочим, стоит конец января... Ночью, чтобы как-то отгородиться от храпа соседей, я вставляю в уши беруши и не слышу назойливого жужжания зимних комаров. Комары в этой колонии, окруженной болотами, были серьезной напастью. Они жили везде, облюбовав места в затопленных подвалах, подсобных помещениях и промышленной зоне. Не различая людей ни по званию, ни тем более по форме, комары постоянно атаковали источник корма, не видя никакой разницы между сотрудниками и осужденными. Зато когда ветер дул с запада, колонию накрывало сладким запахом ванили и шоколада. В сотне метров от колонии находилась фабрика, где делали шоколад «Alpen Gold».

В колонии царят хаос и разруха, работы практически нет, и эки вынуждены сами себя занимать. Зона вроде бы черная и живет по своим блатным понятиям. Есть настоящий смотрящий за зоной. Подобный человек имеется и в каждом бараке. Бесчисленные смотрящие за прожкой, за санчастью, за общим, за карантином следят за соблюдением арестантских понятий. В этой ситуации выигрывают все — в зоне относительный порядок и

покой. Сотрудникам колонии вообще можно ничего не делать, только приходи на работу и торгуй поощрениями и условно-досрочными освобождениями. Осужденные, не обремененные идиотскими воспитательными мероприятиями, спокойно тянут свои сроки.

Едва успев зайти в помещение карантина, мы готовим списочек: кто приехал, откуда, из каких отрядов. Я работал в столовой, о чем и сообщаю. По местным понятиям, я красный, баландер, козел. Порядочному арестанту нельзя сидеть со мной за одним столом. В карантине я становлюсь изгоем. Еще час назад, находясь с этими малообразованными ребятами, слушая их разговоры, я с ужасом думал, как мне вынести и вытерпеть их общество. А когда они сами изгнали меня, пострадавшего от мусоров больше, чем все они вместе взятые, я потерял дар речи. Я был очень расстроен и сильно переживал. Я перестал есть, начал голодать.

«Ты пойми, Володя, — скажет мне один юноша, — мы против тебя ничего не имеем. Но у нас будут проблемы, если мы не станем соблюдать эту постанову и сядем с тобой за одним столом...»

Через некоторое время все налаживается, и у меня устанавливаются прекрасные отношения и с красными, и с черными. В тюремной жизни есть много нюансов, и часто шансов восстановить справедливость в криминальном мире гораздо больше, чем в обычном. Не думаю, что вы удивитесь, если услышите, что семьдесят процентов россиян не доверяют правоохранительным органам и судам...

В карантине мы находимся девять дней, после чего нас вызывают в штаб на распределение. Я захожу последним и представляюсь, называя фамилию. В кабинете сидят двое: оперативник управления ФСИН Владимирской области капитан Фомин и замполит колонии. Меня уже знают и ждут.

«Ну что, Переверзин, будешь на нас жаловаться?» — спрашивает оперативник.

«Пока вроде не за что. Но будете мне пакостить, начну жаловаться», — честно предупреждаю я.

Тут кадровый голод, и замполит неожиданно предлагает мне поработать в школе — и распределяет в красный, или козлиный, третий отряд.

После событий во Владимирской колонии за мной закрепилась безупречная репутация скандалиста и жалобщика, и милиция боится со мной связываться.

Официально на работу меня не берут, так как в этом случае мне пришлось бы регулярно выписывать поощрения, на что имеется строжайший запрет. Нарушения — пожалуйста, любые. Хочешь — ШИЗО, хочешь — выговор или замечание. Но никаких поощрений! Из моего личного дела спешно изымают случайно данную мне благодарность за участие в конкурсе художественной самодеятельности, где я был и режиссером, и актером, исполняющим несколько ролей одновременно.

Однажды один майор, начальник воспитательного отдела (безвредный и неприметный до такой степени, что его отсутствия — как, впрочем, и присутствия — можно не заметить) спрашивает меня:

«А как у тебя с президентом?»

Поперхнувшись от неожиданности, я медленно, чеканя каждый слог, говорю нейтральную фразу:

«С президентом у меня все хорошо».

Майор не выдержит, проболтается и выдаст мне государственную тайну. Он говорит:

«Звонили из Москвы и предупредили, что нахождение Переверзина на свободе нецелесообразно».

Перед моими глазами предстает ясная картина. Какой-нибудь заместитель начальника какого-нибудь отдела из администрации президента звонит в город Покров, в забытую богом колонию. Местное начальство, услышав слова «администрация президента», вскакивает по стойке смирно и, отдавая честь неизвестному, выслушивает приказ. Только чести давно не осталось и отдавать уже нечего...

И потекли мои денечки, побежали и стали складываться в недели и месяцы, приближая меня к свободе. Чтобы не сидеть в отряде, я начал ходить в школу, где познакомился с директором — Гафаровой Надеждой Вячеславовной, педагогом от Бога. Порой я удивлялся ее терпению и мудрости, с которыми она давала знания своим взрослым, не всегда благодарным ученикам. Школа — это громко сказано. Холодный неотопливаемый класс стал и моим пристанищем на долгое время. Я организовал кружок английского языка. К моему удивлению, народ пошел со всей зоны. От желающих учить английский не было отбоя. Мне привезли учебники и несколько аудиокурсов. Сформировалось несколько групп. Дело пошло. Пока не дошло до замповора. История с английским языком прошла мимо него, и когда он узнал, что происходит у него под носом, рассвирепел.

«Не может враг народа у нас английский преподавать! — возмутился он. — Он же на свою сторону всех перетянет».

В Мелехово я уже был «врагом государства», поэтому новость о том, что я «враг народа», я воспринял спокойно.

Мне пришлось лично познакомиться с замповором, капитаном Степуриным, с которым я заключил своего рода сделку. Наш пакт гласил: я тихо и мирно досиживаю свой срок и не жалуясь на администрацию, взамен меня не трогают, дают жить и заниматься английским языком с осужденными. До конца срока мне оставалось около двух лет, и я принял условия соглашения.

Понимая, что УДО мне не светит, я решаю провести оставшееся время с максимальной пользой — занимаюсь собой. В локальном секторе нашего отряда под моим чутким руководством осужденные возводят спортгородок. Турник, брусья, штанга, скамья, гантели — у нас появляется все необходимое для занятий. Школа, спорт, книги занимают все мое свободное время.

В зонах есть твердое правило: чем вольготнее живет осужденным, тем хуже их кормят. Здесь кормили ужасно, и то, что давали в столовой, есть было совершенно невозможно. Мне пришлось переходить на сухой паек. Геркулесовые, гречневые, рисовые

хлопья, орехи и сухофрукты стали моим основным рационом. Посылки я получал регулярно. Прапорщик Валентина, работающая в комнате свиданий и выдающая осужденным передачи, была мила, вежлива и общительна. Она с любопытством рассматривала содержимое моих посылок. От нее я с удивлением узнаю, что, когда я забираю посылку, к ней тут же прибегают оперативники и по описи фиксируют ее содержимое. Раз в месяц оперативники писали на меня докладную... В комнате передач Валентину подменяла ее напарница Людочка, которая была ее полной противоположностью. Увидев у меня в посылке книгу на английском языке, Люда завоет сиреной:

«У нас, у нас разрешена только русская литература!» — заикаясь от гнева, скажет она и торжественно передаст конфискованную книгу оперативникам. Книга Гришэма «Невиновный» проваляется месяц у него в кабинете, прежде чем майор отдаст мне ее со словами:

«Мы же должны были ее просмотреть: а вдруг там какое сообщение зашифровано?»

В колонии строгого режима в Мелехово, где я регулярно получал подобные книги, до такого ни разу не додумались. Тем более это было странно слышать в колонии, где у каждого третьего зэка был мобильный телефон.

После книги внимание Людочки полностью переключилось на журналы «Men's Health» и «GQ», подвергнувшиеся жесткой цензуре. Безжалостно были выдраны все странички, где ее взор усматривал малейший намек на обнаженную женскую плоть.

Рвение работниц комнаты свиданий не знало границ. После унижительной процедуры обыска у родственников, приезжающих к осужденным на длительное свидание, бдительные прапорщицы требовали справки от гинеколога, от участкового врача «об отсутствии контактов с инфицированными больными». В результате после многочисленных экзекуций родственники попадали в комнату свиданий только к вечеру. Я решил оградить своих родных от издевательств и отказался от длительных свиданий в этой колонии.

Глава 53

КВН

Иногда мне приходилось отвлекаться от занятий собой и заниматься творчеством. Зона наша черная, и среди порядочных арестантов выступать на сцене клуба считалось западло — то есть это было неприемлемо. Поэтому зэков палкой не выгонишь на подобные мероприятия, не уговоришь даже за поощрения. Здесь сидят не с такими сроками, как в Мелехово, поэтому многие спокойно отбывают свою двושечку от звонка до звонка, живя по понятиям. А руководству колонии все равно отчитываться надо. Так, мол, и так, осужденных воспитываем-перевоспитываем.

Однажды ко мне подходит начальник воспитательного отдела и спрашивает:

«Ты за границей был?»

«Был», — отвечаю я.

«Сможешь сценарий для КВН написать?» — жалобно спрашивает он меня.

Пришел приказ — провести конкурс КВН среди осужденных. КВН этот посвящается Дню дипломатического работника...

Я не могу удержаться от смеха. Какому идиоту такое пришло в голову? Там же целые институты научно-исследовательские у них существуют, и именуют они себя гордо учеными-пенитенциарщиками! Не перестаю удивляться, сколько же паразитов у нас в России имеется — тех, кто делает вид, что работает. Уж лучше вообще ничего не делали бы — вреда было бы меньше.

Я великодушно соглашаюсь и с энтузиазмом берусь за дело. КВН надо сделать так, как будто в колонии между отрядами реально конкурс был, провести финал и выявить победителей. В мое распоряжение поступают пять эков. Я становлюсь сценаристом, режиссером, ведущим и участником нескольких команд одновременно... Минимум декораций. Забегая немного вперед, скажу, что, когда мой шестнадцатилетний сын увидел чудом сохранившуюся запись, он спросил: «Папа, что это за бред?» Но тогда я решил поразвлечься и написал сценарий, придумав сценки для трех команд. Я повторюсь: никаких команд не было, как не было и самого конкурса. Было только несколько эков, включая меня, перед которыми была поставлена задача создать видимость проведения конкурса...

Здесь, на свободе, это, конечно, выглядит бредом, но тогда я тихо посмеивался и даже был горд собой, при этом не исключал возможности, что меня посадят в изолятор, так как эта запись шла в Управление ФСИН по Владимирской области. Мне и сейчас кажется это смешным. Две сценки были не очень интересны, но первая представляла собой вполне достойное зрелище. Действие снималось на видеокамеру в помещении библиотеки колонии. Итак, мы начинаем КВН...

Ведущий — ваш покорный слуга: «В ходе острой конкурентной борьбы в финал конкурса, посвященного Дню дипломатического работника, вышло две команды: команда “Ураган”, которая вихрем пронеслась к финалу, буквально сметая на своем пути всех соперников, и команда “Черепахи”, которая медленно, но верно шла вперед, руководствуясь принципом “тише едешь — дальше будешь”. Вашему вниманию предлагается заключительная схватка этой борьбы...»

Действие происходит в импровизированном МИД колонии. На экране появляется заставка «Министерство иностранных дел колонии общего режима г. Покрова». Несколько заключенных, они же сотрудники МИД, сидят и пьют чай. В помещение энергично входит высокопоставленный работник МИД (опять я, так как роли, где надо было относительно много говорить, я оставил себе) и говорит:

«Хватит вам тут чай распивать! Вам известно, что в мире происходит?»

«А что? Что происходит?» — отвечает мне один из сотрудников.

«Вам известно, что Земля вращается вокруг Солнца, а совсем не наоборот? — спрашиваю я.

«Да ну!» — удивленно тянет тот же эк.

«Да, да, да... — продолжаю я. — И вообще, мы живем в век научно-технического прогресса, нанотехнологий и инноваций. Вот, например, вы что-нибудь слышали о городе Солнца? Его еще Страсбургом называют!»

«Город Солнца? Страсбург?» — задумчиво повторяет за мной ээк.

«Да! И нам необходимо срочно установить с ним дипломатические отношения! Кто будет послом?»

Ээки с недоумением и испугом смотрят на меня. Я обвожу взглядом всех присутствующих и останавливаюсь на одном из сотрудников:

«Ага, Василий, вот ты и будешь послом!»

Василий испуганно озирается, не зная, что и сказать.

«Да, посол ты в Страсбург», — заключаю я — и это звучит как ругательство...

Смена декораций. Действие переносится в Министерство иностранных дел Франции, о чем гласит соответствующий плакат. Кабинет министра, где тот (простите за нескромность, но это опять я) сидит за столом, делая вид, что просматривает документы. В кабинет неуверенно заходят несколько человек. Переминаясь с ноги на ногу и подталкивая друг друга, один из них начинает говорить на смеси ломаного английского и русского следующее:

«Хеллоу, френдс. Мы есть из далекой страна (изначально я подумывал вложить в его уста «далекой, дикой, дремучей страны правового беспредела» — но не стал...). Ви вонт дружба, дипломатик отношений!»

На что французский министр моим голосом отвечает:

«I am very glad to see you here. We have been waiting for you for ages! I would like to ask only one question! What about human rights in your country? Human rights?»

Дипломаты из далекой страны недоуменно переглядываются, явно не понимая собеседника. Тогда министр переходит на ломаный русский язык и с акцентом говорит:

«Права, права человека?!»

Посланник из далекой страны с облегчением отвечает:

«А, права! Права человека! С этим у нас все в порядке — я знаю такого человека!»

Занавес.

Изначально я думал закончить сцену показом портрета президента России, но отказался от этой идеи, так как сотрудники администрации могли понять мою иронию. А так они ничего не поняли — или просто не смотрели запись...

Вот так и проходили не самые худшие дни моего заключения. Я и тогда получил от этого удовольствие, и получаю его сейчас, когда с улыбкой на лице пишу эти строки...

Глава 54

Кругом враги

Мне не суждено было обрести покой в местах лишения свободы. У меня появляется новый сильный враг — заместитель начальника ФСИН Владимирской области по оперативной работе полковник Анатолий Дейкун. Гроза всех осужденных и милиционеров, молодой полковник любил заглянуть в колонию. Любил он это делать часто, никогда не забывая уделить лично мне свое внимание. Вся зона знала: если Дейкун заходит в колонию, то первым делом он направляется в третий отряд, ко мне в гости. Он не скрывал, что в третий отряд заходит исключительно из-за Переверзина — и громогласно заявлял об этом. Дейкун обожал порыться в моей тумбочке и вещах. Разворошит матрас, сдернет простыни, заглянет в наволочку. Иногда не брезговал прилечь на шконку. В те минуты мне хотелось спросить его, лежащего на моей кровати: «Что, под себя примеряешь?» Я жалел, что у меня не было при себе мобильного телефона с камерой. Такие уникальные кадры пошли бы гулять по Интернету, и не сносить бы полковнику головы и погон. Уж и не знаю, как он сейчас там, без меня, хоть посылку ему отправляй со старыми вещами...

Если вы меня спросите, не сумасшедший ли он, я с уверенностью отвечу: да он настоящий маньяк!

Дейкун радовался как ребенок, когда арестовал меня и посадил в ШИЗО на десять суток. На моей кровати он лично обнаружил два тонюсеньких матраса и два одеяла, доставшихся мне в наследство от освободившегося зэка. Пойманный с поличным, я был торжественно препровожден в изолятор на десять суток.

«Ура, меня освободили!» — такими словами я начну письмо другу, когда меня выпустят из ШИЗО. Некурящий и независимый от чифиря, я хорошо переносил изолятор. Сидеть там летом было бы вполне терпимо, если бы не комары, охотой на которых я коротал время. За окровавленный труп комара на белом потолке можно было получить дополнительные сутки, поэтому приходилось замечать следы. Время в ШИЗО пролетает быстро, и я вновь возвращаюсь к привычному укладу жизни.

Для курящих сидеть в ШИЗО — настоящая пытка. Да и без чаю не многие способны обойтись, поэтому зэки идут на всевозможные ухищрения. В камеру ты заходишь не в своей одежде — тебя полностью переодевают в наряд с надписью «ШИЗО». Пронести можно только в себе. И проносят... Заворачивают, запаивают в целлофановые пакеты чай, сигареты — и в себя... Видел своими глазами. Еще можно разжиться сигаретами, если повезет, во время прогулки, на прогулочном дворике. Завернутые в целлофан сигареты и чай летят по воздуху — их перекидывают зэки. Так устроено в черной зоне. По воровским понятиям, зэк в тюрьме не должен страдать — он должен отдыхать и набираться сил. Тюремщики же считают совсем наоборот. Они уверены, что осужденный обязан страдать, и поэтому всеми силами стараются перехватить запретный груз, а тех, кто его бросает, — изловить и посадить в ШИЗО.

Несмотря на регулярные визиты Дейкуна в отряд, осужденные относятся ко мне хорошо, с пониманием. Сплю я на почетном месте, у стены на нижней шконке. Окружает меня самый разный люд. В бараке проживают осужденные, работающие в пекарне, на стройке и в столовой.

Старший дневальный отряда Резаный — молодой парень с огромным шрамом на шее. Он рассказывает мне свою историю. Из неблагополучной семьи, с тяжелой судьбой, сидит за грабеж. После ареста попал во Владимирскую тюрьму, в пресс-хату, где под руководством местных оперативников руками осужденных создавались невыносимые условия жизни. У нормального человека не хватит фантазии, чтобы представить, что могут творить человеческие существа с себе подобными. Анатолий, тогда еще не Резаный, чтобы не брать на себя чужие дела, вспарывает себе шею и добивается перевода в санчасть. Как выяснится, с прессовщиками из этой камеры Владимирской тюрьмы я тоже сталкивался лично. Они работали завхозами первого и второго отрядов в колонии общего режима во Владимире. Это Жук, Сережа Жукин, и Фанат, Саша Виноградов. По странному стечению обстоятельств их третий подручный по камере Заяц окажется невостребованным и сменит свою специализацию прессовщика на мирную профессию баландера. Резаный в некой растерянности покажет мне своего, ничем не примечательного мучителя... Надо отдать ему должное — получив власть над своим мучителем, Резаный ограничится лишь однократным избиением и воздержится от каких-либо дальнейших издевательств над своим врагом. Несмотря на совершенное преступление, благородства и такта у Анатолия побольше, чем у многих находящихся при исполнении лиц.

* * *

В местах лишения свободы сидят разные люди. По моим оценкам, невиновных процентов тридцать. Разные обстоятельства привели людей в тюрьму. Сидит много подлецов и отъявленных мерзавцев. Но то, что с ними делает система, не поддается описанию. В этих условиях хороший станет плохим, а сомневающийся потеряет последние остатки надежды на справедливость и веру. Плохой станет еще хуже. Людей в погонах я бы вообще не подпускал к осужденным, тем более к решению вопроса об их условно-досрочном освобождении. На них — только охрана по периметру колонии, чтобы заключенные не разбежались. Психологи, врачи, учителя — вот люди, которые могут принести пользу осужденным. Работает осужденный — получи балл, учится — еще балл, ходит на занятия к психологу — еще два. Все добровольно. Набрал условные десять баллов, получил рекомендацию психолога — иди на УДО. Не хочешь — сиди весь срок. Всё. И не надо ничего придумывать.

Глава 55

Спартакиада народов ФСИН

Порой сотрудники ФСИН демонстрируют неплохую фантазию. Нас ожидало еще одно масштабное событие. Приближалась спартакиада осужденных колоний Владимирской области. Футбол, волейбол и настольный теннис — три дисциплины, где соревнуются зэки. Право принимать у себя участников соревнований выиграла колония строгого режима в Мелехово. Принять участие в спартакиаде — дело обязательное и ответственное. В нашей колонии спешно собираются команды. Желающих набирается немного. Местные понятия не позволяют порядочным арестантам принимать участие в подобных игрищах, поэтому в командах много вакантных мест. Идея побывать в Мелехово, где я провел три года,

захватывает меня, и я записываюсь в волейбольную команду. В волейбол я не играл ни разу в жизни. Капитан команды, завхоз третьего отряда Анатолий Резаный, подбадривает меня:

«Главное — выйти на поле, просто для галочки».

Добровольцев, готовых выйти на поле для галочки, набирается семь человек. Появляются и футболисты, и теннисисты. Смотрящий за зоной по настоятельной просьбе администрации колонии дает добро на участие порядочных арестантов в спартакиаде.

Ранним утром, после плотного завтрака, специально приготовленного для нас, мы плотно набиваемся в автозак и выдвигаемся в путь. Под надзором конвоира, вооруженного автоматом, и собаки мы с относительным комфортом располагаемся в клетках. Машина еле едет, то и дело останавливаясь. То светофор, то пробка, то просто глохнет двигатель. Мы добираемся до места назначения за четыре часа. Автозак заезжает на территорию колонии, в шлюз, и мы по очереди выпрыгиваем из машины. С резиновыми дубинками в руках нас встречает местная милиция.

«Вы знаете, куда вы приехали?» — здоровенный оперативник ошарашивает прибывших спортсменов громоподобным воплем.

Нам здесь явно не рады. Для оперативников это совершенно пустое, никому не нужное мероприятие, лишняя головная боль.

«Здесь вам не общий режим, а Ме-ле-хо-во!» — чеканя каждый слог, говорит оперативник. — Понятно?» — обращается он персонально к каждому.

«Понятно», — растерянно отвечают эки, не ожидавшие такого радушного приема.

Майор замечает меня и спрашивает:

«А ты, Переверзин, что тут делаешь?»

«В гости приехал», — честно отвечаю я.

По одному мы проходим через шмон, строимся и идем в помещение профилактория. Скинув черные робы и облачившись в спортивную форму, наша команда в полном составе выходит на аллею, хорошо мне знакомую по маршировкам, и следует на стадион.

Я прохожу мимо локалок, где вижу много знакомых лиц. Осужденные оживленно кричат и машут руками, приветствуя меня. Я радостно отвечаю им тем же. В локальном секторе стадиона собирается толпа зрителей из осужденных, с которыми можно общаться. Помимо нас в Мелехово приехали команды из колоний строгого режима Вязников и Пакино. Всего четыре команды. Масштабное и диковинное мероприятие всю освещается прессой. Многочисленные журналисты оккупировали стадион. Спартакиада начинается волейбольными баталиями. Все внимание приковано к нам. В первой схватке схлестнулись команды Мелехово и Вязников. Играли прекрасно, очень зрелищно. Красивой игру делали волею судеб попавшие в каждую команду кандидаты в мастера спорта по волейболу. Следующими выступали мы. Я совсем не волновался, даже не задумывался о предстоящей игре. Правила мне разъяснили непосредственно перед матчем. Мне казалось, что играть в волейбол гораздо проще. Однако после выхода на площадку я понял, что дело гораздо серьезнее, чем я предполагал. Отбить мяч я сумею один раз, да и то случайно. Мяч,

проскочив мимо моих рук, ударится о мою грудь, после чего случайным образом отскочит на сторону соперника, где будет принят и отбит. В те минуты от стыда мне хотелось исчезнуть, раствориться в воздухе. Я с радостью подсчитывал проигранные очки, приближающие нас к окончанию позора. Играл я ненамного хуже других членов нашей команды, которые ни разу не смогли принять подачу соперника. В воздухе повисли слова сотрудника управления ФСИН Владимирской области, ответственного за воспитательную работу с осужденными.

«На фиг ты этих придурков сюда привез!» — обхватив голову руками, кричал он сопровождающему нас замполиту.

Один мой знакомый осужденный, прибежавший на стадион поговорить, узнал о моем прибытии в Мелехово со слов другого зэка.

«Иваныч приехал! Чудит на поле!» — новость быстро разнеслась по всей колонии. Уже через несколько минут после проигранного матча я делился впечатлениями со своими старыми знакомыми. На площадку пришлось выйти еще раз, чтобы сразиться за заслуженное последнее место.

С футболом и настольным теннисом дела обстояли гораздо лучше. Во Владимирской области не нашлось равных нашим теннисистам и футболистам, которые заняли первые места. Вокруг футбола закипели нешуточные страсти. Присутствующие здесь начальники колоний (в эти минуты, очевидно, почувствовавшие себя Абрамовичем с его «Челси») бешено орали, поддерживая своих подопечных. В финальной игре наша команда встретилась с командой строгого режима из поселка Пакино, где раньше заместителем служил наш нынешний хозяин. Подполковник будет счастлив, получив радостную весть о нашей победе!

Несмотря на полное фиаско в волейболе, в общекомандном зачете наша команда заняла первое место — мы возвращались в колонию с победой!

Пообедав в местной столовой, мы в полном составе погрузились в автозак и отправились домой.

Местная баланда потрясла воображение моих товарищей по команде. В Мелехово кормили заключенных на несколько порядков лучше, чем в Покрове. В тот день был дан праздничный обед, состоящий из макарон, произведенных в местной пекарне, и горохового супа.

С собой мы увозили море впечатлений и эмоций. Мои товарищи по команде были потрясены жесткостью режима в Мелехово. Сережа, занявший первое место в теннисном турнире, скажет:

«Лучше сидеть два года в Покрове, чем один год в Мелехово».

Во многом он был прав. Но мое подсознание вытеснило из памяти все плохое, и у меня остались только хорошие воспоминания об этой колонии.

«Я люблю тебя, Мелехово!» — готов был закричать я. Мне хотелось вернуться в арестантское прошлое, кажущееся отсюда беззаботным, в то время, когда я находился в счастливом неведении и не подозревал об испытаниях, которые выпадут на мою долю...

Уставший, но счастливый, к позднему вечеру я вернулся в барак и долго не мог уснуть, перебирая картины прошлого.

Наутро команду победителей чествовал сам хозяин — начальник колонии.

«Ну молодцы, мужики, ну порадовали», — приговаривает он, пожимая нам руки.

«Надо же, Пакино обыграли!» — не может успокоиться хозяин. Мысль о том, что его команда обыграла колонию, где он раньше работал, и таким образом он сделал своего бывшего начальника, радовала нашего хозяина бесконечно. Он рассыпался перед нами в любезностях и благодарностях, обещая всех наградить. Я буду единственным членом команды, кто останется без поощрений.

Глава 56

Жизнь продолжается

Все возвращается на круги своя, и наступают серые будни. Каждый последующий день ничем не отличается от предыдущего. Подъем, отбой, школа, спортгородок — вот и все. Обычное утро не предвещало ничего необычного. По подъему в колонию заходит толпа сотрудников ФСИН, включая космонавтов — взвод спецназа в масках. Остальные специалисты приступают к грандиозному шмону. Обыск проходит по всей зоне одновременно. Переворачиваются все отряды и все объекты, просматривается все и вся. У осужденных конфискуется огромное количество гражданской одежды. Свитера, майки и куртки и иное имущество осужденных летит в большие мешки для мусора. Попадают мобильные телефоны. Зачем, для чего это делается? Зачем задействуется такое количество сотрудников? Мероприятие совершенно бестолковое, никому не нужное. Больше сотни здоровых мужиков занимаются такой ерундой.

«Им бы дороги строить да землю пахать», — думаю я.

* * *

Почему в местах лишения свободы идет такая оголтелая борьба с мобильными телефонами? Вам, конечно, наговорят, наплетут, что это делается для того, чтобы находящиеся там преступники не могли планировать новых преступлений, давить на потерпевших; расскажут сотни историй использования телефонов в «в противоправных целях». Наверное, подобное имеет место быть. Но главная причина отнюдь не в этом. Главное то, что телефоны дают осужденным делиться информацией о том, что происходит в колониях. Этого сотрудники ФСИН боятся больше всего на свете...

* * *

Осень встречает нас чередой шмонов, всевозможных комиссий и проверок. Ждут комиссию из Москвы. По слухам, приезжает какой-то московский генерал. Зона живет в режиме тревожного ожидания — одну неделю, другую... В отряде наводится идеальный порядок, тумбочки пустеют. Остается только спрятать всех осужденных, и тогда будет

полный порядок! Наконец-то в зону приезжает долгожданная комиссия. Многочисленная делегация долго ходит по зоне, смотрит, что-то обсуждает, заходит в бараки и покидает колонию. В нашей жизни ничего не меняется. «Зачем приезжали?» — возникает у меня вопрос.

Неожиданно стихия вносит разнообразие в наши серые будни. В колонии начинаются пожары. Горит большой производственный цех, где худо-бедно функционировало швейное производство. Короткое замыкание явилось причиной всех бед. Пожар разбушевался не на шутку. Я наблюдаю за горящим цехом, за пожарными машинами, приехавшими в колонию, и понимаю, что мне нравится происходящее.

Гори оно все синим пламенем! И мои мысли разделяют многие осужденные...

Цех сгорает дотла, навсегда увековечив местную бесхозяйственность.

Спустя неделю загорается помойка. Пожар не столь масштабный, но своими силами потушить его не удастся, и в колонию въезжает несколько пожарных машин, которые на этот раз успешно справляются со стихией.

Бог любит троицу. Через некоторое время загорается КПП, разделяющий жилую и промышленную зоны колонии. Двухэтажный дом полностью выгорает.

Разруха царит во всей колонии. Все подвалы затоплены, канализация не работает. С холодной водой перебои. Горячей нет. Трубы текут. Пропадает электричество. Мне казалось, что колония находится в зоне экологической катастрофы. Окрестные болота дополняли мрачный пейзаж. Они, как бы втягивая в себя и поглощая все окружающее пространство, создавали атмосферу безысходности и удрученности. Меня не покидало ощущение, что в один прекрасный день колония полностью погрузится в это болото и исчезнет с лица земли.

Иногда руководство колонии пыталось проявлять заботу о своих подопечных и даже готово было тратить на это деньги. Совершенно неожиданно привозят несколько машин с тумбочками. Не важно, что нет горячей воды, что не хватает места, что везде все рушится и разваливается, что текут крыши. Главное — каждому достается серая тумбочка, которая будет улаживать взгляд надзирателей. По агентурным сведениям, каждая из пятисот тумбочек обошлась колонии в двенадцать тысяч рублей. Тумбочки были изготовлены в хорошо знакомой мне колонии общего режима № 5 города Владимира и стоили максимум восемьсот рублей. Операция «Тумбочка» принесла неплохие дивиденды руководству колонии ФСИН Владимирской области. Зэки долго сопротивлялись нововведениям, но силы были неравны, и вскоре невзрачные убогие тумбочки заполонили все бараки.

Через пару месяцев — Новый год. Я подсчитываю оставшееся до освобождения время. Этот срок я раскладываю на кусочки и собираю частями, в разной последовательности. Так мне кажется легче.

«Сейчас досижу полтора месяца до Нового года, — рассуждаю я. — Потом мне останется еще год, а там долгожданная свобода уже не за горами. Три последних месяца можно не считать».

В колонии предновогоднее время — тревожное и самое неприятное. Шмон следует за шмоном, вводится усиление режима. Обстановка напряженная и нервная. Раз в неделю меня навещает мой «друг», полковник Дейкун. Мои вещи, мое спальное место не дают ему покоя. Я удивляюсь терпению окружающих меня эков, которые ни словом, ни намеком не предъявляют мне претензий из-за визитов сумасшедшего полковника. Его последний визит в наш отряд заканчивается конфискацией мобильного телефона и посадкой в ШИЗО моего знакомого.

Морозным вечером в одиночестве я гуляю в локальном секторе и обдумываю происходящее. Стоило мне на секунду представить себя гуляющим здесь же через год, перед следующим Новым годом, как мне становится плохо. Терпение уже на пределе, и оставшийся срок кажется очень долгим. Время замедляется...

Глава 57

Второе чудо

В декабре вносятся поправки в Уголовный кодекс. Опять меняются сроки по моей статье. Максимальный снижается с десяти лет до семи. Мой срок — восемь с половиной лет, на полтора года больше максимального. По закону и логике мне должны снизить срок по данной статье до пяти с половиной лет, то есть на три года. Получается, что я уже пересидел свой срок. Мой адвокат подает ходатайство в местный — Петушинский районный — суд о приведении моего приговора в соответствие с новым Уголовным кодексом. Назначается дата судебного заседания — 17 января. Я теряю сон и покой, считаю дни до суда, строю планы. В нашем деле можно ожидать любых неожиданностей.

Как во сне проходит Новый год. Наступает судный день. Судья снижает срок на год и два месяца. До конца срока мне остается ровно месяц! Я опять, как в детской игре, передвигаюсь на несколько клеток вперед разом. Судья перестраховывается, на всякий случай оставляя меня в колонии еще на месяц.

Я считаю дни. Этот месяц оказывается очень тяжелым, последние дни растягиваются до бесконечности. Радостную новость я скрываю от окружающих до последнего момента. Жду, пока решение суда вступит в законную силу, жду, пока оно придет в спецчасть колонии. Вскоре новость о моем близком освобождении становится достоянием общественности. Я не знаю, чего ожидать от тюремщиков. Мысль о том, что среди них найдутся желающие воспрепятствовать моему освобождению, не покидает меня, и я сильно нервничаю. Понимая, что мои слова будут переданы оперативникам, я сообщаю дневальному о своем самом решительном настрое.

«Не дай Бог, в мой адрес будут провокации, — предупреждаю я. — Такое шоу устрою — на всю жизнь запомните! Весь перережусь, приглашу телевидение с журналистами и расскажу обо всех местных пакостях!»

Мое послание доходит до адресата. За неделю до освобождения в колонию приходит полковник Дейкун и вызывает меня на разговор.

«Что, шоу хочешь устроить? Типа страдалец? Не надо нам здесь телевидения и журналистов! Дай слово мужика, что здесь никого не будет!» — неожиданно просит он меня.

Я отвечаю, что лично никого не приглашал и от меня ничего не зависит, я не могу повлиять на свободную прессу...

14 февраля 2012 года, последний вечер в колонии. Я раздаю свои вещи и пытаюсь уснуть. Сна ни в одном глазу. Я жду утра, чтобы проснуться, умыться, попить с народом на прощание чифирь и отправиться домой. Однако моим планам не суждено сбыться. После подъема в изголовье моей кровати уже стоит начальник отряда.

«Собирай свои вещи, пошли в дежурку», — говорит он мне.

Еще нет шести утра, на улице совсем темно. Я не могу понять, куда меня ведут. Дежурный офицер, удостоверившись, что я — это я, выпускает меня через двойную железную дверь, разделяющую два мира. Меня ждет начальник спецчасти. Ее вызвали на работу, чтобы выдать мне все необходимые документы. Я получаю паспорт, справку об освобождении и деньги с лицевого счета. На улице меня встречают замполбор колонии, оперативник и незнакомый мне человек в гражданском.

«Садись в машину», — предлагает оперативник.

Мне хочется сбежать. Я не понимаю, куда меня хотят отвезти. Может, новые обвинения предъявят? Или просто убьют, а труп закопают? В панике я просчитываю всевозможные варианты.

«Куда везти, на автовокзал или автостанцию?» — не отступает оперативник.

Делать нечего, я покорно сажусь в машину. До автовокзала города Покрова мы доезжаем за пятнадцать минут, и я выхожу из машины. Еще темно, на мне чудовищного вида телогрейка с биркой на груди и не менее ужасная шапка. На ногах эковские ботинки из дермантина.

«Не пугай людей, оторви бирку и сними шапку», — говорит мне на прощание оперативник и уезжает восвояси...

Я стою как во сне и не знаю, что делать. Благо есть деньги. Пугая немногочисленных в столь ранний час прохожих, я захожу в придорожное кафе. Купив кофе и мороженое, начинаю осознавать, что я — свободный человек. Через двадцать минут такси уносит меня навстречу близким, с которыми я встречаюсь между Покровом и Москвой, в населенном пункте под названием Обухово... Слезы радости и объятия. Эти люди были со мной все эти годы. Друг Леонид Беленький, жена Ирина и сын Денис.

Началась новая жизнь.

Послесловие

Прошло больше года после моего освобождения. Наступило время подвести некоторые итоги. Время, проведенное в местах лишения свободы, не прошло для меня бесследно. К сожалению, я не могу забыть того, что со мной случилось, и в своих снах я иногда возвращаюсь в прошлое. Я согласен с классиком, сказавшим, что нормальному человеку тюремный опыт не нужен, но когда он есть, его уже никуда не денешь. В ваших руках находится не просто книга, а часть моей жизни — семь лет и два месяца, проведенные в тюрьмах и лагерях.

Идея написать книгу о событиях, произошедших со мной, родилась достаточно давно, еще во время процесса. Эту мысль, которая помогала мне выживать, я пронес через все эти годы. У меня не было выбора. Меня арестовали, вырвав из жизни на семь долгих лет. Книга мне далась очень нелегко, мне приходилось возвращаться в прошлое и вновь переживать не самые приятные ощущения. Но я делал это, считая это своим долгом. Я хотел донести до людей следующую мысль: то, что произошло со мной, может случиться с каждым.

Некоторые события, связанные с нашим делом, уже вошли в историю, но само дело еще не закончено и ждет своей развязки. Самое интересное — еще впереди.

Следователи и судьи получили квартиры, ордена и медали. Адвокаты — немаленькие гонорары. Некоторые сотрудники компании сорвали приличный куш, выжав из ситуации все, что только можно... Больше всех пострадали обычные сотрудники компании — менеджеры среднего звена, к которым я причисляю и себя. Малаховскому, Курцину, Бахминой пришлось провести годы в тюрьмах и лагерях. Несладко пришлось и другим сотрудникам опальной компании, которые были заочно осуждены в России, а сейчас, находясь в международном розыске, вынуждены жить за границей. Ни одна страна не выдала проходивших по нашему делу людей. Суды Кипра, Испании, Италии, Великобритании единогласно признали политическую мотивированность дела. Согласитесь, что заподозрить суды вышеназванных стран в сговоре достаточно сложно.

Дело ЮКОСа еще далеко от завершения. Ожидают своей очереди в Европейском суде по правам человека многочисленные жалобы фигурантов. Не сказал своего слова Международный арбитраж в Стокгольме. Незаконными решениями, принятыми ради сиюминутной выгоды, в угоду начальству, следователи и судьи заложили мину замедленного действия под российскую систему правосудия. Здесь не помогут миллионы долларов, официально выплачиваемых правительством России международным консультантам, работающим над улучшением имиджа нашей страны за рубежом. Дела Магнитского, ЮКОСа, Pussi Riot, «Болотное дело» — дела знаковые и тревожные, не только являющиеся позором для России, но и представляющие потенциальную угрозу для каждого гражданина нашей страны. Здесь я попрошу патриотов не беспокоиться и не обвинять иностранных агентов во вмешательстве в наши внутренние дела. Вам понравится, когда сосед по подъезду, проживающий этажом выше, будет бряцать оружием, издеваться над своими детьми, дебоширить, шуметь и хулиганить? А когда вы попытаетесь сделать ему замечание, призвать к порядку и соблюдению правил человеческого общежития, нагло вам заявит: «А чего это вы в мои внутренние дела вмешиваетесь?!»...

Генеральная прокуратура Российской Федерации упорно пытается достать всех экс-менеджеров, проживающих за рубежом, продолжая с маниакальной настойчивостью рассылать ордера на их арест. Приготовлено и ждет своей очереди третье дело ЮКОСа. Ходорковского осудили за присвоение акций «Восточной нефтяной компании» — якобы в результате этого он незаконно стал ее собственником. Состряпано новое (подобное еще не забытому старому) обвинение в хищении и легализации всей нефти, которую эта компания добыла. Хотели было предъявить, но рука дирижера, к досаде следователей, повисла в воздухе, и возникла вынужденная пауза. То ли вообще передумали предъявлять, то ли ждут момента, чтобы с особым цинизмом добавить Ходорковскому еще пару лет непосредственно

перед его освобождением... Чего ждать от этих людей? От властей, взявших прямой курс к репрессиям и принявших ряд законов, позволяющих сажать за инакомыслие, можно ожидать всего. С нашей управляемой судебной системой и сейчас можно посадить кого угодно, подбросив наркотики или обвинив в том, чего не было. Но сейчас речь идет о **легализации**, или **узаконивании**, заведомо незаконных арестов. Распоясались **правохоронительные** органы, вовсю орудуют законные бандформирования. Картина вырисовывается грустная, печальная и безрадостная.

Что я сейчас чувствую? Разочарование, боль, горечь, грусть. Вместе с тем я чувствую себя счастливым человеком. Мне повезло, что вышли поправки к Уголовному кодексу, в результате чего я оказался на свободе. Иначе сидеть бы мне до 15 декабря 2013 года. За эти годы жизнь сильно изменилась, и не совсем понятно, что нас ждет дальше. Чем заниматься, что делать, где работать, как жить? Прошлые и настоящее наложили на меня и моих коллег ряд обременений и ограничений. Не каждый работодатель рискнет взять на работу «политических заключенных»... Я уже столкнулся с проблемой получения кредита в нескольких российских банках. Наличие судимости не только не позволило мне пройти банковский «фейсконтроль», но и помешало назначению на определенную должность в публичной компании... Получение виз для меня также оказалось серьезной проблемой. Мне удалось решить вопрос с шенгенской визой, но для властей Великобритании я по-прежнему нежелательный элемент.

Меня часто спрашивают, не боюсь ли я жить в России и почему не уезжаю на Запад. Тому есть много причин. Это моя страна, которую я не собираюсь покинуть из-за каких-то подлецов и мерзавцев. Время все расставит на свои места. Но сколько потребуется на это времени, зависит от нас с вами. К сожалению, мы, русские, не учимся на своих ошибках и зачастую наступаем на одни и те же грабли. Пережили революцию, войну, массовые репрессии... И опять возвращаемся в тридцатые годы. Но не все так безнадежно. Идут необратимые процессы. Я вижу уже не отдельные ростки протеста, кое-где чудом пробившиеся сквозь асфальт, а многочисленную молодую поросль, которую не закатаешь в бетон старыми советскими методами. Мы живем в другом мире, в другом информационном пространстве, которое формирует нашу реальность, что вселяет определенные надежды.

В заключение я хочу поблагодарить людей, благодаря которым — без преувеличения — остался жив. Эти люди, находясь на свободе, фактически отбывали со мной наказание и помогали мне выживать в течение семи лет и двух месяцев. Это мой близкий друг Леонид Беленький и жена Ирина. Особую благодарность выражаю своему адвокату Дуднику Алексею Леонидовичу.

Также хочу поблагодарить тех, кто поддержал и помог мне после освобождения, — Ирину Ясину, Игоря Писарева, Бориса Галкина.

Особо хочу поблагодарить замечательную женщину, основательницу общественного движения «Русь сидящая» Ольгу Романову, которая после освобождения, окружив меня заботой и вниманием, оказала мне неоценимую помощь и поддержку.

Завершить книгу я хотел бы стихотворением, написанное моим другом Леонидом Беленьким:

МОЛИТВА

Я взываю к тебе
Каждый день без притворства и лени.
Не остави в беде,
Защити, сохрани и спаси.
Посмотри на меня —
Я стою пред тобой на коленях
И, цепями звеня,
Бью челом тебе в пол до крови.

Но за веками глаз
Не видать. И заложены уши.
И не слышен твой Глас.
Завывает на улице Зверь.
Пропадаю во тьме,
Темнота забирается в душу,
Дьявол рвется ко мне,
И трещит под ударами дверь.

Я молился всю ночь.
Голос мой и молитвы все тише.
Ты не можешь помочь.
Ты б, конечно, пришел, если б мог.
Но ты снова молчишь.
Ты, наверное, просто не слышишь.
Человек, ну, услышь!
Тебе молится снова твой Бог...

С уважением,

Владимир Переверзин

Москва, апрель 2013 года

Кипрское отделение банка «МЕНАТЕП»

«Работая в филиале ЮКОСа на Кипре, я имел лишь общее представление о компании. Во время следствия мне предоставили возможность подробнейшим образом изучить, как была организована работа компании. В материалах дела собрана официальная отчетность компании, учредительные документы, всевозможные договоры...»

1999 год. Семинар Bank of America, Сан-Франциско

Впереди кажущееся безоблачным будущее. Но обстоятельства неожиданно поменялись, и я попал в совершенно другую компанию.

Колония общего режима в городе Покров Владимирской области

От людей в погонах я видел только негатив и провокации. Гораздо больше человеческого я видел от обычных арестантов, с которыми всегда находил общий язык.

С сыном Денисом

«Я захожу в маленькую комнату и вижу своих родных. У меня кружится голова. Все происходит как во сне. Вижу жену и сына, выросшего и отвыкшего от меня за эти за три года. Ребенок стесняется и, не зная, как себя вести, неловко обнимает меня. Я с трудом сдерживаю слезы. Я не хочу, чтобы они знали, как мне здесь плохо, не хочу их расстраивать, пытаюсь улыбаться и шутить...»

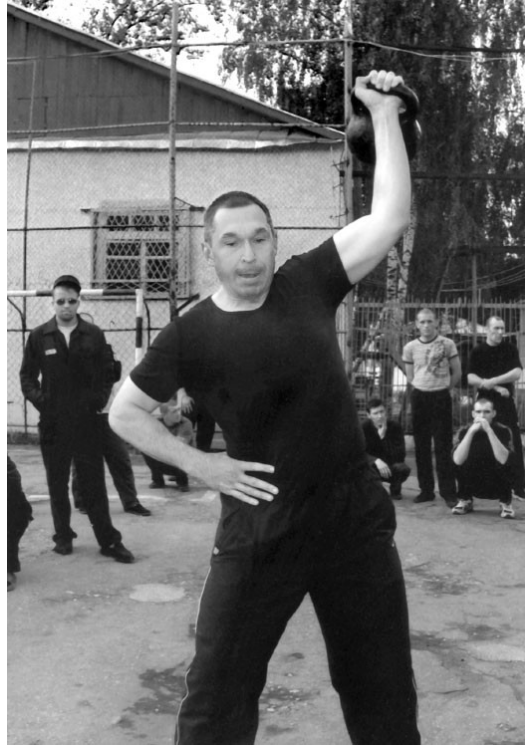
В тюрьме прошла целая жизнь, и без меня вырос сын

«Денис не выдерживает и начинает плакать. Он не хочет уезжать и, пытаясь сформулировать свои чувства, приобнимает меня и произносит: “Папа, мне без тебя скучно”. От этих слов у меня будто сердце останавливается. Надо идти. Мы прощаемся. Меня ждет маршировка, Дениса — школа, жену — работа. Я ухожу».

Французские Альпы, горнолыжный курорт Шамони. Тогда я не мог представить, что судьба занесет меня в колонию строгого режима

«Получив выдавшие виды лыжи и палки, надев чудом подошедшие мне ботинки, я выхожу на старт. Трасса начинается от локального сектора адаптационного отряда и идет по аллее в гору. Надо пробежать вверх, там развернуться, вернуться вниз и поразить приготовленными снежками цели...»

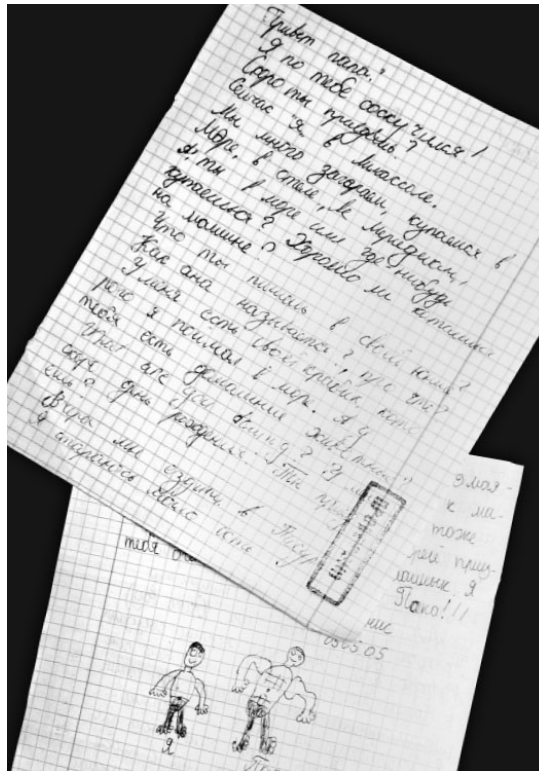
Спартакиада среди осужденных. Битва за УДО

«Рекорд вызвал уважение среди осужденных и поднял мой авторитет в колонии. Андрей скажет мне, человеку, прозанимавшемуся полжизни борьбой: “А мы думали, что ты бумажный человек. Тяжелее ручки ничего не поднимал...”»

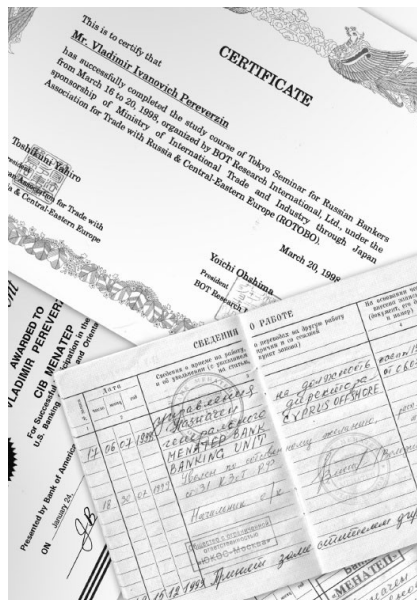
Жена Ирина и сын Денис

«Стоит шум, все стараются перекричать друг друга. Я не слышу, а скорее читаю по губам вопрос: “Как ты?” Из всех сил я стараюсь улыбаться, но выгляжу потерянним. У меня ком в горле, я не могу говорить... Свидание заканчивается. Мне кажется, что не прошло и пяти минут, хотя оно длилось целых тридцать. Мне очень больно и тяжело, физически плохо...»

Письма сына

Будучи уверенными, что меня освободят из зала суда, мы не стали говорить ребенку о моем аресте. Около трех лет, до оглашения приговора, он считал, что я находился в командировке на Тибете, где якобы писал книгу.

Трудовая книжка

«Боже мой! Не веря своим глазам, я продолжаю изучать доказательства своей “преступной” деятельности. Оказывается, моя вина подтверждается моей трудовой книжкой (том 3, листы дела 8–18), где указываются места моей работы...»

Дневники

Все годы я вел дневники, часть которых мне удалось нелегально переправить на волю. Многие пропало, но многое все же удалось сохранить.

В первые часы после освобождения

«И вот я, в чудовищного вида телогрейке с биркой на груди, в не менее чудовищной шапке, в эковских ботинках, в таких же штанах, с сумкой в руке оказываюсь на автовокзале города Покрова. Чтобы не пугать прохожих, я отдираю бирку с телогрейки...»

1 Согласно статье 51 Конституции РФ «никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников». — *Прим. авт.*

2 Pleasure to kill (англ.) — удовольствие убивать. — *Прим. ред.*

3 «Я очень рад вас видеть. Мы ждали вас давным-давно! Я хочу задать вам только один вопрос: как насчет прав человека в вашей стране? Прав человека?» (англ.) — *Прим. ред.*